

охота

и охотничье хозяйство

1

2012

С Новым годом!

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Зимний маршрутный учет необходим

В. КУЗЯКИН, профессор, доктор биологических наук

В последние годы всё больше и больше приходится слышать нарекания по поводу достоверности данных зимнего маршрутного учета (ЗМУ) охотничьих животных. Мол, первичные карточки маршрутов, карточки троплений суточных следов сочиняются «на печке», пишутся «на коленках» и т.п., поэтому ЗМУ надо отменить.

Ежегодные мои исследования проведения ЗМУ в различных регионах России приводят к выводу, что в ряде случаев недостоверность и фальсификация данных ЗМУ происходят в действительности, но не во всех регионах. В достаточно большом количестве регионов ЗМУ проходит строго по методическим указаниям: полевой учет, полевой контроль полевого учета или аналитический камеральный контроль первичных данных учетов, объективная выбраковка недостоверных учетных данных в карточках, поступающих от непосредственных учетчиков.

В чём же кроются причины резкого снижения доверия к данным ЗМУ?

Напомню, что ЗМУ — это российское научное достижение, история которого начинается со статьи величайшего зоолога и эколога А.Н.Формозова, опубликованной им в 1933 г. С тех пор формулу Формозова уточняли, вели экспериментально-модельные проверки формулы. В практике широкого применения метод начал работать с создания В.П.Тепловым в 1962 г. Группы биологической съёмки (ГБС) при Окском государственном заповеднике. В 1964 г. был проведен первый Всероссийский зимний маршрутный учет под руководством ГБС. Заинтересованные учёные-охотоведы (С.Г. Приклонский, О.К. Гусев, А.А. Вершинин, В.А. Кузякин и др.) проводили множество имитационных моделирований ЗМУ, и все они подтверждали верность формул ЗМУ. В 1979 г. была создана Государственная служба учета охотничьих ресурсов России, которая использовала ЗМУ как один из основных ме-

Владимир Александрович Кузякин

тодов мониторинга охотничьих ресурсов. В ЦНИЛ Главохоты РСФСР в 70—80-х годах проводились интенсивные методические исследования, в частности, по ЗМУ. Было дано первое математически корректное доказательство правильности формулы Формозова-Малышева-Перелешина (Челинцев, 1983), на которой строится современная методика ЗМУ.

С 1979 г. прошло более 32 лет практического применения ЗМУ. Собран огромный материал по численности и её динамике в большинстве регионов России. Динамические ряды изменений численности многих видов охотничьих млекопитающих не имеют аналогов в мировой практике охотничьего хозяйства. В небольшом количестве случаев научный анализ данных учета замечает годы смены руководства власти регионов или глав государственных органов охотничьего хозяйства не только по первичным материалам, но и по утверждённым местными органами результатам учетов. Безусловно, это рождает недоверие к данным ЗМУ.

Одна из причин кроется в том, что такой длительный период практики ЗМУ не мог не сказаться на «привыкании» людей, дающих первичные учетные данные. Они вполне могут воспользоваться впечатлениями о встрече следов в лесу или поле в этом году или в прошлые годы. Если в этом году, то беда здесь небольшая. Я нигде и никогда не писал в публикациях, что накопленный и осредненный опыт «учетчика» (лучше — корреспондента) может быть более ценным для мониторинга, чем отдельный действительно

проделанный учетный маршрут, всегда имеющий влияние случайностей. Но это относится только к тем случаям, когда этот опыт накоплен именно в этом году при ежедневном, или почти ежедневном, нахождении корреспондента в полевых условиях. Но такое бывает не всегда.

Гораздо хуже, если корреспондент пользуется впечатлениями прошлых лет, после которых ситуация с численностью животных могла серьезно измениться. Методы достаточно формализованного контроля и выбраковки данных на федеральном уровне не всегда позволяют выявить такие недобросовестные данные.

Ещё хуже, когда в районе или области распространена негласная тенденция завышения численности животных с целью получения большего количества лицензий (квот) на добычу. Ведь сейчас больше заинтересованы учетом копытных животных, пушные виды уже никого не интересуют. И хотя квоты на добычу копытных не всегда прямо зависят от численности этих животных, всё же учеты их численности обычно лежат в основе определения квот. Тенденциозность в результатах учетов я всегда называл «использованием учетных данных не по назначению». Учет животных — это святое дело, это государственный мониторинг охотничьих ресурсов, это ориентир для ежегодного определения общероссийской и региональной стратегии использования того или иного вида животных.

Огромный ущерб охотничьему хозяйству и, в частности, мониторингу охотничьих ресурсов нанесло постановление Правительства РФ о передаче части государственных функций управления с федерального уровня в субъекты Российской Федерации. В отношении мониторинга, учета охотничьих ресурсов, определения квот добычи охотничьих животных этого делать было никак нельзя!!! Три года (2005 — 2007 гг.) существовала экологическая экспертиза по утверждению квот (лимитов) добычи лицензионных видов охотничьих животных. В экспертные комиссии входили ведущие учёные-охотоведы России, которые проверяли и оценивали результаты учетных данных, не без полемики, но всё же находили консенсус по размеру возможных квот изъятия животных из популяций. В результате работы этих комиссий численность многих видов ко-

охота

и охотничье хозяйство 1 2012

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллекция редакции журнала.
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

*Основан в октябре 1955 г.

На маршрутном учете

пытных животных заметно возросла.

Население многих видов охотничьих животных, в том числе и копытных, нельзя рассматривать в рамках границ субъектов Федерации. С момента организации Госохотучета РСФСР (1979 г.) научный анализ достоверности учетных данных проводился на больших территориях, намного превышающих площади субъектов Федерации, причем составлялись аналитические карты получаемой плотности населения животных по каждому административному району. На этих картах выявлялись границы областей, республик, краев с различным уровнем ведения охотничьего хозяйства, выделялись «ядра» географических популяций. Действительно, животные обитают популяциями, люди используют не просто ресурсы конкретного места, хозяйства, района, области, а ресурсы популяций, которые могут занимать территории в несколько или много субъектов Федерации («географические популяции», «популяционные арены» и т.п.). Научный анализ достоверности учетных данных, в том числе ЗМУ, всегда проводился по большим территориям, охватывающим много республик, краев, областей. В наибольшей степени это касается мигрирующих видов охотничьих животных, особенно птиц, но и крупных копытных животных, хищных млекопитающих. Об этом писали многие видные учёные разных поколений (С.С. Шварц, Ю.А. Исаков, А.М. Чельцов-Бebutov, В.Г. Кривенко, А.Б. Линьков и мн. др.). К сожалению, всё это неведомо высшим охотничьим властям, тем более — высшим государственным.

С другой стороны, по упомянутому постановлению оценить качество учетов, определить возможности добычи животных должны учёные и специалисты на местах. Субъектов Федерации, где имеется достаточно много квалифицированных зоологических, охотоведческих, экологических кадров, мож-

но пересчитать по пальцам. А в остальных регионах? Кто там может дать объективную оценку ситуации с ресурсами, даже в собственном регионе? В 98 % случаев — никто!

С третьей стороны, не оказывают ли власти субъектов Федерации влияние на решения экспертных комиссий, на охотничьи власти? Даже при существовании федеральной экологической экспертизы случаи давления на комиссии со стороны некоторых губернаторов были нередки. В итоге напрашивается вывод: учетные данные вполне могут быть фальсифицированы, лимиты в субъектах Федерации устанавливаются без всяких экологических соображений. Тем более — на незакрепленных за обществами охотников территориях. В ряде частных охотничьих хозяйств нормы устанавливают произвольно: кто как захочет. Уже сейчас заметны локальные и региональные снижения численности многих видов животных, особенно копытных, несмотря на благоприятный, вызванный естественными причинами, поворот общей тенденции численности к росту. Не потеряем ли мы свои охотничьи ресурсы?

В целом картина безрадостная. Она приводит к выводу, что действительно необходимо усиление государственного контроля учетных данных и определения лимита добычи животных. Контроль как на федеральном, так и на региональном и районном уровнях. Что касается местного контроля фактического проведения учета (маршрутов, троплений), то здесь есть множество методов и приемов, вплоть до выборочного контрольного полевого прохождения маршрутов. Система постоянных учетных маршрутов этому способствует.

На федеральном уровне всё сложнее. Группа ФГУ «Центрохотконтроль», ведущая контроль, анализ и обобщение учетных данных, постоянно теряет кад-

ры количественно и качественно. Специалист-аналитик, от которого требуется высочайшая научная квалификация, имеет бюджетную зарплату намного ниже, чем любой московский дворник или чернорабочий. Какой квалификации при этом можно добиться? Кто пойдет работать на такую зарплату? Пока что вся эта ответственная работа держится на бескорыстном энтузиазме работников малочисленной патристической группы ФГУ.

Этот тезис заставляет вернуться непосредственно к методике ЗМУ. Метод считается пригодным для учета животных на больших территориях. При этом точность (достоверность) результатов учетов не одинакова для разных видов животных. Это нужно всегда иметь в виду. Чем вид более многочислен и распространен более равномерно, тем учет лучше. Но это тоже до определенных пределов. Так, сибирская косуля в Курганской области может пройти одним путем тысячным стадом. Это уже не тропа, а утоптанная широкая дорога. Тут уж ничего не посчитаешь. В таких случаях метод непригоден. Он сложен в применении в горных местностях: для этого каждому учетчику нужно очень хорошо знать всю теорию метода. Где найти таких учетчиков?

С помощью ЗМУ хорошо учитываются лось, лисица, зайцы, белка, во многих случаях — мелкие куны, европейская косуля, благородный олень (если полностью не привязан к подкормочным площадкам), то же относится к кабану, если численность его не слишком высока. Плохо учитывается волк (из-за сложности определения длины суточного хода зверей), хотя ЗМУ вполне пригоден как учет относительный. ЗМУ не проводят в тундрах, где снежный покров часто уплотнен и звери не оставляют следов (об этом говорится во всех методических указаниях). В малонаселенных районах учет сложно организовать из-за малого количества учетчиков. Есть и другие частные проблемы метода.

От работников обществ охотников часто приходится слышать, что ЗМУ пригоден только для больших территорий, но не для конкретных охотничьих хозяйств. Об этом я писал уже много раз. Учет в хозяйствах вполне возможен в двух случаях. Первый: когда в хозяйстве закладывается достаточно большое количество маршрутов и при строгом, неукоснительном соблюдении правил ЗМУ (методических указаний, рекомендаций, методических научных статей). В конкретном хозяйстве всегда можно оценить достоверность результатов, рассчитав относительную статистическую ошибку: формулы имеются в методических указаниях.

Второй случай — интерполяция (разделение по охотхозяйствам, т.е. по участкам большой территории) данных, обработанных по области, или по группе административных районов. Интерполяция проводится соответственно площади, естественному качеству и антропогенной нагрузке на территории определенных хозяйств. Это может

сделать опытный охотовед регионального государственного органа даже «на глаз», не прибегая к сложным расчетам.

Это может сделать группа Госохотучета России ФГУ «Центрохотконтроль» при условии многократного расширения её штата и умеренных цен на эту платную услугу. Это может быть сделано даже сейчас, но лучше, если будет составлен Охотничий кадастр России на основе кадастровых паспортов каждого охотничьего хозяйства. Для введения в практику кадастра охотничьего хозяйства нужно просто соответствующее внимание федеральных органов власти и добрая воля владельцев хозяйств. Напомню, существуют Водный кадастр, Лесной, Земельный, кадастр недвижимой собственности, где каждый сарай зарегистрирован. А в охотничьем хозяйстве миллиардные ресурсы находятся вне государственного контроля.

Так как же ответить на два типичных для России вопроса: «кто виноват» и «что делать»?

Конечно, историю делают конкретные люди. Личностей, которые довели охотничье хозяйство и мониторинг охотничьих ресурсов до коллапса, очень много. Не будем останавливаться на их перечислении. А если говорить обобщенно, то виновата система.

Система, которой глубоко безразлична судьба животного мира, охотничьего хозяйства, как и многих других сфер человеческой жизни: науки, образования, здравоохранения и т. д. Система, которая ставит руководителями охотничьего хозяйства любого уровня людей некомпетентных, недобросовестных, часто — коррупционеров, браконьеров и пр.

А что делать со ЗМУ? Непременное, обязательное, необходимое условие — вернуть функции учетов животных, контроля учетов, главное — финансирование этих важных дел, ещё более важно — определения квот добычи животных в субъектах Федерации на федеральный уровень! Срочно и обязательно необходимо усилить группу ФГУ «Центрохотконтроль», существенно повысив зарплату её сотрудникам.

Крайне необходимы дальнейшие методические исследования. Во ВНИИОЗ РАСХН имеются перспективные разработки по совершенствованию опросного метода мониторинга охотничьих животных. Без сомнения, необходимы разработки органического соединения анкетно-опросных методов учета со ЗМУ, равно как и с другими основными методами полевого учета животных, соединения анкетно-опросных данных о тенденциях изменения

численности с учетом добычи охотничьих животных. Но для этих работ пока не находится средств. Их нет и для проведения широкомасштабных экспериментов на территории России или её крупных регионов. Пора понять, что для мониторинга широкоподвижных животных (например, дикий северный олень), Красноярский или Якутский региональный бюджет никогда не сможет выделить необходимые денежные средства для ведения мониторинга. Поэтому-то и нужен федеральный уровень финансирования, руководства учетами, контроля ресурсов и квотирования их добычи.

Возможно, что такие средства появятся, когда высшие государственные власти страны наконец-то поймут, что при использовании быстровоспроизводимых биологических ресурсов страны можно пополнять государственный бюджет не меньше, чем от продажи невозпроизводимых минеральных ресурсов. Важно, что это было бы без ущерба жизни будущих поколений россиян.

А что конкретно со ЗМУ? Жаль прерывать длинный динамический ряд результатов ЗМУ! Пока нет других широко апробированных методик, нужно проводить ЗМУ как и сейчас, усилив при этом контроль проведения учетов на всех уровнях.

Фото В. Голубина

На паданке

В 2009 году урожай кедрового ореха был небольшой. На участке — кедров в полтора — два обхвата, поэтому колотом мы не пользуемся.

В конце сентября, после ветра, я с дочерью Любовью отправился на паданку. За два дня мы с ней собрали и обработали четыре мешка шишки, а вынесли четыре ведра откинутого на ветер ореха. До машины возвращались пять часов. Заготовка орехов у нас не прекращается ни днем, ни ночью. Днем мы «работаем» с мышами, бурундуками и кедровками, а ночью — медведь оставляет в кедраче кучи переваренного ореха и характерно объединенные шишки.

К сожалению, кедрач безжалостно вырубается, и скоро кедровые шишки мы увидим только на фотографии. Высылаю в адрес редакции снимки для фотоконкурса «Охота и природа».

П. МОРОЗОВ

г. Зеленогорск Красноярского кр.

Песцовый рай

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, Институт Наследия. Фото автора

Песец — зверёк хорошо знакомый человеку, особенно промысловикам и местному коренному населению Севера и Сибири. Он был и остаётся уже не одно тысячелетие объектом интенсивного промысла и пушной торговли. Населяя прилегающие к Северному Ледовитому океану полосу материковой суши и острова, он, казалось бы, уже так примелькался, что стал почти «родным». За десятилетия путешествий по Северу и Сибири я видел его, кажется, не одну сотню раз. Впервые же я познакомился с песцом на Командорских островах в 1971 г., там, где, как я узнал позже, настоящий песцовый рай. Такого я нигде больше не видел, да думаю, подобного места на Земле просто нет.

Первыми людьми, кто столкнулся с песцами на Командорских островах, стали участники экспедиции В. Беринга и её главный «летописец» Георг Вильгельм Стеллер. Его впечатления о местных песцах — одни из самых ярких, а для нас наиболее интересные, ведь они относятся к поведению зверьков, ещё ни разу не видевших людей, а потому совершенно не боявшихся их. В своих воспоминаниях Стеллер отмечал, что песцы во время зимовки экспедиции водились на острове Беринга в исключительном изобилии. Учёный характеризует их как поразивших его своей дерзостью и хитростью; этим островные песцы далеко превосходили обыкновенную лисицу, которая очень напоминает песца и была более знакома мореплавателям. Островные песцы-«дикари» стали причиной множества бед и неприятностей, выпавших на долю путешественников. Зверьки забирались днём и ночью в землянки

и утаскивали всё, что только могли унести. С исключительной ловкостью они сбрасывали с бочек закрывающие их тяжёлые камни и уносили хранившееся там мясо. При разделке убитого морского животного людям приходилось отгонять песцов, всё время вертевшихся тут же и воровавших мясо прямо из рук. Нигде Стеллер и его спутники не могли достаточно надёжно спрятать свои припасы от вездесущих песцов. Зверьки подкапывали высокие столбы, стадами ходили за людьми, и отделаться от них не было никакой возможности. У сидящих спокойно людей они обладывали ремни от самодельных сапог и даже сами сапоги. По ночам песцы стаскивали со спящих шапки, перчатки, бобровые одеяла (из меха калана).

Со времён открытия архипелага остаётся немало нерешённых вопросов, к раскрытию тайн которых пока так и не подошли учёные. Одна из самых трудно объяснимых загадок, например, такая, — откуда взялся песец на Командорских о-вах, равноудалённых и от Камчатки, и от Алеутской островной гряды на двести с лишним морских миль. Ведь ничего подобного нет более нигде в циркумполярной арктической области. Те острова в высокой Арктике, на которых обитает песец, либо близко расположены к материкам, которые зимой соединяются ледяными мостами с островами и откуда звери бегут по льду, либо между ними и континентальной сушей существует целая цепочка островов (так называемая промежуточная суша), по которым песцы постепенно расселяются далеко на Север. Последняя ситуация очень напоминает разбросанные по весенней

луже кирпичи, по которым в распутицу жители захолустных окраин пробиваются к своим домам. Ряд исследователей придерживается мнения, что песцы «приплыли» на Командорские о-ва на льдинах во время очень холодных зим, когда южная кромка льдов с севера, из Берингова моря, слишком далеко опустилась на юг. Граница льдов так близко располагалась к островам, что подобный механизм заселения их песцом теоретически мог быть с успехом и высокой вероятностью реализован. Странники такой точки зрения апеллируют к известному в истории освоения человеком архипелага случаю, когда охотники-промысловики обнаружили здесь припльвущую зимой на льдине лисицу, которую затем наблюдали в течение нескольких лет на о. Беринга.

Песцы Командорских о-вов не являются «единой семьёй». Оказалось, что на изолированных в океане островах обитают два подвида песцов — беринговский, живущий только на о. Беринга, и медновский, населяющий исключительно о. Медный. Медновский песец, выделенный в особый подвид С.И. Огневом, — самый крупный из подвидов песцов. Максимальная длина самцов этого подвида — 75 см, а самок — 73 см. Песцы встречаются только на двух крупных островах — Беринга и Медном; их нет на соседних малых островах-скалах, Топорковом и Арьем Камне. В отличие от других точек ареала, у песцов на Командорских о-вах зимой преобладают две цветные формы: светлая — чисто-серая, или «голубая», встречающаяся в основном на о. Беринга, и тёмно-бурая морфа, доминирующая на о. Медном. Эту

Песец — зверь хитрый. Вот он будто дремлет, но один глаз внимательно следит за окружающей территорией, а уши, словно локаторы, «слушают»

Весна уже в разгаре, а этот песец все еще в зимней шубе

особенность островных песцов подметили ещё более 270 лет назад первооткрыватели островов, когда после крушения судна экспедиции — пакетбота «Святой Пётр», им пришлось зазимовать на о. Беринга. Именно высокая доля зверей «голубого окраса» более двухсот лет привлекала на Командорские о-ва промысловиков-охотников за дорожными «шубами», необычайно высоко ценящимися на мировых пушных аукционах. Доля зверей «голубого окраса» в популяции песцов на о. Беринга — самая высокая среди других популяций песца в пределах его ареала; такого нет нигде в мире.

Хотя песец — это типично сухопутный зверь, вся его жизнь на Командорских о-вах тесно связана с морем и обитающими в море животными — млекопитающими и птицами, рыбами и беспозвоночными. Оба, населяемых песцами, острова командорского архипелага относительно невелики по размерам, а потому любая их точка, за исключением, может быть, горных гряд и вершин, по склонам которых и летом лежат снега, досягаема для зверьков.

Но особо высокая концентрация песцов наблюдается на морской террасе, между кромкой моря и склонами приморской террасы. Ровная, сложенная песчано-галечниковыми грунтами, территория в течение круглого года обильно удобряется выбросами моря. Частые и обычные, особенно зимой, штормы своими многометровыми волнами выкидывают сюда погибших китов и косаток, трупы котиков и каланов, рыбу, беспозвоночных животных — осьминогов и каракатиц, ежей и звёзд, крабов и раков-отшельников, а также целые вороха морских водорослей. Всё это становится пищей для песцов.

В 1971 г., когда я был на о. Беринга, вместе со своим спутником по экспедиции мне приходилось совершать многокилометровые маршруты, пролежавшие по приморской части острова. Во время этих маршрутов нас постоянно сопровождали песцы. Было понят-

но, что эта область острова поделена между песцовыми семьями на участки. Проходя по тропе и пересекая территорию одной семьи, мы явственно ощущали на себе повышенное внимание со стороны её вожака, следовавшего за нами в нескольких шагах. Этот «почётный» эскорт сопровождался редким лаем, извещавшим соседей о присутствии «чужака» в пределах его владений, и, лишь «передав» нас по эстафете соседу и удостоверившись, что мы покинули его территорию, он успокоился и возвратился к своему убежищу. Такое песцовое сопровождение мы наблюдали на протяжении 20 с лишним километров, а начиналось оно сразу за околицей села Никольского, единственного на о. Беринга, где мы базировались.

У меня сложилось полное впечатление, что песцы на Командорских о-вах — это своеобразные северные кочевники, по характеру напоминающие не то гиен, не то шакалов, для которых нет никаких преград в добывании пищи. Отечественный зоолог и знаток морских зверей первой половины XX столетия И.И. Барабаш-Никифоров, проведший два года на архипелаге и досконально изучивший жизнь его обитателей, считал, что у местных песцов все перемещения по островной суше связаны только с поисками пищи. Каждый песец, каждая семья имеют здесь свои определённые районы, где они кормятся и которые редко покидают. И все эти кормовые угодья тяготеют к морю, к относительно узкой полосе суши, непосредственно с ними граничащей.

Вот как писал И.И. Барабаш-Никифоров о миграциях песца, которые наиболее отчётливо заметны в зимний период: «По утрам я выходил на лыжах в обход ухажа (ухажа — индивидуальный промысловый участок). Обычно, выбрав какой-либо песцовый след, я шёл по нему до тех пор, пока это было возможно. Такие экскурсии давали подчас весьма интересный материал. Вот по дну пади, вдоль проложенной лыжницы, тянется ровной цепочкой песцо-

вый след. Лишь изредка нарушает он свою прямолинейность. Вот он свернул к кустику рябины. Зверёк проглотил здесь несколько уцелевших ягод и снова вернулся к лыжнице. Вот опять что-то отвлекло его внимание. Виднеется несколько разрытых до земли овальных ямок в снегу. Возле них птичий помёт и несколько оброненных перышек. Картина ясна — песец обследовал место ночлега тундровых куропаток. Ничем не поживившись здесь, он уже неотступно следовал по лыжнице до самой бухты. Он спускается на лайду, след долго тянется вдоль линии прибоя. Местами он прерывается, как бы спускаясь под воду. Это песец во время ночного отлива заходил в приливно-отливную полосу.

Вся лайда покрыта выбросами моря — водорослями и разными мелкими морскими животными. Из выброшенных водорослей образовался целый зелёный вал, резкой полосой тянущийся вдоль всего берега бухты. Между этими водорослями валяются морские ежи, голотурии, морские звери, различные моллюски, губки, медузы, другие выброшенные прибоем животные.

Долго чертит зигзаги песцовый след. Несомненно, зверёк здесь кормился. А вот и остаток от его стола: вылизанные панцири морских ежей, разгрызенная раковина моллюска, надъеденная и брошенная голотурия, остатки полуразложившейся трески. Но след тянет теперь куда-то вверх, под самый береговой обрыв, где между огромными валунами застряло несколько свежесброшенных брёвен плавника. Что же тут заинтересовало песца? В расщелинах дерева, а то и просто на его поверхности, красивыми пышными иссиня-голубыми гроздьями висят морские уточки (мелкие сидячие рачки из группы усонюгих ракообразных). Во многих местах их колонии сильно потревожены и разрушены; песец хорошо здесь поживился.

Очевидно, он вполне насытился, так как след его не спускается уже на лайду. Поднимаясь всё выше по берего-

Песец в летнем наряде — затаился, выжидает добычу

После отлива на берегу морской лайды

втому склону, он скрывается наконец в одном из отверстий между камнями.

Наклонившись к отверстию, я произношу несколько раз с небольшими паузами: «гонф... гонф...» Из глубины, заглушено, достигает до меня ответное — «гонф...» Всё обстоит благополучно. Насытившийся песец залёг на отдых».

Лайда, приморская часть островной суши, — своеобразный естественный «продовольственный магазин». Поэтому зверю нет никакого смысла рыскать по внутренней части суши островов и искать там, среди просторных тундр и горных развалов, себе пищу. Ведь пища, да ещё в немислимых размерах, «бесплатно» достаётся им именно здесь, на лайде. Тут находятся птичьи базары, на которых кормится летом всё поголовье островных зверей. С прилётом птицы песцы направляются сюда из многих районов островов. Яйца и птенцы арр (аррами в старину называли кайр), глупышей и чаек — это лакомое для зверьков блюдо, в поисках которого они взбираются по почти отвесным скалам, нередко платя за это жизнью, соскальзывая с постоянно мокрых камней и разбиваясь. Вот почему под скалами нередко встречаются скелеты песцов.

Помимо колониально гнездящихся птиц, песцы, конечно, обследуют тундру, промышляя яйцами и птенцами наземногнездящихся птиц. Любопытно, что песцы, населяющие Командорские о-ва и находящиеся близ побережья Аляски о-ва Прибылова, совсем не едят леммингов. Даже в так называемые «мышинные годы», когда грызунов везде великое множество, в желудках песцов они ни разу не встретились, а ведь их в периоды промысла добывали сотнями. Это заметно отличает популяции зверей, обитающих в северной части Тихого океана, от своих «соплеменников», населяющих материковые тундры. На о. Медном песцы охотятся на мелких морских птиц — «турутурок», забивающихся на день в расщелины скал и пещеры — они представляют

наиболее частую добычу смышлёных и зорких песцов.

Кроме птиц и всякого рода морских «даров», песцы на о. Беринга не прочь поохотиться за красной рыбой, идущей вверх «по всем речкам и ключам для нереста и потом заполняющей все ямы и озёрки». Для ловких песцов рыбная ловля не представляет особого труда, ведь все протоки мелководны.

Другим местом, где вдоволь «бесплатной» пищи, за которой и охотиться-то особенно не надо, являются котиковые лежбища. Здесь песцы чувствуют себя вольготно. Интересны наблюдения И.И. Барабаш-Никифорова над песцами, держащимися близ котиковых лежбищ и использующими их как свою вотчину. «На котиковых лежбищах постоянно околачиваются песцы. Они поедают трупы зверей, а иногда, пользуясь временным отсутствием маток, нападают и на живых котиков. На одном из небольших лежбищ мы заметили сбившихся в плотную кучку и жалобно блеющих котиков. Взрослых животных поблизости не было. Заинтересовавшись необычным поведением зверьков, мы подошли к ним поближе. Всё вскоре выяснилось. За ближайшим камнем мы обнаружили одного котика, бившегося в зубах песца. Хищник вцепился зверьку в мордочку и упорно тащил его, пятясь назад. Бедный котик упирался и отчаянно блеял. Вся мордочка его была окровавлена, шкурка взмокла от испарины. Мы отняли его у песца, но нам было ясно, что в наше отсутствие песец его доканает: котик был худенький и слабенький.

Деятельность песцов на лежбищах, по существу, должна быть признана полезной. Истребляя слабых или больных котиков, песцы тем самым осуществляют естественный отбор в котиковом стаде; подбирая трупы павших животных, они выступают в роли санитаров лежбищ». Спустившийся с гор песец, выйдя на лайду, бежит по ней вдоль воды в поисках пищи всегда против ветра. Пробежав несколько вёрст, зверёк находит себе пищу в виде выб-

рошенной морем рыбы, морских ежей и т.д. Попутно он охотится на мышей, населяющих береговую полосу о. Беринга.

Помимо этих источников пищи, песцам почти каждый год удаётся отведать китового мяса, когда волны выбрасывают на берег погибшего морского исполина или касатку. Вот какую живописную картину наблюдал И.И. Барабаш-Никифоров на о. Медном. «Тундра поражала полным отсутствием животных. На протяжении всего пути не встретилось ни одного живого существа. Только выйдя уже на другую сторону острова и спускаясь к морю, путники заметили несколько песцов, направляющихся куда-то в одну сторону с весьма деловым видом.

Берег здесь был также живописен и дик, как и всюду на этом острове. Те же крутые скалы, те же рифы, те же разбросанные в море камни. Но в одном месте на чёрном фоне рифа белела большая снежная глыба. Возле неё и на ней возилось с десятков песцов.

Снежная глыба оказалась вздувшимся брюхом кита. Огромное, оно было всё изборождено продольными бороздами. По этому признаку уже сразу можно было определить, что это какой-то полосатик — один из представителей подотряда беззубых (усатых) китов».

Зверьки, привлекаемые обилием мяса, стремятся сюда, на эту «грудку» лакомства из соседних ухож. Они держатся у кита месяцами, пока не доедят его. В результате этой случайной подкормки к следующему лету поблизости от места бывлой обильной трапезы появляются норы с песцовым потомством, число щенков в которых достигает 7—8.

Для зоологов и любителей северной природы из двух крупных Командорских о-вов, где обитает песец, интерес представляет меньший по площади, Медный. Отсутствие миграций из-за небольшой площади острова, летний период — более растянутый, чем в других частях ареала, продуктивная и стабильная кормовая база — эти и другие

Ранней весной песец что-то учуял в развалинах камней

Редкая картина: пять песцов «мышкуют»... вынюхивают спрятавшихся под снегом леммингов

факторы обуславливают своеобразие медновских песцов. Возможно, они в том числе повлияли даже на формирование особого подвида, населяющего только о. Медный и являющегося его эндемиком.

Медновский песец использует всю территорию острова и прилегающие к нему острова. Командор И.И. Барабаш-Никифоров и тут поясняет: «В глубине острова Медного редко попадался на глаза случайно забредший песец. Песцы наведываются в тундру главным образом уже осенью, когда шикша и черника усыпаны бусинами ягод, служащими им пищей. Летом же, как и зимой, они почти не удаляются от берега».

Сходная картина наблюдается на о. Беринга, где наибольшее количество песцов отмечено в северной части острова. Тут находятся два котиковых лежбища и несколько крупных птичьих базаров, они то и притягивают песцов.

Конец календарной зимы, февраль, и начало весны, март, — время брачных игр у островных песцов. Непрестанно слышится перекичка их между собой. Наряд зверьков начинает заметно портиться, прекрасная дымчато-голубая шубка пока сохраняется лишь у немногих, а у большинства мех сильно буреет и начинает лезть. Но это никак не отражается на брачных забавах песцов. А потому вихрем носятся друг за другом самцы, по временам сцепившись в яростной драке, катаясь клубками, поднимая облака снега, и снова мчатся, гонимые любовной стихией. В уже сложившихся парах всюду идут нежные супружеские игры. Молодые резвые самочки, точно подзадоривая своих «рыцарей», выказывают самые неожиданные фортели. То они зарываются в снег, а затем вдруг ракетой выскакивают оттуда и бегут, вертя поднятым трубой хвостом, то делают высокие прыжки на месте, то ползают, извиваясь на брюхе и взвизгивая.

Но вот весёлые брачные забавы заканчиваются. Во второй половине марта песцы образуют пары. Беременность

длится около 50—55 дней; новорожденные появляются в конце мая — начале июня. Новым семьям пора обзаводиться жилищами, норами. Территория вокруг одной норы представляет владение одной пары. Песцовые норы во многом похожи на лисьи, но значительно больше. Лисьи норы почти всегда рассчитаны на одно семейство, между тем песец, как животное более стадное, селится иногда колониями по несколько семейств, доказательством чему служит нахождение до 28 щенков в одной норе.

Устройство семейных гнёзд в пустотах между камнями весьма популярно у песцового населения Командор; подобное явление наблюдается и у островных песцов на о. Кильдине. Но чаще на Командорских о-вах песцы устраивают норы вдоль береговых обрывов, по более высоким террасам, покрытым луговой или горно-тундровой растительностью. Тут, на мягких грунтах, располагаются почти все норы островных песцов.

Нора командорских песцов состоит из длинных и глубоких ходов, на слепых концах которых находится гнездо, имеющее ширину примерно 60 см, а высоту 32—33 см. Главные ходы, идущие от гнезда наружу, имеют от 2 до 4 м длины. От них отходят боковые ответвления с самостоятельными выходами. Нередко к одному дугообразному ходу непосредственно примыкает такой же другой, по-видимому, брошенный по какой-то причине. Часть ходов оказывается сплошь забитой остатками пищи, главным образом костями и перьями птиц. Это своего рода «помойки».

Вход в нору мало заметен среди камней, чему помогают травы, вроде трёхреберника, хорошо растущие у входа. Вход можно заметить по иным признакам. Обычно у нор валяются разные объедки — кости рыб, гусей, уток, лебедей, оленья шерсть, кости клешней рака-отшельника, раковины моллюсков и даже предметы обихода человека, если нора находится вблизи человече-

ского жилья. Иначе говоря, плутоватый и вороватый по характеру песец тащит к норе всё что не попадя. Песец — ещё тот грязнуля. Поэтому внутренний интерьер его жилища непригляден, а воздух в нём пропитан специфическим запахом экскрементов и мочи, разложившимися остатками пищи. Отгадать, где спрятана нора островного песца, можно и по натоптанному к ней тропкам. Он, как и волк, любит пользоваться своими старыми следами.

Репродуктивный возраст для самок островных песцов — два года. Однолетние самки редко принимают участие в размножении, доля трёхлетних самок и более возрастных особей невелика. Как курьёз даже зарегистрирован случай рождения потомства восьмилетней самкой.

В летний период семьи песцов состоят из главного самца, одной — двух лактирующих и такого же количества нелактирующих самок, помощников обоего пола прошлого года рождения и трёх — восьми щенков.

Интересны взаимоотношения между сочленами песцовой семьи. «Песец по существу животное полигамное; однако самец перед концом беременности самки проявляет заботливость о ней, не отходя от неё и при рождении щенят. Самка приносит до 12—14 щенков, нормальное количество 5—6 щенков. Далее, как правило, самец оставляет нору через несколько дней после рождения щенков и возвращается после того, как щенки откроют глаза. Он разделяет заботы о щенках, приносит дичь, в особенности птиц, как только щенки начнут принимать грубую пищу. Семейная жизнь продолжается 2 месяца. К концу августа щенки вырастают и могут охотиться сами. С наступлением октября семейные узы распадаются. Щенки, уже выросшие, покидают старую нору. Самец и самка продолжают держаться вместе, т.к. они делают себе совместные запасы на зиму. Молодые песцы способны к спариванию в возрасте 10 месяцев. Живёт песец до 8 лет, хотя известны слу-

Мышкующий песец ранним утром... и на закате

чай продолжительности жизни до 20 лет.

В кормлении участвуют оба родителя. На о. Медном И.И. Барабаш-Никифоров не раз наблюдал бегущего по лайде тощего самца с рыбой или птицей в зубах, а недалеко, на горе, сидящую самку, окружённую молодыми зверьками, терпеливо ждущими возвращения родителя с добычей. В августе молодые песцы уже предпринимает маленькие экскурсии на берег моря, но, при виде человека, если нора далеко, спасаются в скалах, а там, прибавившись к камням, терпеливо пережидают опасность. Всё это время они находятся под усиленным надзором одного из родителей, подающего им, в случае необходимости, тревожные сигналы. Почти месяц новорождённые щенки скрыты под землёй и, лишь когда немного подрастут, выходят наружу и уже с этого времени значительную часть дня проводят у своих нор. Внимательный летописец жизни командорских песцов И.И. Барабаш-Никифоров, много недель проведший у песцовых нор, за свой нелёгкий труд был «вознаграждён замечательными картинами их семейной жизни»: «У отверстия норы один за другим появляются 5—6 маленьких песчат. Их довольно ещё неуклюжие тельца покрыты короткой, но густой серой шерстью. Голубые глазки с детским любопытством смотрят на окружающий мир. Неуверенно передвигаясь на коротких ножках, малыши копошатся на площадке у норы, борются друг с другом, то и дело перевёртываясь круглым брюшком вверх, теребят хвост дежурящей возле них матери.

Отец семейства в это время бродит по лайде в поисках продовольствия. Вот он появляется с какой-то рыбой в зубах. Положив добычу у норы, он усаживается в сторонке и наблюдает поднывающую возле неё возню.

Некоторое время слышится дружное аппетитное чавканье малышей. Но вот между двумя из них возникает ссора. Оба хотят во что бы то ни стало завла-

деть хвостом рыбы. Ворча и фыркая, толкаясь и мешая есть остальным, они стараются вырвать друг у друга лакомый кусок. Точно желая положить этому конец, подошедшая мать оттаскивает рыбу на другое место. Занимая новое положение, малыши перемешиваются между собой, распря забывается, и некоторое время опять идёт мирная трапеза.

Деликатно уступая щенкам мягкие части рыбы, мать съедает только её голову и позвоночник. Отец, по-видимому, утолил уже голод на лайде и здесь только благодушно наблюдает за всем происходящим. Когда тот или иной из насытившихся щенков приближается к нему, он осматривает его, пригнув к земле голову и комично ворочая ею с боку на бок. Иногда он заигрывает с малышами по-кошачьи, трогает их лапой, подсакивает на месте, роет землю.

Когда детёныши достаточно окрепнут, родители переводят их обычно из гнездовой норы во временные убежища под скалами у моря».

Распад песцовых семей — трудный и болезненный процесс, особенно в островных условиях при ограниченной площади. В первой половине октября молодые песцы расходятся, начинают вести самостоятельный образ жизни, и через пару месяцев уже неотличимы от взрослых. Во время расселения молодняка по территории островной суши гибнет примерно четверть его поголовья. Большинство из них загрызают взрослые самцы с соседних участков или вороны, а ослабленных ещё в гнезде съедают собственные братья и сестры.

Знакомство человека и песца в какой-то степени пошло на «пользу» обоим, хотя выгода от такого «альянса» весьма прозаична. За время освоения островов во всех значимых для себя точках — на местах рыбной ловли, по нерестовым озёрам и по рекам, где идёт на нерест красная рыба, близ котиковых лежищ, у распаханных под посевы участков на приморской территории, человек соорудил множество все-

возможных построек — сараев, домов, складов и т.д. И это помимо существующего на о. Беринга села Никольского и бывшего села Преображенского на о. Медном с их огромным по местным масштабам количеством построек. Всё множество деревянных и каменных сооружений, особенно заброшенных, их развалины и т.п. — потенциальные объекты для устройства внутри (или под ними) надёжных укрытий и убежищ, которые освоены зверьями и существуют десятилетиями. Как только на Командорских о-вах начались промыслы морского зверя, а после забоя и разделки котиков, каланов и сивучей, рыбной ловли появилась масса отходов — настоящие горы валяющегося везде мяса и рыбьих потрохов, для существования популяций песца были «гарантированы» почти идеальные условия. Иначе говоря, тут ему был и «кров», и «стол». Песец быстро освоился в новых условиях, стал тяготеть к поселениям человека и местам его хозяйственной деятельности. Сам же зверёк, «отдав» людям на заклятие часть своей популяции в виде красиво-пушных «шуб», сосуществует с ними на Командорских о-вах уже более двухсот лет. Наиболее смелые песцы стали селиться даже под домами, складами и т.д. При этом каждое, устроенное под человеческим жильём песцовое убежище, — территория одной звериной семьи.

Вот что в своё время поведал читателям И.И. Барабаш-Никифоров о сосуществовании человека с песцами в когда-то существовавшем селении Преображенское, где учёный зимовал не один месяц. «К середине зимы, когда песцы приобрели прекрасный, дымчато-бурый, или как принято его называть «голубой», зимний мех, они вели себя до последней степени нагло и вполне заслуживали те нелестные эпитеты, которыми наделяли их иной раз выведенные из терпения жители селения.

Словно сознавая свою неприкосновенность и широко пользуясь ею, пес-

Два молодых песца прошлогоднего помета

Песцовые норы на песчаном откосе

цы совершенно игнорировали людское присутствие. Проделки их носили самый разнообразный характер. То они крали продукты по кладовым, то отгрызали хвосты или уши у неповоротливых чушек.

Не успевали мы с радистом закончить установку радио в нашей квартире, как песцы в ту же ночь разрыли заземление и изгрызли бронзовый канатик проводки. Однажды они подкопались под склад магазина пушного хозяйства и растащили оттуда туалетное мыло. Как-то ночью мы проснулись от отчаянной возни, поднятой песцами. Полагая, что зверьки вылезутся где-либо в подвале, куда они забирались очень часто, мы не обратили на это особенного внимания. На утро, однако, открыв дверь кладовой, я невольно отступил назад. Штук пять песцов, вздрагивая и щёлкая друг на друга зубами, с обычной жадностью терзали оставшиеся от ночного пиршества жалкие объедки — остатки наших запасов. При моём появлении они бросились все разом в разбитое окошко и застряли в нём, подобно нечисти в гоголевском «Вие» при повторном крике петуха. Со звоном вылетело при этом ещё одно стекло. Выскочив наконец на улицу, грабители всё ещё не унимались и долго вертелись и грызлись друг с другом под окном. Всё в

кладовой было разгромлено, истерзано и затоптано.

В наших условиях вторичный разгром грозил бы нам серьёзными последствиями. Поэтому окно кладовой мы тщательно заколотили железной решёткой. Но зато песцы умудрились теперь пробираться на кухню через дверь, которую время от времени приходилось открывать для ускорения вентиляции. Стоило на мгновение уйти в жилые комнаты, как подвернувшийся в это время песец проскакивал в сени и в кухню.

Когда кто-либо из жителей разделял на дворе тушу заколотой свиньи — от песцов не бывало отбоя. Десятками собирались они сюда, дрались между собой и, при малейшей оплошности, утаскивали изрядные куски мыса. Впрочем, не все проделки сходились песцам безнаказанно. Особенно печально кончались для песцов случаи, когда они выкрадывали из кладовых солёные продукты — рыбу или котиковое мясо. Навевшись до отвала солёного и испытывая затем сильную жажду, песцы начинали поглощать в огромном количестве воду. Это приводило их к заболеванию, кончавшемуся неизбежной смертью». Соседство с человеком «познакомило» песцовое население островов с нетрадиционной для них пищей. Эти вездесущие, назойливые «соседи»

стали проникать в постройки и поедать всё, что ни попало, часто подчищая свалки отходов и помойки. Иначе чем объяснить присутствие в пищеварительном тракте песцов такого экзотического набора потреблённых ими «продуктов», как верёвки, галька, щепки, картофельные очистки, ягоды компота, лавровые листья.

Во время посещения островов в 1971 г. и осуществления маршрутов на о. Беринга меня поразило, что на приморской террасе, там где были распашаны участки бывших зарослей шаломайника и других трав (потом их засеяли ячменём и картофелем), все ещё стояли небольшие, уже развалившиеся или «живые», домики для временного проживания колхозников. Так вот, под каждым углом домика песцы устроили норы, где проживала отдельная семья со своим потомством. Например, домик, в котором мы остановились на пару ночей, чтобы обследовать окрестности интересующего нас участка острова, был освоен сразу несколькими семьями песцов. Мы «общались» только с теми двумя из них, что устроили свои убежища под крыльцом и рядом расположенным углом дома. В одном из них «проживали» родители с тремя щенками, а в другом — с пятью. Вот таких он, «голубой» песец с Командорских островов...

Данилкин А. А. **Фермерское охотничье хозяйство**. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. — 132 с., ил.

Книга подготовлена по Программе фундаментальных исследований ОБН РАН «Биологические ресурсы России: оценка состояния и фундаментальные основы мониторинга» по заказу Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» и МССО «Московское общество охотников и рыболовов». По сути — это пособие по органи-

зации фермерского охотничьего хозяйства, содержанию и разведению крупной дичи.

Для фермеров, охотников, егерей и студентов зоотехнических и охотоведческих факультетов.

Янковский К. **Дикие камни**. — М.: ООО «ПТП ЭРА», 2011. — 272 с.

В рассказах Константина Янковского перед нами предстает удивительный таежный мир, мир доброй природы, мир деревьев и трав, зверей и птиц. Автор, охотовед и хранитель тайги, постиг красоту, гармонию тайги и стремится передать ее читателю.

Приходько В. С **Охотничий ружьем**. — Типография г. Бузулука, 2010. — 180 с.

В книге несколько разделов: «Рассказы бузульского охотника», «Знакомые собаки», «Подглядки с тропы», «О друзьях-охотниках», «Немного о родном».

Желающим приобрести книгу писать по адресу: 461043 Оренбургская обл., г. Бузулук, ул. Нахимова, д. 18.

Край вдохновенья и охоты: рассказы и очерки охотников Тверской губернии / В.К. Бялыницкий-Бируля, Н.А. Зворыкин, В.А. Крылов, В.Б. Чернышев. — Тверь:

ООО «Тверская городская типография», 2011. — 164 с., ил.

В книге представлены рассказы охотников Тверской губернии (области), точнее, одного из ее северных районов, расположенных на границе с Новгородской областью. Взятые в ретроспективе, они позволяют лучше понять изменения во взаимоотношении дикой природы и человека, произошедшие на протяжении минувшего века.

Книга рассчитана на охотников, экологов, краеведов.

Экология человека

С. ШВАРЦ, академик

Экология человека — наука, еще не получившая прав гражданства, не определившая своего предмета и метода исследования, — уже стала одной из популярнейших отраслей знания. При этом публицистические статьи резко преобладают над работами экспериментального и теоретического характера. Естественно поэтому, что в экологию человека разные авторы вкладывают разное содержание. Главная задача работ, имеющих отношение к проблеме экологии человека, заключается в том, чтобы продемонстрировать влияние урбанизации, индустриализации отдельных территорий и акваторий Земли на состояние природной среды. Большое значение подобных исследований очевидно: человек должен знать не только непосредственные, но и отдаленные, косвенные последствия своей деятельности. Однако большинство работ этого направления страдает одним общим недостатком: в них практически отсутствует конструктивная программа действий. То, что промышленность оказывает на состояние природной среды серьезное влияние, несомненно. Несомненно и то, что любые меры предосторожности (совершенно необходимые) и любая степень совершенствования производства (замкнутые циклы и т. п.) лишь ослабят степень воздействия человека на природу, но не ликвидируют опасность ухудшения природной среды (хотя бы по одному тому, что самое культурное производство изымает из биологического круговорота громадные территории и акватории). Мне кажется, что это положение должно быть очевидным для любого человека, не склонного к самообольщению. Но из этого отнюдь не следует, что человечество должно идти по линии свертывания производства.

Тезис «назад к природе» всегда был, по существу, реакционен, а в настоящее время он и антинаучен. Борьба за прогрессирующее повышение уровня жизни людей требует неуклонного развития промышленности (и сопровождающей ее урбанизации). И дело здесь не только в том, что индустриализация (в широком смысле слова) повышает производительность труда и приводит к благоприятным социальным последствиям. Не менее важно, что при современной численности населения неиндустриальные методы производства оказывают на развитие природной среды не менее пагубные последствия,

чем применение самых «грозных» (с точки зрения традиционного понимания охраны природы) индустриальных комплексов. Эта сторона дела совершенно обходится «алармистами» (от английского «to alarm» — «бить тревогу»), что создает совершенно ложные (нередко опасные) представления о путях развития общества.

В качестве иллюстрации этой закономерности приведем наблюдения одного из крупнейших современных натуралистов, директора зоопарка в Дрездене В. Ульриха. В своей книге «Казиранга — животный рай на Брамалутре» он приводит данные, показывающие, к каким последствиям ведет примитивное хозяйство индийского крестьянства. Увеличение плотности населения привело к вытеснению лесов, к замене их степными и полевыми сообществами. В качестве топлива используется сухой помет коров (широко известные в Средней Азии «кизяки»). Ежегодно сжигается 300 миллионов тонн «кизяков» (энергетический эквивалент — 68 миллионов тонн дров или 35 миллионов тонн угля). Естественный круговорот веществ в природе оказался нарушенным: травоядные животные потребляют растения, но почве не возвращаются изъятые из нее вещества — они сжигаются. В этих условиях превращение громадных территорий «рая» в пустыню — это лишь вопрос времени. «Чертов круг», по выражению Ульриха, замкнулся. Где же выход? Только в одном: в развитии промышленности, которая заменит «кизяки» углем и нефтью, даст минеральные удобрения, которые возвратят обедненной почве ее плодородие. Проблемы охраны среды не столь просты, как это кажется «алармистам». Знаменитый препарат ДДТ (ныне запрещенный) вызвал гнев, и гнев справедливый, со стороны всех людей, любящих природу, всех, кто понимает грозную опасность нарушения природного баланса. Но в той же Индии на хижинах крестьян в долине Брамалутры белыми буквами отмечена дата последнего здесь применения ДДТ: препарат спас миллионы людей от малярии.

Проблема оказалась неизмеримо сложнее, чем казалось сначала. Сейчас ясно, что эмоции не могут заменить знания, что нужна наука, которая позволила бы согласовать интересы развития современного общества и его индустриальной основы с поддержанием оптимальной природной среды. Очевидно, что подобной наукой могла

бы стать экология человека. Поэтому необходимо попытаться определить ее специфику.

Прежде всего полезно задать себе «странный» вопрос: а является ли экология человека экологией? Однако этот вопрос странен лишь на первый взгляд — ведь говорим же мы об «анатомии буржуазного общества», хорошо понимая, что в данном случае слово «анатомия» — это простое заимствование одной наукой термина, принадлежащего другой науке.

В последнее время сложилась практика определения комплекса проблем взаимодействия человека и природы как глобальной экологической проблемы, а комплекс наук, исследующих эту проблему, — как глобальную экологию или экологию человека. Против такого употребления самого термина «экология» вряд ли стоит возражать.

В эволюции биосферы активное начало принадлежит живому. Основоплагающие работы академика В. И. Вернадского ясно показали, что развитая Жизнь стала ведущим фактором геологического развития планеты. Эволюция живого привела к созданию принципиально нового элемента Земли — биосферного вещества, почвенного покрова. Биологические, а не физико-химические и геологические закономерности определяют темпы и формы трансформации вещества и энергии на нашей планете. Вот почему представление об экологии как учении о структуре и функции природы (Е. Одум) вполне оправданно. Но этого мало.

С появлением человека и развитием человечества положение вещей в корне изменяется. Деятельность человека все в большей степени определяет структуру и функцию биогеоценотического покрова Земли, функцию биосферы и тем самым становится фактором планетарного значения. Возникла «ноосфера». В последней статье, опубликованной при жизни автора, «Несколько слов о ноосфере» (1944), В. И. Вернадский пишет следующее: «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом, по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности».

Свое воздействие на биосферу, на природу человек оказывает в форме взаимодействия между человеческими

¹ «Охота и охотничье хозяйство», № 6, 1989 г.

коллективами и окружающей живой и неживой природой. Характер этого взаимодействия определяется, с одной стороны, развитием производительных сил и производственных отношений (их конкретном проявлении — в данное время и в данном месте), а с другой — свойствами природной среды, в которой развивается и с которой взаимодействует данный социальный коллектив.

Первое положение не требует пояснений. Прimitивные земледельческие племена Африки, ежегодно сжигавшие громадные территории саванн и лесов (весенние палы), оказывали на природу принципиально иное действие, чем хозяйственная деятельность их потомков, осваивающих современную горнорудную промышленность. Теоретически кажется ясным и обратное положение: одинаковая хозяйственная деятельность в разной среде ведет к различным следствиям. Ограничимся простейшим примером. Громадное количество промышленных и сельскохозяйственных производств (практически почти все) возможно лишь благодаря биологической самоочистке водоемов и почвы. В противном случае накопление загрязненных сточных вод очень быстро сделало бы существование человека невозможным. Но в умеренной климатической зоне самоочистка реки происходит на протяжении 200—300 километров от места загрязнения, а на Крайнем Севере — на протяжении 2000 километров.

Естественно, что это необходимо учитывать при разработке технологии практически любого производства. А этого нет. И причина здесь не в косности отдельных хозяйственников (нерядивые хозяйственные руководители будут всегда, но не они определяют прогресс общества), а в отсутствии теории, описывающей общие закономерности взаимоотношений природы и общества, именно общества — как определенной социально-экономической системы, — а не отдельного человека, теории, учитывающей принципиальные изменения этих взаимоотношений в различных социально-экономических системах. В создании подобной теории мы видим существо такой науки, как экология человека.

Разработка подобной теории должна исходить из некоторых общих принципов. Мне кажется, что важнейший из них заключается в неизбежности прогрессирующего изменения природной среды под влиянием деятельности человека. Стремление любой ценой сохранить «природу» (в большинстве случаев подразумевается живая природа) в условиях современного урбанизированного ландшафта в ее первозданном, «естественном» состоянии противоречит и теории, и практике. Это очень ответственное утверждение, так как его легко истолковать как отказ от борьбы за охрану природы. Нам же представляется, что признание неизбежности антропогенного изменения природных

компонентов должно быть положено в основу реалистической политики по охране природной среды. В основу этой политики могло бы быть положено следующее утверждение: экологические системы в индустриальном и урбанизированном мире не могут быть сохранены в первозданном, естественном состоянии. Изменение природной среды, то есть ее отход от «естественного» состояния, нет никаких оснований считать ухудшением среды. В Западной Европе (за исключением некоторых горных районов и заповедников) практически не осталось естественных лесов. Но вряд ли можно утверждать, что современные лесные биогеоценозы Европы хуже исходных.

Затронутый вопрос может быть проиллюстрирован на примере полесозащитного лесоразведения.

Здесь не место обсуждать технологию полесозащитного лесоразведения и анализировать характер влияния лесных полос на урожайность степного полеводства. В рамках нашей темы важнее подчеркнуть их значение как фактора «обогащения природы» (при всей расплывчатости этого термина мы хорошо понимаем, что он обозначает). В далеком 1940 году мне в составе группы студентов Ленинградского университета довелось обследовать некоторые лесостепные полосы Заволжья. Неизгладимое впечатление о Богдинских посадках сохранилось у меня до сих пор.

Полосы расположены в резко засушливой зоне Нижнего Заволжья. Бесконечная выжженная солнцем степь. Небольшая гора Тогдо (170 метров), у подножия которой простирается знаменитое соленое озеро Баскунчак, на фоне однообразной равнины кажется горным хребтом. Из птиц преобладают жаворонки. Многочислен степной орел, для которого популяции сусликов создают прочную кормовую базу.

Лесные посадки, заложенные здесь в 1925 году и занимающие территорию чуть больше 100 гектаров, создали в безводной полупустыне новый тип биогеоценоза. Видовой состав деревьев весьма богат: вяз, берест, тополь, дуб, клен, белая акация, тamarиск, груша, шелковица. Деревьям в пустыне приходится туго — их высота редко превышает 3—4 метра, листва опадает рано, естественное возобновление резко сокращено. Без постоянной помощи человека Богдинские полосы не могли бы существовать. Тем не менее они содействуют увеличению урожая сельскохозяйственных культур и обогащению фауны. Здесь стали обычными такие лесные птицы, как иволга, чернолобый сорокопут и сорокопути жулан, пеночка-весничка, обыкновенная славка, соловей, горихвостка. Появились и лесные виды насекомых, произошли изменения в почвенной флоре и фауне. Возник особый биоценоз, более богатый, чем биоценозы окружающей степи. Первое (и немалое) время этот биоценоз нуждался в по-

мощи человека. Но со временем он окреп, сам для себя создал лучшие условия среды, и его уже трудно отличить от биоценозов естественных. Старые лесные посадки делают этот вывод достаточно обоснованным.

Перенесемся мысленно с юга на Крайний Север. Стационар нашего института — Института экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР — расположен в поселке Лабитнанги — пригороде Салехарда. «Лабитнанги» — семь лиственниц. Так местные жители переводят название поселка. Здесь, на пределе северного распространения леса, деревья еще могут расти и образовывать на сухих возвышенностях своеобразные лесные оазисы в тундре. Но они нуждаются в охране. И вот на нашем стационаре, на небольшом холме, энтузиасты посадили ряд видов деревьев, местные породы — ель, лиственницу, несколько видов берез. И зашумел лес. Адрес — Зеленая горка. Для того, чтобы найти стационар, не нужно спрашивать дорогу. Зеленая горка оазисом выделяется на окружающем фоне. Подобные лесные биоценозы в тундре могут быть созданы без особого труда, так как природа уже позаботилась о необходимых предпосылках — есть формы деревьев, способные произрастать далеко за пределами лесной зоны. Мне уже не раз приходилось писать о «хадьтинском феномене». Так, один из журналистов после беседы со мной назвал лесной оазис на реке Хадьта в Ямальской тундре. Здесь настоящий лес: лиственница, ель, береза, красная смородина, черемуха (она цветет здесь в середине июля), жимолость, на лугах — травы по пояс. Не будем сейчас говорить о том, чем объясняется «хадьтинский феномен». Обратим внимание на другое. Растения превосходно приспособились к субарктическому климату. Они могли бы быть использованы в качестве бесценного посадочного материала для создания подобных лесных оазисов во всей южной тундре. Эта работа, стоимость которой по сравнению со стоимостью работ по промышленному освоению Крайнего Севера исчезающе мала, имела бы планетарное значение. Многовековой спор — кто наступает: тундра на лес или лес на тундру — мог бы быть решен в пользу леса и (об этом и надо помнить в первую очередь) в пользу человека...

Ограничимся приведенными примерами и попытаемся ответить на вопросы: что такое «хорошая» экосистема и что такое экосистема «плохая», что такое «хороший» биогеоценоз и что такое биогеоценоз «плохой»? На подобные вопросы отвечать всегда трудно, хотя интуитивно мы все понимаем, «что такое хорошо, и что такое плохо». Тем не менее в первом приближении на поставленный нами вопрос ответить можно. «Хороший» биогеоценоз должен отвечать следующим основным требованиям:

1. Продукция (биомасса) всех основных звеньев трофических (пищевых) цепей высокая. Характерное для антропогенных ландшафтов преобладание фитомассы над зоомассой выражено не резко. Это обеспечивает синтез большого количества кислорода и синтез большого количества продуктов животного и растительного происхождения.

2. Высокой продукции соответствует высокая продуктивность. Производство «продуктивность X биомасса» должно быть максимальным. Это создает предпосылки для быстрой компенсации возможных потерь биомассы на отдельных трофических уровнях в результате случайных или закономерных внешних воздействий. Это обстоятельство особенно важно. Высокая

продукция не гарантирует высшую компенсаторную активность. Теория показывает, что богатейшие тропические леса не могли бы выдержать даже несколько лет ту степень промысловой нагрузки, которую во многие века выдерживает наша скромная северная тайга. (Причина этого кажущегося парадокса ясна. В процессе эволюции тайга как экологическая система приспособлена к частым «естественным катастрофам», связанным с колебаниями погоды и климата.)

3. Структура системы в целом и разнородность отдельных трофических уровней обеспечивают высокую стабильность (гомеостаз) биогеоценоза в широком диапазоне внешних условий. Высшее совершенство гомеостатиче-

ских реакций характерно не только для популяций преобладающих видов животных и растений, но и для экосистемы в целом. Поддержание биоценоза в состоянии динамического равновесия обеспечивает состояние гомеостаза неживых составляющих биогеоценоза, в том числе и гидрологического режима территории и газового состава атмосферы. Экосистема обладает высшей степенью «помехоустойчивости».

4. Обмен вещества и энергии протекает с большой скоростью. Процессы редуции (распада) обеспечивают вовлечение в биогеоценозический круговорот всей продуцируемой биоценозом биомассы в течение немногих годовых циклов. Это обеспечивает максимальную скорость биологической самоочистки системы.

5. Высшая степень продуктивности и стабильности экосистемы сопровождается высшей «резервной активностью» — способностью к быстрой перестройке структуры сообщества и к быстрым эволюционным преобразованиям популяций доминирующих видов при изменении внешней среды. Это обеспечивает поддержание биоценоза в оптимальном состоянии при изменении условий среды.

Если биогеоценоз удовлетворяет указанным требованиям, есть все основания считать его хорошим независимо от того, развивается ли он в естественной или урбанизированной среде. Отсюда следует, что перспективная задача экологии человека заключается в разработке метода, способствующего развитию «хороших» биогеоценозов в условиях антропогенного ландшафта. При этом мы сталкиваемся с еще одним вопросом принципиальной важности: должны ли мы стремиться создавать «хорошие» экосистемы по всей Земле или достаточно сосредоточить внимание на некоторых, специально отведенных «под природу» местах, подвергая остальную часть планеты ничем не лимитируемой урбанизации. Этот вопрос очень важен, разберем его с известной детализацией.

Как говорилось, примеров, показывающих, что человек может не только ухудшать, но и улучшать природу, можно было бы привести много. К их числу, несомненно, надо также отнести ликвидацию эндемичных очагов особо опасных заболеваний, резкое сокращение площади потенциальных очагов размножения саранчовых, осушение ряда территорий, служащих постоянным источником массовых размножений мошкеры, комаров — переносчиков опаснейших заболеваний, настоящего бича не только человека, но и многих животных.

Поддержание оптимального природного режима на освоенных человеком пространствах требует направленного изменения видового состава биоценозов и численности доминирующих видов. В той или иной степени человек делает это уже сейчас. Практический пример — истребление (или ограничение численности) вредителей. Делает-

Фото О. Чугунихина

сы это иногда успешно, иногда без видимого эффекта, но всегда абиологическим путем — путем внесения в среду принципиально чуждых ей веществ, нередко ядов. Мы действуем в данном случае по принципу: из двух зол выбираем меньшее. Есть, однако, и иной путь: действовать так, как действует в подобных ситуациях сама природа.

В последние годы в пределах экологии стала бурно развиваться новая ее отрасль — химическая экология. Это очень молодая наука. Совсем недавно состоялся первый симпозиум, подводивший первые ее итоги. Главный вывод химической экологии может быть сведен к следующему: в процессе своего роста и развития организм выделяет в среду химические вещества, которые работают в качестве регуляторов популяционных процессов. В нашем институте мы исследовали этот вопрос очень подробно на личинках лягушек и насекомых и на рыбах. Было установлено, что животные в процессе своего развития выделяют в среду специфические вещества (экзометаболиты), которые определяют скорость роста и развития других особей. Оказалось, что экзометаболиты не только разных видов, но и разных генетических линий популяции одного вида специфичны; они по-разному действуют на животных разных генотипов, разных стадий развития, разных размеров (ускоряют или тормозят рост и развитие, определяют скорость деления клеток и т. п.). Иными словами, химический сигнал воспринимается членами данного сообщества как приказ, регламентирующий скорость их размножения, роста, развития. При высокой численности животных данного вида экзометаболиты сдерживают их размножение. Для того, чтобы показать, какого совершенства достигают экзометаболическая регуляция популяционных процессов, достаточно сказать, что один и тот же химический фон, создаваемый популяцией определенного вида, сдерживает развитие животных на ранних стадиях и ускоряет развитие старших (возможны и обратные ситуации), тормозит рост «своего» вида и ускоряет развитие «чужого» и т. п. Остается добавить, что экзометаболиты действуют в ничтожных концентрациях. Все это уже твердо установленные факты. Они открывают перед нами заманчивые перспективы.

Если «химический код», определяющий развитие определенного вида (или группы экологически сопряженных видов), будет расшифрован (для наиболее изученных видов мы уже близки к этому) и аналоги соответствующих метаболитов будут синтезированы, то борьба с определенным видом сведется к тому, что в среду его обитания будет подан соответствующий сигнал, ограничивающий численность вида хозяйственно и биоценологически допустимыми нормами.

Экспериментами в природе показано, что химическая (экзометаболическая) сигнализация определяет не

только численность вида, но и его «качество», генетическую структуру его популяций. Это значит, что химический код определяет в конечном итоге и структуру популяций составляющих его видов, и их численность. Овладев химическим кодом регуляции биоценологических и популяционных процессов, мы получим возможность управлять сложнейшими природными процессами, не опасаясь неблагоприятных побочных последствий. Это гарантируется не только высшей специфичностью действия метаболитов, но и ничтожной продолжительностью «жизни» экзометаболитов: уже через несколько дней они теряют свою активность.

Итак, человеку есть чем гордиться в рассматриваемой нами области. К сожалению, однако, большинство из приведенных примеров единичны. Дело не в том, что если начать подсчитывать «случаи», когда деятельность человека пошла на пользу природе и когда во вред, то, по всей вероятности, баланс получился бы отрицательным (хотя «счет» и здесь был бы не столь разгромным, как это нередко представляется). Дело в том, что природа должна быть улучшена всюду, и всюду, где есть человек, он должен жить в условиях оптимальных. Думать, что мы и наши не столь уж отдаленные потомки смогут ограничиться созданием природных парков, в которых будет сохранен природный ландшафт, как место отдыха, музеев и ландшафтно-генотипа, а сам человек будет жить в каменных джунглях, сооруженных по последнему слову санитарной техники, — так думать весьма опасно. Дело не только в том, что пища и кислород человеку будут нужны всегда. И вряд ли по-хозяйски обеспечение человечества кислородом перекладывать на плечи техники, даже если эта задача и может быть решена.

Но давайте пофантазируем. Допустим, что мы научились изготавливать синтетическую пищу, кислородом нас обеспечивает химическая промышленность, техника обеспечивает оптимальный гидрологический режим всей планеты... (Все это требует колоссального развития техники, но в принципе возможно.) Пусть будет так. Но сможем ли мы обойтись «без природы»?

Здесь автор должен коснуться очень тонкого вопроса, рискуя приобрести репутацию современного Паганеля, ратующего за природу ради ее первозданной красоты. Автор, увы, не поэт, скорее, «физик», чем «лирик», к березкам и мотылькам подходит с позиций анатома, а не поэта. Итак, все мы знаем, что общение с природой создает у человека хорошее настроение — вещь, несомненно, важная. Но можно ли сравнить такую трудноуловимую субстанцию, как «настроение», с такими земными проблемами, как обеспечение человека пищей, жильем и другими земными благами? Последние данные науки говорят не только о возможности, но и необходимости такого сопоставления.

Одной из наиболее быстро развивающихся современных биологических наук является этология — наука о поведении животных. Показатель высокого признания вклада этологии в современную науку — присуждение трем ее основателям — К. Лоренцу, К. Фрицу (Австрия) и Н. Тинбергену (Англия) — Нобелевской премии. Один из важнейших выводов современной этологии сводится к следующему. Каждому виду животных свойствен стереотип поведения, определяющий возможность жить и продолжать свой род. Однако стереотип поведения проявляется лишь во вполне определенной среде — среде не только (и не столько) в физическом, но, главное, в психологическом смысле слова.

Непривычная обстановка, иногда ничтожные изменения среды приводят к нарушению того нервно-психологического настроя, который определяет возможность реализации стереотипа поведения. Чем выше организация животного, тем выше способность нервной системы к приспособлению к необычным внешним стимулам. Но ни один вид животного не свободен от среды в ее психологическом аспекте. Этот вопрос заслуживал бы подробного специального рассмотрения, но мы ограничимся лишь примером, который должен пояснить сказанное. Животное попадает в неволю. Заботливый и грамотный хозяин (зоопарк) обеспечивает питомца всеми необходимыми кормами, поддерживает в вольере оптимальную для вида температуру и влажность, избавляет от врагов, паразитов, болезней, но животное постепенно становится все более вялым, тоскует и погибает.

«Тосковать» по родине животное не может (это умеет только человек), да во многих случаях оно ее никогда и не видело. В течение многих веков в Индии используют слонов в качестве рабочего скота. Но вплоть до последнего времени считалось более легким отлавливать, приручать и обучать диких слонов, чем заставить рабочих слонов размножаться в неволе. А ведь они продолжают жить у себя на родине. Чего же им не хватает для поддержания физиологического состояния? Громадный успех в разведении диких животных в неволе (сейчас в зоопарках размножаются не только слоны, но и носороги, гориллы и тупайи) позволил сделать вывод, по своему значению далеко выходящий за пределы чистой зоологии. Оказалось, что для поддержания нормального психофизиологического состояния животному необходима естественная для него среда, естественные нервно-психические раздражители, которые никакими витаминами и кондиционерами заменены быть не могут.

Нет сомнения в том, что нервная система человека обладает неизмеримо большей способностью к адаптации, к «эволюционно непривычным» условиям, чем нервная система любого животного. Но вряд ли можно сомневать-

ся и в том, что человек не свободен от влияния среды на его психофизиологическое состояние — это природа, которая не может быть заменена даже самой лучшей имитацией. Совершенство нервной системы человека создает возможность адаптации к непривычным условиям. Но чем раньше мы зададим себе вопрос: «какой ценой» — тем лучше.

Есть достаточно веские основания полагать, что поддержание (а в ближайшей исторической перспективе — создание) оптимальных природных (естественных) условий всюду, где живут и работают люди, следует рассматривать в качестве одной из важнейших задач общества. Живая природа, общение с миром живых существ — неперемное условие поддержания того нервно-психического настроения, который необходим для оптимального физиологического состояния человека.

О возможности решения этой грандиозной задачи говорит способность организмов создавать процветающие популяции в поистине экстремальных условиях среды. Достаточно сказать, что некоторые виды растений в течение немногих поколений приобретают генетически закрепленную способность создавать продуктивные и стабильные популяции, казалось бы, не в просто неблагоприятной, а в отравленной среде, например, на землях, обогащенных свинцом, медью, никелем, да к тому же при явном недостатке кальция и фосфора. К числу подобных видов относится, например, полевика — ценное кормовое растение.

Вполне возможно и создание сообществ, работающих в качестве специфических «нейтрализаторов» потенциально вредных отходов промышленности. Среди бактерий известны, например, специализированные «нефтедеструкторы», эффективность работы которых повышается в присутствии ванадия и цинка. Подобные примеры, конечно, не более чем иллюстрация, но иллюстрация достаточно используемых возможностей. Так как подробный анализ затронутого вопроса не входит в нашу задачу, то мы ограничимся еще одним примером. Никотин — страшный яд. Излюбленный прием устрашения курильщиков: никотин одной сигареты убивает лошадь — отнюдь не гипербола. Но ведь посевы табака нуждаются в специальной защите от «бесстрашных» насекомых. Это ясно указывает, что принципиальных преград для развития специализированных сообществ в уникальной среде нет. А это значит, что именно человек должен помочь полезным видам животных и растений адаптироваться к новым условиям существования, должен овладеть процессом эволюции.

Сейчас эта задача звучит почти фантастически, но уже через несколько лет она займет свое место в будничных планах институтов и лабораторий. Более того, она может быть поставлена на вполне профессиональном уровне уже в настоящее время.

Могущество человека, его кажущаяся власть над природой привели к убеждению, что природа — всего лишь пассивный объект нашего воздействия. Применительно к неживой природе это в известной степени справедливо, но живые организмы отнюдь не пассивны, по отношению к антропогенным воздействиям. Хорошо известно, что длительное применение ядов приводит к созданию ядостойких насекомых, бактерий и других организмов. Приходится или постепенно увеличивать дозу яда, или постоянно менять ядохимикаты. И то и другое — лишь временная (и отнюдь не безопасная) мера.

Тщательные исследования, проводимые в разных странах на разных организмах, показали, что новые свойства организмов (в рассматриваемом случае их ядостойкость) — результат их приспособительной эволюции, их приспособления к условиям существования, которые создаются человеком. Под влиянием быстро изменяющихся условий среды эволюция идет значительно быстрее, чем это предполагалось ранее. Это значит, что человечество столкнулось с необходимостью разработать методы управления ходом эволюционного процесса, которые позволили бы свести к минимуму возможность приспособительной эволюции вредных форм и создавать полезные формы, способные давать максимальную биологическую продукцию в измененной человеком среде. Исследования показали, что эта задача вполне разрешима.

Оказалось, что любая популяция процветающего вида обладает колоссальным резервом скрытой изменчивости. При изменении условий среды эта скрытая изменчивость мобилизуется, что проявляется в быстром изменении генетического состава популяции, в ее генетическом приспособлении к своеобразным условиям. Современная экология обладает методами, позволяющими направить ход эволюционной изменчивости популяций в желательном для человека направлении. Пока мы умеем делать это лишь на модельных объектах в экспериментальных условиях. Но теория подсказывает уже пути направленного вмешательства в эволюцию природных популяций в естественной среде обитания. Можно предвидеть, что это будет означать коренной поворот в наших отношениях с природой. Возникнет реальная возможность создания специфически приспособленных форм, способных производить богатую биологическую продукцию в условиях ландшафтов антропогенного происхождения.

Другой аспект проблемы сводится к разработке методов управления не развитием популяций отдельных видов, а жизнью сообществ в измененной человеческой деятельностью среде.

Человеческая деятельность оказывает на природу неисчерпаемо разнообразное действие. Однако в первом приближении это, повторим еще раз, неисчерпаемое, необозримое разнообразие может быть

сведено к двум основным явлениям:

1. Снижение численности (или вымирание) отдельных видов, представляющих для человека непосредственную ценность, не связанное с общим ухудшением состояния природной среды. Строительство плотин или других гидротехнических сооружений в принципе может и не вызвать ухудшения среды (а может вызвать и улучшение), но влечет за собой сокращение численности ценнейших проходных рыб. В подобных случаях задача эколога заключается в разработке специальных мероприятий, которые позволили бы путем специальных технических мероприятий создать возможность для процветания популяций рыб в новых условиях. В подобной ситуации эколог должен работать в сотрудничестве с экономистами и инженерами на самых первых этапах проектирования.

Возможен и иной подход к проблеме. Перспективной может оказаться работа по созданию специализированных аборигенных видов. Речь идет о создании специализированных форм животных и растений, способных давать высокую биологическую продукцию в новой среде обитания. Работа эта, безусловно, очень трудная, во многих отношениях пионерская, но экологи должны быть к ней готовы, так как возможны случаи, когда экономические и чисто инженерные соображения делают первый путь решения задачи практически невозможным. Однако и эта работа (работа уже чисто экологическая) должна предусматриваться в общем проекте строительства.

2. Деятельность человека вызывает общее ухудшение (или, во всяком случае, изменение) природной среды, что имеет следствием существенное обеднение фауны и флоры, разрушение биогеоценозов со всеми вытекающими последствиями. (Необходимо подчеркнуть, что подобная ситуация может возникнуть и при строжайшем соблюдении всех мыслимых мер технического порядка по охране природы.) Это явление уже принципиально иного свойства, чем угроза гибели отдельного вида. Любой вид животного или растения биологически уникален. Его вымирание — невосполнимая утрата. С вымиранием морской коровы человечество потеряло (по-видимому, навсегда) возможность создать морское домашнее животное. К сожалению, это становится понятным *post factum*, и мы, люди, не знаем, что терять, когда вымирает любой, пусть самый скромный, вид организмов. Поэтому нельзя ставить вопрос так: среда изменилась, один вид вымер, мы его заменим другим. (Истребление даже явно вредных видов должно проводиться с крайней осторожностью. Не случайно термин «щадящая борьба» стал весьма популярным среди работников защиты растений.)

Зная, как человек изменяет среду (в данном месте, на данном уровне развития экономики и техники, в данной физико-географической среде), зная

требования, которые предъявляют к среде отдельные виды, зная потенциальные возможности их эволюционной изменчивости, зная законы их сложения в сообществе и, наконец, зная законы, которыми определяется продуктивность их самоочистки, эколог может разработать генеральную схему развития процветающих биогеоценозов в урбанизированной среде. Эта схема может быть реализована лишь в комплексе с мероприятиями по промышленному освоению края, она должна рассматриваться как неперемнная составная часть общего плана развития страны. Поэтому работа эколога в этом направлении вполне заслуживает названия экологии человека.

Основная задача этого раздела науки, по нашему мнению, должна заключаться в разработке общей схемы развития биогеоценологического покрова единого экономико-географического региона.

Послесловие к статье

Отношение С. С. Шварца к проблеме «человек и природа» заслуживает изучения и самой широкой популяризации. От множества публикаций на модную ныне тему экологии его статьи отличаются взвешенностью и научной обоснованностью предложений, конструктивной программой действий.

В последние годы мы научились метаться из одной экологической крайности в другую, тактическое мышление предпочитать стратегическому, игнорировать и искажать данные науки и даже, по выражению И. А. Бунина, демонстрировать «разнузданность все позволяющей себе личности, нахватавшей лишь верхушек знания и культуры». Такие понятия, как «преобразование природы», «улучшение природы», «обогащение природы» мы сплошь и рядом подвергаем остракизму, а слова «преобразователь природы» сделали чуть ли не бранной кличкой.

Проблема взаимоотношений природы и общества требует глубокого научного знания, высочайшего уровня профессиональной компетентности. Опираясь на традиции таких замечательных русских ученых и философов как В. Вернадский, Н. Федоров, В. Соловьев и др., С. С. Шварц одним из первых в нашей стране начал разработку научных основ взаимодействия природы и общества, той рациональной стратегии отношения человека к природе, которую мы называем «стратегией обогащения природы» (ж. «Охота и охотничье хозяйство» № 5, 1972; № 2, 1975).

Любое живое существо на земле не только приспосабливается к окружающей его среде, но и преобразует эту среду, приспосабливает условия жизни к своим потребностям.

Перекрытые плотинами равнинные реки — одно из самых трагичных заблуждений человека-преобразователя. Но это не отменяет и не может дискредитировать позитивный смысл поня-

тия «преобразование природы». Мельничные плотины на небольших речках, — полезное преобразование и истинное обогащение природы. Вот как пишет об этом в журнале «Москва» (№ 1, 1989) В. А. Солоухин: «Знаю, что ветряная мельница (ветряк), была когда-то неотъемлемой частью российского пейзажа, особенно в более южных — орловских, курских, воронежских, рязанских землях, не говоря уж о Доне и Украине. В наших местах, правда, предпочтительнее были водяные мельницы, потому что пронизаны наши места густой сетью тихих и светлых речек. На одной только Колокше от Юрьева-Подольского до Устья, на протяжении каких-нибудь семидесяти верст, стояло двенадцать мельниц. Двенадцать плотин, двенадцать мельничных омутов — каскад, сказали бы теперь. Но зато и красавица же была, подпертая, приподнятая плотинами, рыбная, светлая, а ныне совсем обмелевшая и захиревшая, зарастающая и тиной запыляющая Колокша».

Бездумная переборка и перекачка воды на поля, уничтожающая русские черноземы — невежество, граничащее с преступлением. Но преобразование черноземных степей по докуцаевскому плану поддержания «правильного соотношения между водой, лесом, лугами и другими хозяйственными угодьями» — истинное обогащение природы.

Деградация природных ландшафтов во многих странах и областях зашла так далеко, что одними запретными мерами спасти и сохранить природу уже не удастся. Природа ждет от нас предельно активной помощи и заботы. Стихийное развитие цивилизации поставило человека перед необходимостью культивировать природные ресурсы и конструировать новые ландшафты.

Заповедь «не повреди» — одна из важнейших заповедей природоохранителя-эколога. Но даже самого добросовестного выполнения этой заповеди уже недостаточно. Вернуть человеку поруганные и изуродованные им же земли, возродить жизнь в «экологических пустынях» может помочь лишь целеустремленное служение заповеди «обогати».

«Нужно срочно всеми силами и, главное, всем своим психологическим устремлением современным людям настроиться на перестройку биосферы, — писал выдающийся биолог и генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский. — Нужно повышать плотность зеленого покрова... биологическую производительность природных и искусственных биоценозов».

Концептуальные основы статьи «Экология человека» отвечают принципам «стратегии обогащения природы» (срубил дерево — посади два), убежденным проводником которой является наш журнал. Статью «Экология человека» печатаем с небольшими сокращениями.

О. ГУСЕВ, член Центрального совета Всероссийского общества охраны природы

Нашему фотокорреспонденту А.Ф. ДИГИЛЕВИЧУ – 70 лет

Фото А. ДИГИЛЕВИЧА

Исполнилось 70 лет Анатолию Фёдоровичу Дигилевичу — фотокорреспонденту нашего журнала, с которым его связывают долгие 40 лет творческой работы. Один из лучших фотографов-анималистов, побывавший на всех, кроме Антарктиды, континентах мира начал печататься в журнале «Охота и охотничье хозяйство» с 1968 года и сразу покорила наших читателей высоким качеством своих фотографий и широким выбором объектов съёмки. Это тем более было удивительно, потому что Анатолий Фёдорович по своему образованию не профессиональный фотограф.

Он родился в семье железнодорожника в деревне Николаевка Омской области почти в самом центре страны, куда его отец Фёдор Иванович в 1941 г. был направлен из Москвы на прокладку железнодорожных путей к строительным площадкам, на которых разворачивались эвакуированные из центральной части страны заводы. После возвращения в Москву и окончания средней школы — 3 года службы в армии. Военная специальность — бортрадист. Затем по стопам отца в институт инженеров железнодорожного транспорта. Далее, сначала работа на железной дороге, а потом начальником участка на Московском метрополитене. Выйдя по подзёмному стажу достаточно рано на пенсию, Анатолий Фёдорович с головой ушел в фотографию, превратив ее из увлечения в свою вторую профессию, в которой он достиг впечатляющих результатов. И подтверждением этому служат участие в международных фотоконкурсах и несколько выставок в России.

По фотографиям Анатолия Фёдоровича можно знакомиться с животным миром практически всех континентов. В своих фотоэкспедициях он посетил Новую Зеландию, Австралию, в Южной Америке Аргентину, в Африке Танзанию, Ботсвану и Зимбабве, был в США и Канаде, извездил практически всю территорию бывшего СССР, и отовсюду он привозил уникальные снимки.

Но, наверное, многие из его фотографий не могли бы так органично показывать природу нашей планеты и ее обитателей, если бы не его увлечение охотой.

За свой большой вклад в пропаганду правильной охоты и бережного отношения к животному миру Анатолий Фёдорович получил звания Почетного члена Росохотрыболовсоюза, Заслуженного работника охотничьего хозяйства России и даже Почетного гражданина г. Тусон, штат Аризона, США. Он является судьей республиканской категории по стрелково-стендовому спорту.

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» поздравляет Анатолия Фёдоровича с замечательным юбилеем, желает ему крепкого здоровья и творческих успехов на благо своих близких и нашего журнала.

Фото А. ДИГИЛЕВИЧА

Ж вопросу о стандарте восточносибирской лайки

В. РУБИН, эксперт-кинолог. Фото автора

Стандарты пород лаек, и том числе восточносибирской лайки, были приняты Всесоюзным кинологическим советом МСХ СССР 23.12.79 г. и утверждены приказом Главного управления по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйствам МСХ СССР № 9 24.03.81г.

Прошло 30 лет и у многих экспертов, которые вдумчиво и творчески относятся к своей работе, нередко возникает много тупиковых вопросов, связанных со стандартом ВСЛ.

Если даже поверхностно изучить научные труды по породе и сопоставить данные Всероссийской племенной книги охотничьих собак (ВПКОС), каталогов разных выставок и наблюдая в реальности восточносибирских лаек, то создается мнение, что стандарт ВСЛ был написан в противовес логике, но очень грамотно преподнесен для принятия Всесоюзным кинологическим советом. Создатели стандарта даже и не пытались опираться на многолетние научные исследования, а руководствовались лишь тем, чтобы прописать явные отличия «восточников» от остальных лаек, которые заметил бы любой начинающий эксперт.

Аборигенные лайки Восточной Сибири очень сильно отличаются друг от друга и подогнать их под один стандарт невозможно, но при создании стандарта нужно было по возможности как можно больше охватить все типы восточносибирских лаек, а не хаотично описывать отдельные стати разных типов.

Начнем по порядку с описания стандарта ВСЛ.

Согласно стандарту, индекс растянутости для кобелей 104—109, для сук 107—112. Непонятно, откуда взялись эти цифры. Насколько известно, одним из выдающихся исследователей породы, который защитил кандидатскую диссертацию по ВСЛ в 1966 году и исследовал все крупные районы распространения восточносибирской лайки в Иркутской области, Якутии, Бурятии, Читинской области и Красноярского края, был Гейц Анатолий Владимирович. В его книге «Восточносибирская лайка» издания 1968 г. приводится таблица измерения более 1500 ВСЛ, и по этой таблице трудно вычислить индексы растянутости этих собак.

Индексы растянутости восточносибирских лаек

Высота в холке	Кобели		Суки	
	Косая длина туловища	Индекс растянутости	Косая длина туловища	Индекс растянутости
53	—	—	56-58	105,7—109,4
54	—	—	57—59	105,6—109,3
55	57-58	103,6—107,3	58—60	105,5—109,1
56	58—60	103,6—107,1	59—61	105,4—108,9
57	59—61	103,5—107,0	60—62	105,3—108,8
58	60—62	103,4—106,9	61—63	105,2—108,6
59	61—63	103,4—106,8	62—64	105,1—108,5
60	62—64	103,3—106,7	63—65	105,0—108,3
61	63—65	103,3—106,6	64—66	104,9—108,2
62	64—66	103,2—106,5	—	—
63	65—67	103,2—106,3	—	—

Восточносибирская лайка Тис владельца К. Гололобова происходит от Тайфуна Курсенко и Тайги Солодовникова

В результате получается, что индекс растянутости для кобелей составляет 103—107, а для сук 105—109, таким образом, индекс растянутости ВСЛ почти ничем не отличается от индекса ЗСЛ.

Согласно стандарту, для ВСЛ предпочтителен черный с подпалом, зонарный (карамистый) окрас. Благодаря этому определению и вводу в заблуждение лаечников, карамистый окрас стал модным среди заводчиков восточносибирских лаек. Многие охотники при приобретении щенка в первую очередь интересуются карамистым окрасом, а не рабочими качествами и очень удивляются, что восточники бывают черно-белого окраса. Возникает вопрос, а почему такой окрас предпочтителен? Кто и на каком основании это определил? Само собой напрашивается ответ, чтобы не перепутать восточника с другой лайкой.

Если взять ВСЛ Иркутской области, записанных во ВПКОС с 1973 по 1991 годы, то представится следующая картина:

При изучении крупных районов распространения ВСЛ Иркутской области, Якутии, Бурятии, Читинской области и

Окрас	Иркутский питомник охотничье-промысловых собак	Иркутская область	Всего
Черный с белым	67 (87,7 %)	58 (72,5 %)	125 (77,2 %)
Серый с белым	6 (7,3 %)	12 (15 %)	18 (11,1 %)
Карамистый	4 (4,9 %)	3 (3,7 %)	7 (4,4 %)
Рыжий	3 (3,7 %)	6 (7,5 %)	9 (5,6 %)
Белый	2 (2,4 %)	1 (1,3 %)	3 (1,8 %)

Красноярского края, в своей книге «Восточносибирская лайка» Гейц А.В. привел примерно тоже самое процентное соотношение окрасов восточников, которое представлено в вышеуказанной таблице. В этой же книге Гейц А.В. подчеркивает, что карамистый окрас малосвойственен для лаек!

Согласно стандарту для ВСЛ белый и палевый окрасы — недостаток. Но при этом мочка носа должна быть черная при всех окрасах. Следовательно, если у белой или палевой собаки коричневая мочка носа, что допускается у западносибирских лаек, то это порок для восточника. Можно подумать, что восточники и западники должны значительно отличаться друг от друга. Поэтому непонятно, на каком основании белый и палевый окрасы отнесли к недостаткам, а малосвойственный карамистый окрас для лаек сделали предпочтительным.

Согласно стандарту ВСЛ, пропорции головы у восточника точно такие, как у РЕЛ, отличие лишь в форме морды. При пропорциях головы, когда черепная коробка не длинная, ее длина чуть превышает ширину и при длине морды несколько короче длины черепной коробки, скулы всегда будут хорошо выраженные, а надбровные дуги несколько выступающие. Тогда не понятно, почему при одинаковых головах у РЕЛ, согласно стандарту, хорошо выраженные скулы и несколько развиты надбровные дуги, а у ВСЛ, согласно стандарту, скулы выраженные, но не резко, а надбровные дуги развиты слабо. Но слабо выраженные скулы и слабо развиты надбровные дуги бывают лишь у собак с узкой черепной коробкой, а по стандарту у ВСЛ широкая черепная коробка. Вот здесь четко прослеживается хаотичное описание отдельных статей разных типов ВСЛ и компонование из них стандарта.

У всех лаек губы сухие, плотно прилегающие, кроме ВСЛ. Для них определили умеренно сухие губы. Представьте себе ВСЛ и русскую пегую гончую и сравните губы этих собак. Все, наверное, сразу представили отличие. Так вот, у русской пегой гончей, согласно стандарту, губы сухие, плотно обтягивают морду, а у ВСЛ, согласно стандарту, губы умеренно сухие и плотно прилегающие.

Согласно стандартов, у РЕЛ, ЗСЛ, КЛ грудь широкая и глубокая, в сечении яйцевидная, опущенная до локотков. Но ВСЛ должна как-то выделиться от остальных лаек, ей, наверное, присущи какие-то не собачьи признаки и тут создатели стандарта прописали, что яйцевидная грудь — это недостаток для ВСЛ.

Многу приведены основные парадоксальные положения стандарта ВСЛ и если его не изменить, то мы, кому дорога эта порода, подпишемся под своей бездеятельностью и профессиональной безграмотностью!

Вопросам по совершенствованию стандарта ВСЛ были посвящены: семинар по ВСЛ, организованный п/о «Иркутскоопзверопром» на базе ИПОПС 21.05.1991, и семинар на тему «Проблемы пороодообразования лаек Восточной Сибири», организованный фирмой «Русская охота» в г.Иркутске 23.25.04.1993 г.

Ниже представляем вариант проекта стандарта на восточносибирскую лайку, который является результатом неоднократных обсуждений разных коллегий экспертов-кинологов страны и охотников-лайчатников Восточной Сибири. За основу настоящего проекта был взят ныне действующий официальный стандарт, разработанный на базе первого описания «амурской» лайки охотником В.К. Абрамовым и суще-

ственно дополненный иркутским охотником, кандидатом с/х наук А.В. Гейцем (автор диссертации по восточносибирской лайке, 1966 г.) совместно с известным экспертом-кинологом страны Э.И. Шерешевским. Над проектом стандарта работала большая группа специалистов по этой породе.

Восточносибирская лайка

Универсальная промысловая собака таежной зоны Восточной Сибири, формирующаяся на базе звенкийских, якутских и прибайкальских отродий охотничьих лаек. Распространена к востоку от реки Енисей. В настоящее время имеется достаточно многочисленное поголовье, разводимое в кинологических центрах страны, с накопленными в ряде проверенных поколений устойчивыми наследственными рабочими и экстерьерными качествами.

Восточносибирская лайка — самая крупная из отечественных лаек. Она используется для охоты на все виды пушных, копытных и хищных зверей, а также на боровую и водоплавающую дичь. Обладает высокоразвитым охотничьим инстинктом, умением хорошо ориентироваться в охотгодьях, особой выносливостью, нетребовательностью к пище и условиям содержания, способностью экономно расходовать энергию и быстро восстанавливать силы. Отличается значительной самостоятельностью в работе и уравновешенностью темперамента.

Общий вид и тип конституции. Собака среднего и выше среднего роста, крепкого и крепкого-сухого типа конституции. Отличается несколько растянутым корпусом. Кобели заметно отличаются от сук крупным ростом, могучим сложением, звероватым видом и боевитостью.

Тип поведения. Подвижный, уравновешенный с чертами сангво-флегматического типа высшей нервной деятельности. Дружелюбна и доверчива к людям, злобность к человеку нетипична. Характеризуется развитой сообразительностью и хорошей ориентировочной реакцией, ярко выраженной охотничьей страстью. Типичный аллюр в работе — широкая рысь, временами перемежающаяся с галопом, который в исключительных случаях переходит в карьер.

Рост и формат корпуса. Высота в холке у кобелей 56 — 64 см., у сук 52 — 60 см. Высота в крестце у кобелей на 1—2 см. ниже, чем в холке, у сук она равна высоте в холке или ниже на 1см. Индекс растянутости для кобелей 103—108, для сук 105—110.

Недостатки: рост выше указанного. Отсутствие высокопередости у кобелей, а также незначительная высокозадость у сук. Незначительные отклонения в индексе растянутости.

Восточносибирская лайка Боотур, рожд. 2007 г.

Пороки: рост ниже указанного. Значительные отклонения индекса растянутости, резко выраженная высокозадость.

Окрас. Черный, белый, серый, рыжий, палевый, бурый всех оттенков в различных комбинациях распространения пигмента: черно-пегий, серо-пегий, рыже-пегий, буро-пегий, зонарно-серый (волчий), зонарно-рыжий, зонарно-черный с подпалом (карамистый), черный с подпалом, черный с белым, серый с белым, рыжий с белым, бурый с белым, палевый с белым, белый с черным, белый с серым, белый с рыжим, белый с бурым и другие варианты пятнистого окраса, включая трехцветный (пестрый).

Допустим незначительный крап на голове и ногах в тон основного окраса. Мочка носа черная при любом типе окраса, за исключением белого и светло-палевого, при которых допускается и коричневая мочка.

Недостатки: ярко-рыжий (красный) окрас, незначительный крап на туловище в тон основного окраса, частичная депигментация мочки носа, губ и век.

Пороки: густой крап по всему туловищу в тон основного окраса, крап на голове и по корпусу не в тон основного окраса. Полная депигментация мочки носа. Коричневый и тигровый окрас ставят собаку вне породы.

Шерстный покров (псовина). Густая, жесткая и прямая ость с хорошо развитым мягким и плотным подшерстком. На голове, ушах и ногах шерсть короткая, уплотненная; на тыльной стороне конечностей несколько длиннее и образует на задних ногах «очесы». На шее и плечах шерстный покров развит более богато и образует своеобразный воротник «муфту», наиболее характерный для кобелей. На холке шерсть более развита с длинной остью. На лапах, пробиваясь между пальцами, образует «щетку», предохраняющую их от повреждений. Хвост хорошо опушен прямым жестким волосом, который более развит на тыльной стороне, не образуя при этом подвеса.

Недостатки: отсутствие удлиненного волоса на холке у кобелей, редкий укороченный остевой волос, слабое развитие подшерстка в осенне-зимний период, незначительный подвес на хвосте.

Пороки: мягкая, волнистая, курчавая, с развалом на спине шерсть. Наличие значительных очесов на передних ногах и сильно выраженный подвес на задних ногах и хвосте. Резко выраженные короткошерстность и длинношерстность, а также полное отсутствие подшерстка в осенне-зимний сезон (не в период разлиньки) ставят собаку вне породы.

Кожа, мускулатура, костяк. Кожа плотная, эластичная, без складок и отвислостей. Мускулатура хорошо развита. Костяк крепкий, что особенно выражено у кобелей. Обхват пясти для кобелей 12—14 см, для сук 11—13 см.

Недостатки: излишнее развитие рыхлой подкожной клетчатки, образующее складки кожи и отвислости. Дряблая мускулатура, недоразвитый или переразвитый костяк с учетом возрастных изменений.

Пороки: очень нежный, слабый или излишне грубый костяк.

Кондиция (степень упитанности). Допускаются рабочая, племенная и выставочная кондиции — характеризующиеся нормальной степенью упитанности, развитой мускулатурой и рельефным очертанием корпуса. Средний вес взрослых собак варьирует: у кобелей от 26 до 32 кг, у сук — от 20 до 26 кг.

Недостатки, пороки: крайние патологические отклонения от нормы в виде истощенной (заморенной) или ожиренной (раскормленной) кондиции, значительно снижающие биологическую и функциональную продуктивность собаки, относят к недостаткам или порокам в зависимости от степени их выраженности.

Голова. Сухая, при взгляде сверху клинообразная с относительно широкой черепной коробкой (особенно у кобелей). Затылочная часть слегка округлена. Длина черепной коробки равна или чуть превышает ее ширину. Длина морды несколько короче длины черепной коробки. Скулы хорошо выражены. Надбровные дуги выражены, но не сильно. Переход от лба к морде плавный, умеренно выраженный. Профиль морды прямой или клинообразный, слегка притупленный в районе мочки. Верхняя линия морды параллельна линии лба.

Лобные и теменные кости образуют относительно плоскую, без куполообразной выпуклости поверхность черепной части головы, допускается незначительная бороздка на лбу. Затылочный бугор хорошо выражен. Губы сухие, плотно прилегающие к зубному ряду, без отвислости и брылей.

Недостатки: Слабо выраженная скуластость, незначительная горбоносость, наличие небольших брылей и слабо выраженный затылочный бугор. Выпуклый лоб (прилобистость) и переразвитые надбровные дуги следует считать недостатком или пороком в зависимости от степени выраженности этих отклонений.

Пороки: удлиненная черепная коробка, очень слабо выраженные скулы, излишне массивная, сырая и тяжелая, морда вздернутая или резко опущенная, с выраженной горбоносостью. Отсутствие выраженного или наличие резкого перехода от морды ко лбу, куполообразная поверхность черепной части, наличие резко выраженной прилобистости (бараний лоб). Отвислые губы с резко выраженными брылями.

Уши. Небольшие, стоячие, подвижные, в форме равнобедренного треугольника с острой или слегка округленной вершиной, со слабо развитой мочкой. Поставленные на уровне глаз или чуть выше, при этом характерен незначительный развал. Внутренняя часть ушей хорошо опушена защитным волосом.

Недостатки: высоко поставленные, излишне наклоненные вперед, развешанные, со слабыми хрящами (мягкое ухо), малоподвижные, большие, плохо опущенные внутри.

Пороки: излишне большие с широким основанием, с круглыми вершинами и выделяющейся переразвитой мочкой уха. Висячие, висячие на хрящах, полустоячие со свисающими вершинами — ставят собаку вне породы.

Глаза. Некрупные, овально-миндалевидные, не впалые и не на выкате с умеренно косым разрезом век. Взгляд живой и энергичный, доверчивый. Цвет глаз темно-карий или карий при любом окрасе собаки.

Недостатки: светлые, светло-карие глаза при черном окрасе собаки, большие или маленькие.

Пороки: круглые с прямым разрезом век, впалые (свиная) или выпуклые (навыкате), желтые, зеленые, серые, голубые, двухцветные (разноглазье), а также с депигментированной радужной оболочкой.

Зубы и прикус. Зубы белые, крупные, крепкие, плотно смыкающиеся, хорошо развитые. Зубная формула полная, прикус ножницеобразный.

Недостатки и пороки: (смотрите общие положения).

Шея. Мускулистая, округлая или слегка овальная в сечении, по длине приближается к длине головы. Постав шеи по отношению к продольной оси туловища под углом 40 — 50 градусов.

Недостатки: высоко или низко поставленная, яйцевидная в сечении, излишне длинная, загруженная с выраженной отвислостью под горлом или шеей (подбродок).

Пороки: те же отклонения, выраженные в резкой степени.

На промысле — после удачной охоты с лайкой на лося

Холка. Хорошо выражена, у кобелей заметнее, чем у сук, выступает над линией спины на 1—2 см. При возбуждении и агрессивной реакции она выделяется поднятием шерсти (дыбом), распространяющимся и на шею, образуя загривок.

Недостатки: отсутствие ярко выраженной холки у кобелей и совсем невыраженная холка у сук.

Спина. Прямая, крепкая и мускулистая, достаточно широкая, у молодых собак с легкой напружиной.

Недостатки: мягкая (слабая), слегка горбатая, узкая или излишне широкая (загруженная) спина.

Пороки: провислая, горбатая, искривленная при взгляде сверху.

Поясница. Короткая, мускулистая, неширокая, немного выпуклая.

Недостатки: длинная, слегка горбатая, излишне широкая.

Пороки: те же отклонения выраженные в резкой степени.

Круп. Широкий, относительно длинный, умеренно покатый. Расстояние между маклоками 6—8 см.

Недостатки: узкий, горизонтальный, несколько скошенный. **Пороки:** те же отклонения, выраженные в резкой степени.

Грудь. Широкая, глубокая, достаточно длинная, овальная в сечении, опущенная до локотков или ниже на 1—2 см, особенно у кобелей. Грудная клетка достаточно объемная.

Недостатки: плоская, бочковатая, распахнутая, короткая, неглубокая (не достигающая локотков) грудь.

Пороки: те же отклонения, выраженные в резкой степени.

Живот. Подобран, переход от груди к животу умеренно выражен.

Недостатки: распущенный живот (прибрюшность), резко выраженный переход от груди к животу (подрыв).

Пороки: те же отклонения, выраженные в резкой степени.

Пояс передних конечностей. Плечи умеренно косые, угол плечелопаточного сочленения в пределах 90—100 градусов. Ноги костистые и мускулистые, сухие, при осмотре спереди — прямые и параллельные. Длина ног примерно равна половине высоты в холке. Локтевые отростки хорошо развиты и направлены строго назад, параллельно оси туловища. Предплечья прямые. Пясти недлинные и слегка наклонены.

Недостатки: слегка искривленные предплечья, незначительно вывернутые наружу или ввернутые во внутрь лок-

ти. Прямоугольные или излишне наклонные пясти. Размет и ко-солапость в постанове ног.

Пороки: те же отклонения, выраженные в резкой степени.

Пояс задних конечностей. Углы сочленений при взгляде с боку хорошо выражены в пределах 125—130 градусов. Ноги мускулистые, при осмотре сзади — прямые и параллельные. Голень длинная, бедра несколько короче голени. Плюсны поставлены почти отвесно, причем вертикаль, опущенная от седалищных бугров вниз, проходит по передней стороне плюсны или чуть впереди нее.

Недостатки: незначительная прямозадость или саблистость, сближенные или развернутые скакательные суставы, излишне длинная голень.

Пороки: те же отклонения, выраженные в резкой степени.

Лапы. Округлые или слегка овальные, пальцы плотно прилегают друг к другу, сводистые, в комке. Прибылые пальцы на задних ногах допустимы, но при наличии их рекомендуется удалять.

Недостатки: распущенная, мягкая, плоская (несводистая), мясистая лапа, удлиненные средние пальцы. Отсутствие щетки между пальцами.

Пороки: те же отклонения, выраженные в резкой степени.

Хвост. В форме кольца или серпа, касающегося кончиком линии спины, прижатый к бедру или загнутый на спину. Допускается манера держать хвост серпом, не касающимся спины. В расслабленном состоянии допускается манера держать хвост опущенным. В вытянутом виде он достигает скакательного сустава, либо может быть короче на 1—3 см. При передвижении быстрым аллюром (галопом или карьером) характерно свободное балансирование хвостом, часто в расправленном состоянии.

Недостатки: удлиненный, укороченный, с тупым или острым концом, излишне тугое кольцо (в два оборота).

Пороки: хвост султаном, прутом, поленом, саблевидный, а также кольцом или крючком в последней трети длины.

Хочу поблагодарить всех, прочитавших статью, и попросить всех, заинтересованных в изменении стандарта на ВСЛ, выслать свои предложения в отдел охотничьего собаководства РОРС.

XVI съезд республиканского государственно-общественного объединения «Белорусское общество охотников и рыболовов»

26 октября 2011 года состоялся очередной XVI съезд республиканского государственно-общественного объединения «Белорусское общество охотников и рыболовов» (РГОО «БООР»). В докладе и прениях съезд критически обсудил современное состояние дел в объединении. Были отмечены достижения и недостатки по основным направлениям деятельности РГОО «БООР», определенных в Указе Президента Республики Беларусь № 450 от 17 июля 2006 года, Государственной программой развития охотничьего хозяйства на 2006—2015 годы, Республиканской программой развития рыбной отрасли на 2011—2015 годы.

Съезд определил стратегию РГОО «БООР», особое внимание посвящено воспроизводству охотничьей дичи, биотехническим мероприятиям, кадровой политике, улучшению положения и условий работы на местах, в

Юрий Иванович Шумский

областных и районных организационных структурах, информационной работе с населением, борьбе с браконьерством, укреплению дисциплины и материально-технической базы объединения. По всем вопросам принято постановление.

В работе съезда принял участие и выступил с речью заместитель Премьер-министра Республики Беларусь Валерий Николаевич Иванов.

Съезд единогласно избрал председателем РГОО «БООР» Шумского Юрия Ивановича.

Шумский Юрий Иванович — год рождения — 4 августа 1965 г., белорус, окончил Белорусский технологический институт, Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Специальность: лесное хозяйство, экономика и управление на предприятиях промышленности.

Дальнобойное помповое оружие

Анатолий САМСОНОВ

Исторически сложилось так, что ввоз дробового охотничьего оружия и его производство в нашей стране базировались на оружии европейском. А оно, сообразно требованиям и спроса большинства европейских охотников, конструировалось предпочтительно для стрельбы мелкой дичи. Вот что по этому поводу пишет самый известный российский оружейвед С.А. Бутурлин: «Завозимые из-за границы ружья ни по типам, ни по качеству, ни по ценам не удовлетворяют самым скромным требованиям. Это почти исключительно германское, частью бельгийское оружие, тогда как во всех отношениях выгодно было бы приобретать американское». И еще «... настоящего боя дробью на 85 метров (40 сажень) не бывает вовсе; не дают его по уткам, тетеревам и более мелкой дичи даже лучшие охотничьи ружья на 65 метров без различных концентраторов и пересыпок муклой». Эта справедливая оценка касается двухствольных ружей и легких одностволок, тогда как некоторые рядовые американские магазинки могут показывать стабильный бой на указанные выше дистанции. Именно таким ружьем оказалась магазинка оружейной компании «Марлин» образца 1893 года (модель 24, заводской № 7481), приобретенная автором в 1965 г. в Москве в комиссионном магазине. Как выяснилось позже, это было первое магазинное дробовое ружье, выпущенное в продажу в Америке, с перезарядкой цевьем, скользящим по трубке подствольного магазина. Ранее такая система перезарядки была применена в винтовках фирмы «Кольт» образца 1883 года.

«Марлин», о котором идет речь, было ружьем тяжелого типа весом около 3,6 кг, половина которого — 1,8 кг приходилось на быстросъемный ствол, с подствольным на 5 патронов трубчатым магазином и скользящим цевьем. Примерно такой же вес имела пара стволов таких тяжелых ружей 12 калибра как ТС-2 и МЦ-11 (1,5—1,6 кг). Отличительным признаком этой модели был внешний курок, который взводился движением цевья и соответственно затвора назад. Такой же массивный стальной ствол 12 калибра длиной 30 дюймов (762 мм) стоял и на следующей 28 модели «Марлина», которая, в отличие от своей предшественницы, имела уже внутренний курок. Выглядел этот ствол очень внушительно: по всей

его длине от казенной части до дульного среза, где толщина ствольной стенки составляла 2,5 мм, была накатана гильшононированная прицельная планка, которая оказалась очень удобной, особенно когда приходилось стрелять по угонной поднимающейся птице.

Кроме ружей 12 калибра мод. 24, 28 и 26 (укороченный ствол) фирма выпускала облегченные модели 30 и 31 16 и 20 калибров, стволы у которых делались по желанию заказчика от 660 до 812 мм со сверловкой дульной части от цилиндра до полного чока.

Заканчивая эту краткую историческую справку, следует сказать, что успех у охотников дробовых магазинок компании «Марлин», производство которых продолжалось вплоть до 1914 года, вызвал волну подражаний среди других американских оружейных фирм, в частности, таких как «Винчестер», «Стивенс», «Ремингтон» и др. К числу удачных конструкций среди подражаний можно отнести магазинки «Винчестера» мод. 1897 г., с наружным курком, и известную у нас внутрикурковую 12 модель (образца 1912 г.) облегченного типа, она выпускалась 16 калибра и продавалась в России до революции по 45 руб. за штуку.

Так сложилось, что провести первую пробу «Марлина» на охоте пришлось в Казахстане, на оз. Сары-Копя, в богатейших в те времена водоплавающей дичью местах. Специально заряженных патронов для «Марлина» не было, и стрелять пришлось патронами, которые были снаряжены и предназначались для совершенно другого ружья — самозарядного Винчестера мод. 1911 года, взамен которого и был приобретен «Марлин». Что представляли собой эти патроны? Гильза 65 мм, заряд пороха «Сокол» 2,1 г, войлочный пыж и 32 г дробы разных номеров. Бой «Марлина» этими патронами был кучным, но сноп дробы сильно растянут, так как, видимо, из-за несоответствия длины гильзы длине патронника (у «Марлина» он 70 мм) большинство дробин не набирала достаточной скорости. Да и сам звук выстрела был слабым, дульным, не чувствовалось и отдачи. Но в летний период при обилии дичи нужды в дальних выстрелах не было, и ко времени интенсивного пролета водоплавающих старые патроны были частично расстреляны, остатки розданы

местным егерям. Путем проб был подобран заряд именно для «Марлина». Трудно себе представить, но оказалось, что лучший результат по резкости и кучности при стрельбе на 70 метров показали патроны с навеской пороха марки «Сокол» $2,9 \pm 0,1$ г (при рекомендованных тогда для всех партий этого пороха max 2,1 г) и 40 г дробы. Экспериментов с «Соколом» и снарядами дробы, превышающими навески 10 калибра, дабы избежать снижения скорости и неминуемых скачков давления, сопровождающихся потерей боя, не проводилось. А тот бой, который показало ружье этими патронами, кроме как фантастическим не назовешь. В пристрелочную стодольную мишень на 35 метров указанный выше патрон давал 100 % кучность, причем сноп дробы на мишени умещался в круге поперечником 50 см. По результатам стрельбы на 70 метров можно было производить обычные расчеты на кучность и сгущение к центру, но даже на этом расстоянии дробь № 6 не оставляла пустых долей.

Выпуск дальнобойных ружей фирма «Марлин» сохранила до наших дней; собственно ими и ограничено производство дробовых ружей этой фирмы. Сейчас это две модели для охоты на гусей — «Marlin 50» и «Marlin 55». Ниже приведены конструкции стволов современной 55 модели и старой 28 (параметры последней реконструированы по фотографиям старого рекламного проспекта).

Модель 55 представляет собой тоже одноствольное ружье 12 кал. только с продольно-скользящим поворотным (болтовым) затвором и коробчатым магазином на два патрона. Его вес 3,3 кг. Длина ствола 36 дм (915 мм), патронника 76 мм. Внутренний диаметр канала ствола 18,8 мм, то есть под современную пластмассовую гильзу. Дульное сужение — особый полный чок для стрельбы стальной дробью.

Место замера	Казенная часть	в 11 см	в 30 см	в 50 см	В дульном срезе ствола
Наружный диаметр ствола, мм	33,0	31,0	26,0	22,3	21,5

Модель 28. Вес ружья 3,630 кг. Длина ствола 30 дм (762 мм), патронника 70 мм. Внутренний диаметр канала ствола 18,6 мм, то есть под папковую гильзу Элея и аналогичные других производителей. Дульное сужение — полный чок.

Место замера	Казенная часть	в 11 см	в 23 см	в 35 см	в 50 см	В дульном срезе ствола
Наружный диаметр ствола, мм	30,6	28,1	24,2	23,0	22,3	21,6

Соединение ствола со ствольной коробкой — прочное, с использованием крупной резьбы прямоугольного профиля, со стопорным стяжным кольцом.

Как видим, внешние параметры обоих стволов отличаются не сильно. Использование продольно-скользящего затвора обусловлено назначением ружья и особенностями стрельбы по дичи на большие расстояния.

Переходя к описанию конструкции магазинки мод. 24, нужно сделать некоторое вступление. Официально в специальных изданиях система перезарядки скользящим цевьем называлась «скользящий затвор» (Sliding action), наряду с этим названием ходили еще два: «тромбон» (Trombon action), так как напоминало движение руки музыканта при игре на этом инструменте, и, наконец, «помпа» или насос (rump action), что и прижилось. Подобная система перезарядки применялась и в нарезном оружии, но большого распространения не получила, во-первых, потому что система запирания ствола не приспособлена противостоять большим давлениям, и, во-вторых, при расположении патронов в магазине один за другим, во избежание инерционного накола, возможно использовать только те патроны, у которых пули имеют плоскую вершинку.

Ружье имеет стальную компактную ствольную коробку с правосторонним окном для выброса стреляной гильзы и с центральным внешним курком. Затвор ходит в трех направляющих пазах прямоугольного профиля, два из которых (верхний и боковой) выфрезерованы в ствольной коробке, а третий, боковой, в стенке лотка подавателя. Подаватель связан специальным выступом с затворной задвижкой и тягой, и именно этот выступ осуществляет движение лотка и подачу патронов. В закрытом состоянии лоток поджат к нижней поверхности затвора, конфигурация его наружной поверхности такова, что полностью закрывает все нижнее окно от попадания всякого мусора и в то же время позволяет быстро заполнить магазин. Отсекатель патронов управляется тягой цевья и подпружиненной кнопкой, которая позволяет

моментально освободить магазин от патронов.

Запорный элемент (боевой упор) выполнен в виде массивной планки прямоугольного сечения, находящейся внутри корбчатого затвора, которая качается на центральной поперечной оси и своим передним выступом при закрытом затворе опирается в боевую личинку, а задним в стенку затворной коробки. Блокировка затвора осуществляется взаимодействием ударника через соответствующие вырезы с выступами на запорном элементе, и включалась она только при спущенном курке. Все вышеперечисленное, в том числе и интерсепторы, находились внутри затвора. При постановке курка на предохранительный взвод ни открыть затвор, ни произвести выстрел невозможно, при этом боевая пружина, в отличие от внутрикурковых систем, не взведена, что очень важно.

Характерной особенностью данной конструкции является использование относительно длинных плеч рычагов запорно-двигательных элементов без применения дополнительных подружбиненных деталей, зачастую сопровождающих подобные конструкции.

Все это способствовало легкой, малощумной работе магазинки, а обращение с ней стало привлекательным для охотников.

Несколько слов о материалах, примененных в те давние времена в оружейном производстве и, в частности, фирмой «Марлин». Ружье было выполнено очень качественно, все металлические детали отличались высокими антикоррозионными свойствами, ствол не имел ни раковин, ни даже сыпи. В рекламном проспекте указывалось, что стволы выполнены из специальной легированной стали (Special Rolled) с лимитом прочности (elastic limit) 66 тыс. фунтов на квадратный дюйм, а ствольная коробка и внутренние детали из хромоникелевой стали с показателем прочности 100 тыс. фунтов на квадратный дюйм.

Наконец об особенностях стрельбы на дальние дистанции. Затрагивая этот вопрос, хочу остановиться на стрельбе именно из помповых ружей, и не потому, что я большой поклонник этого оружия, а просто хочу поделиться своим опытом эксплуатации таких ружей на охоте.

Привыкание к «Марлину» прошло незаметно. Скорость стрельбы из помпового ружья мало отличается от таковой же из самозарядки, так как пауза между отдачей и новым прицеливанием, в которую производится перезарядка ружья, оказывается более чем достаточной для этой операции. Мне приходилось добывать вылетевшего из-под меня рябчика третьим выстрелом. Однажды осенью за день охоты удалось «вытоптать» и взять трех вальдшнепов и каждого из них третьим выстрелом.

Ружье имело очень кучный бой и

зачастую добытую дичь, во избежание порчи, приходилось обрабатывать на месте, но, как известно, понизить кучность не сложно, поскольку в руках не самозарядка и годятся любые патроны, в том числе и с ослабленным зарядом.

Кучный, резкий, дальний бой концентрирует внимание охотника на тщательном выцеливании, а активные действия левой руки способствуют повышению общего тонуса организма стрелка, его реакции, и вся стрельба становится динамичной, живой и увлекательной.

Говоря об особенностях эффективной стрельбы дробью на большие дистанции (60-80 м), можно отметить следующее: такая стрельба чаще всего имеет место во время поздне-осенней охоты по пролетающей водоплавающей дичи (утки и гуси). Стрелять их обычно приходится над головой; высокая скорость полета этих птиц требует от стрелка точного прицеливания с выносом на большое упреждение (до 4 — 6 м), и более одного выстрела, как показала практика, охотник сделать не успеваает, даже если в руках будет соответствующая двустволка или самозарядка, так как птица выходит из зоны разумной стрельбы. Именно по этой причине в описанном выше ружье Marlin 55 GDL «Gross Gun» применен болтовой затвор, а в уточнице 10 калибра (Винчестер, мод. 1911 г.) скоба Генри. Конструкторы не предполагали для них необходимости в большой скорости перезарядки.

В заключение необходимо коснуться вопроса о выборе такого оружия. К сожалению, тенденция снижения веса ружей наблюдается с давних пор, и не всегда к желаемому приводят разумные решения. Сегодня облегчение помповых и самозарядных ружей осуществляется за счет ствольных коробок и стволов. Почти все самозарядки выпадают из ряда дальнбойных по причине несоответствия систем запирания канала ствола усиленным зарядам, как это произошло с Браунингом авто-5 класса «Магнум». В существующих системах газоотводных ружей, кроме указанной выше причины, добавляется основная — невозможность получить повышенную скорость дроби из-за сброса избыточных давлений.

Из помповых ружей, имеющих тяжелые стволы, нужно искать модели со стальными ствольными коробками и где запираение ствола осуществляется перекосом затвора. К таким относятся Винчестер мод. 12, Стивенс мод. 77, Итака, Армскор мод. 30, «Squirts Bingham», Винчестер мод. 1300 с поворотным боевым упором и некоторые другие.

Другие... Вот, выбирая другие модели, скажем, аналогичные описываемым в этой статье, можно столкнуться с весьма серьезной проблемой. Подробно описывая устройство какой-нибудь модели, большинство наших авторвооружиеведов допускают вольности в

терминологии, называя, например, тип боевого упора — клиновым запирающим. Настоящее клиновое запираение автору встретилось в Винчестере, мод. 1911 года: мощный рычаг в остане затвора, поднимающийся вертикально под действием сильной возвратной пружины; он обеспечивал постоянное, без люфтов, подпирание затвором гильзы, благодаря чему донце папковой гильзы не отрывалось, в отличие от Браунингов, МЦ21-12, большинства других самозарядок, у которых конструкция боевого упора достойна сравнения с обычной дверной защелкой. И последнее по этому вопросу. Складывается впечатление, что некоторые из авторов, описывая конструкцию и работу автоматики некоторых моделей охотничьих ружей не достаточно представляют себе предмет описания. Например, всеми уважаемый В.Е. Маркевич в своей книге «Охотничье и стрелковое оружие», подробно описав особенности

конструкций автоматических дробовых ружей (так их тогда называли), мягко говоря, поставил себя в неловкое положение при описании «Браунинга Авто-5». Цитирую дословно: «При выстреле ствол с затвором скользят назад, углубляясь в ствольную коробку, затем затвор расцепляется со стволом и продолжает движение назад, взводит курок и выбрасывает гильзу» — пояснения излишни. И еще один пример повторения рядом авторов изначально появившейся в описании ошибки. Описывая работу автоматики шведского ружья Шегрен, мод. 1904 года, В.Е. Маркевич видимо повторил ошибку первого автора, а за ним ее переписал Э.В. Штейнгольд («Охота и охотничье х-во», №1, 1974), и совсем недавно то же описание встретилось в книге «Оружие и снаряжение» изд. «Астрель» г. Москва, 2003, его повторили Ф.А. Руденко и В.Ю. Семашко. Все вышепоименованные авторы, опи-

сывая работу автоматики этого ружья и перечисляя последовательность действий затвора, взведению УСМ (ударно-спусковой механизм) отводят последнее место. Причем это была первая конструкция полуавтоматического ружья, в которой отдача ружья приводит в действие «инерционный затвор». Конструктивная особенность этого затвора состояла в том, что в массивной подвижной задней части затвора, которую автор назвал накладкой, а охотники называли болванкой, был размещен ударник, боевая пружина и шептало и пока это ударно-спусковое устройство не взведется (чему и способствовала масса этой части — более 600 г), отпирания затвора не произойдет, поскольку своей утолщенной частью ударник в спущенном состоянии прочно удерживает запорный элемент боевой личинки. Так что сначала отдачи взводится УСМ, а затем — все остальное.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Ваше издание — самое душевное, самое правдивое и самое интересное. И еще скажу, что оно всегда современное. У меня четыре брата, все они очень дружелюбно относятся к журналу «Охота и охотничье хозяйство», потому что трое из них — кадровые охотники. Сегодня я хочу рассказать вам об одном из них.

Брат Георгий — ярый охотник-медвежатник, много лет выписывает наш журнал. Когда собирается на охоту, первое, что он кладет в рюкзак,

так это журнал «Охота и охотничье хозяйство», говорит: «На удачу!» На его счету более 30 медведей, которые нагло ходили в деревню, драли скот, лезли в охотничьи избушки. Вот не далее, как в прошлом году, медведь разорил избушку, съел продукты, вскрыл полы, завалил двери, а сам вылез в окно. Железные бочки, в которых хранились продукты и закрыты были герметично, выбросил в болото, постель раскидал по деревьям, а печку прихватил с собой. Умный зверь, знает, что надо брать в берлогу, так как именно

печка и не нашлась! Гоша был в шоке! За много лет своей охотничьей жизни такое безобразие он видел впервые.

Георгий чувствовал, что далеко зверь уйти не мог. Действительно, вскоре он наткнулся на берлогу.

На фотографии — мой брат Георгий и его преданные собаки-медвежатники Беляш и Пулька. Очень прошу редакцию поместить фото в журнале, это будет большой сюрприз брату, которого я поздравляю с прошедшим днем рождения. А писала я с Красноярского края.

Е. ПРОХОРЕНКО
п. Майское

Мой брат Георгий со своими лайками и наказанным медведем

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала. Зовут меня Вечтомов Виктор Алексеевич, живу в Удмуртии, г. Сарапул. Охотой занимаюсь более 60 лет. Являюсь давним читателем вашего журнала. Особенно люблю рубрику «Литературные страницы». Буду Вам очень признателен, если напечатаете мой небольшой рассказ.

Всю свою жизнь я посвятил гончим. Собаки были разные, но лучшим из лучших для меня остаётся мой русский пегий выжлец Задор. Хотелось бы описать один интересный случай, произошедший на охоте. В одно раннее декабрьское утро мы с напарником отправились на охоту. Снега было уже достаточно. Выжлеца набросили у небольшого выруба, где

нам попался свежий лисий след. Через двадцать минут Задор поднял лису, как мы определили по голосу, и началась потеха. Лиса ходила большими кругами, то уводя выжлеца со слуха, то снова подходя к месту подъёма. Перевидеть удалось её несколько раз, но взять не получалось. Несмотря на то, что недалеко в овраге были норы, лиса нориться отказывалась. Время уже было за полдень, гон стал более яростным. Лес гудел, оглашаемый рёвом выжлеца. Лиса уже, видимо, начала выбиваться из сил, круги постепенно сужались. Почувяв близость смерти, она выскочила на наши следы и по ним спустилась в овраг. Задор за ней. Внезапно в овраге гон стих. Ну, думаю, занорилась. Решили выжлеца не ждать, а идти к машине. Задор сам догонит. Через какое-то время выжлеца нас догнал, морда и грудь были в крови. После коротких обсуждений сделали вывод, что где-то разделали кабана или лося, а выжлец полакомился остатками. Напарник решил проверить и ушёл по следу в пята. А я остался его ждать, сидя на поваленном дереве. Через какое-то время напарник вернулся, неся в руках окровавленный комок шерсти. Это была лисья голова и часть «трубы». Оказалось, Задор сгонял лису, а потом её съел. Такую же страсть к красному зверю он передал и своему сыну Загону.

В. ВЕЧТОМОВ
Удмуртия

НАРОДНАЯ ВЫСТАВКА РОССИИ

XXXI МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА

Охота и Рыболовство на Руси

РЕКЛАМА

15-19 февраля
2012

МОСКВА, ВВЦ,
ПАВИЛЬОНЫ 75, 69

ОРГАНИЗАТОР ВЫСТАВКИ:
ООО "Русская выставочная компания "ЭКСПОДИЗАЙН"
129226, Москва, ул.Сельскохозяйственная, 4

Тел.: +7 (499) 181-44-74, +7 (495) 797-31-09
Тел./факс: +7 (495) 258-87-66
web: hunting-expo.ru e-mail: hunter@expo-design.ru

Давнишнему и преданному автору журнала «Охота и охотничье хозяйство» Б.М. ПЕТРОВУ — 80 лет

Думаю, нет необходимости представлять читателям журнала «Охота и охотничье хозяйство» Бориса Петрова. Его имя хорошо известно многим, вот уже около пятидесяти лет (тоже своеобразный юбилей!) его очерки и рассказы публикуются на страницах популярного издания.

Сам Борис Михайлович вовсе не любит юбилеев. Начиная с пятидесяти лет, ни друзей, ни знакомых не приглашает на дни рождения, отмечает их тихо и скромно, по-домашнему. И так из года в год — последние тридцать лет. За это время, как отмечают окружающие, ни разу не отступил от своей позиции. Такая принципиальность многим может показаться чудачеством, но только не тем, кто хорошо знаком с писателем Борисом Петровым. Скажу откровенно: уже в этом чувствуется характер. И, на мой взгляд, проявляется еще одна очень важная черта, которой так не хватает в наше время многим, — пренебрежение к праздности. Праздность, кстати, никогда не была в чести у сибиряков.

«Это по образу жизни я сибиряк, — шутит Борис Михайлович, — а по происхождению я среднерусский... Русак!» Тут, думается, открывается главная тайна происхождения особого отношения Бориса Петрова к охоте и ко всему, что с ней связано, да и многому другому, что определяет личность. Его родной город — Тула, столица русского оружейного дела, где отец до войны работал главным технологом оружейного завода. Все детство писателя проходило под впечатлением отцовского окружения, многие из которого были увлечены охотой, легавыми собаками, ночевками под открытым небом. Среди них были настоящие знатоки и знаменитости, например, известный конструктор, создатель пистолета-автомата ППШ Г.С. Шпагин, который на природе ничем не отличался от остальных — был простым в быту и человеком увлеченным.

Война и эвакуация на Вятку в подростковом возрасте тоже оставили свой неизгладимый след — заставили по иному смотреть на действительность, мерить людей другими, более взыскательными мерками. «Однажды, — рассказывал Борис Михайлович, — мы, мальчишки, будучи на железнодорожной станции, из любопытства решили заглянуть в один из вагонов стоявшего на путях состава. Дело было зимой. С трудом открыли дверь и ужаснулись: весь вагон был забит телами убитых немецких солдат. Навалом, застывшие на морозе, в искореженных по-

Борис Михайлович Петров

зах они до сих пор стоят у меня перед глазами. Таким, искореженным у меня осталось в памяти военное лихолетье и опаленные им человеческие судьбы...»

Яркие страницы далекого прошлого глубоко врезались в память и в дальнейшем заметно повлияли на становление Бориса Петрова как писателя и его творчество. Не случайно впоследствии по просьбе Тульского краеведческого музея Борис Михайлович помог восстановить предвоенные страницы истории родного города, связанные прежде всего с легендарным оружейным заводом. Передал туда свои воспоминания и некоторые реликвии, оставшиеся от отца.

Однако самой глубокой, повлиявшей на всю оставшуюся жизнь, стала охотничья страсть. После окончания историко-филологического факультета Куйбышевского пединститута и службы в армии при распределении Борис Петров променял Ярославль на Сибирь, уехал преподавать в далекую Тюменскую область, в самую глушь, чтобы ни от кого не зависеть, охотиться столько, сколько душе будет угодно. Здесь он поменял профессию, стал журналистом. Затем Красноярск, но своей страсти не изменил. Охотился страстно и увлеченно. Познал зайчьи тропы и козы загоны, медвежий берлогу и охоту на сохатых, жил с охотником-промысловиком в таежной избушке. Но в душе был всегда верен малой родине, на Енисее открыл для себя

«Русь Енисейскую», был по-прежнему предан вальдшнепиной тяге, глухариным и тетеревиным токам. Исходил пеши сотни километров по лесным заброшенным дорогам и перелескам. И тоже не по прихоти, а по убеждению. Когда передвигаешься на машине, считает Борис Михайлович, некогда осмысливать увиденное. Поэтому не просто ходил и охотился, а всматривался в детали, запоминал особенности, сопровождавшие каждую охоту. Видел то, что другие не замечают.

Все это естественно воплощалось в зарисовки, очерки и рассказы — необычно яркие и выразительные, без «красивостей» и фантазий, которые публиковались в различных газетах и журналах. И в книги, которых у Бориса Петрова в разные годы вышло около двадцати — в Куйбышеве, Москве и Красноярске, где он больше 12 лет работал собственным корреспондентом газеты «Известия», стал известным писателем, членом Союза писателей России.

Яркой страницей творчества Бориса Петрова, по мнению многих его почитателей, является сотрудничество с популярным журналом «Охота и охотничье хозяйство». И сейчас, когда выходит масса журналов об охоте и рыбалке, это издание пользуется заслуженной любовью миллионов читателей. Это связано, на мой взгляд, прежде всего с приверженностью традициям, преданностью своему делу. Журнал начисто лишен всяческой конъюнктуры, сумел сохранить коллектив авторов, на материалах которых воспитаны миллионы охотников. Среди многих из них, на мой взгляд, достойное место занимает Борис Петров. Первый его рассказ в журнале появился в 1962 году. С тех пор опубликованы десятки очерков и рассказов, которые полюбили читатели. Часто непростых, но всегда вдумчивых, затрагивающих самые потаенные человеческие чувства, в которых речь больше идет не о способностях охоты и трофеях, а о непростых отношениях человека и природы.

Мне, например, всегда вспоминается его рассказ «Хозяин старого пчельника». От первого лица автор рассказывает о том, как он охотился на тетеревов и, заплутав, вынужден был ночевать в старом, заброшенном хозяйстве пчельника. Казалось бы обычное дело — кому из нас не приходилось ночевать в подобных условиях. Но тут происходит самое интересное — ночью герою рассказа все время слышатся какие-то шорохи и вздохи, как будто рядом находится живое неведомое

существо. Своим поведением оно показывает явное неудовольствие появлению нового жильца, стонет и охает, а иногда и пугает, бунтует. Точно так, как происходит в жизни природы. Так обычный случай из жизни заплутавшего охотника автор превращает в глубокие размышления человека о его месте в этом мире, который населен другими, в том числе и невидимыми существами, с которыми надо считаться. Иначе этот мир погибнет, или погибнет сам человек, он не всемогущ. Вот такое философское начало просматривается в рассказе, которое заставляет думать, по-другому относиться к окружающему миру.

Большинство последних изданий Бориса Петрова вышло в Красноярском издательстве «Сибирские промыслы», с которым у автора давние связи. Несмотря на значительную разницу в возрасте, более двадцати

лет, нас сближают не только общие интересы, охота и рыбалка, литературные искания, но и родная по духу река Волга.

Борис Михайлович Петров был одним из инициаторов издания популярного в 90-е годы журнала «Сибирский промысел». Его темами стали близкие для многих сибиряков проблемы рационального природопользования, развитие традиционных видов деятельности, в том числе охота и рыбалка. Может, поэтому журнал быстро завоевал популярность не только в Красноярском крае, но и в других регионах Сибири. Душой многих начинаний редакции можно назвать Бориса Михайловича Петрова, очерки и зарисовки которого о природе, охоте и рыбалке всегда отличались вдумчивым подходом, удивительной точностью и отменным языком. Многим авторам при этом приходилось подтягивать

ся до подобного уровня, что заметно сказывалось на улучшении содержания издания, которое в какой-то степени было навеяно лучшими традициями журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Итогом многолетних трудов и исканий у члена Союза писателей России Бориса Михайловича Петрова стали тысячи почитателей его таланта как литератора. В Литературном музее Красноярска имеется стенд, посвященный его творчеству, в краеведческую часть школьных программ включено несколько рассказов, с которыми знакомятся учащиеся 6–8 классов, в основном по теме «человек и природа». Есть чем гордиться нашему уважаемому «бакши» — так тувинцы называют своих почетных сограждан: «учитель».

Николай ШКАРЕВ,
Главный редактор издательства
«Сибирские промыслы»

Оставь после себя песню

Борис ПЕТРОВ

Красота спасла

Во вторую половину осени, считай, весь октябрь, главная охота у меня — по рябчикам. Она начинается, когда лес, отыграв медноголосыми сполохами сентября, оголится, станет как бы пустым и прозрачным, только лиственницы ещё светятся золотыми ризами, да некоторые ёлки, осыпанные монистами берёзовой и осинової пёстрых, но — увы — таких кратковременных нарядах. А общее впечатление — будто после праздников везде снимали кричащие плакаты, свернули и убрали цветастые флаги и полотнища, шумные толпы покинули площади. Тихо стало в тайге, воздух пропитан запахом увяданья, царит всеобщее умиротворение, никуда не хочется спешить, ни за что бороться, отдыха и расслабленности желает душа.

И сама охота — никаких сложностей, лишь бы забраться подальше от народа, а там броди и постреливай. Добычливее, конечно, если вооружиться манком, но я считаю охоту с пищиком промысловой, а мне много не надо, хватает всегда. Я свой примитивный метод называю «на порх».

Рябки в эту пору кормятся на полу. Но прятаться и затаиваться на земле они не умеют и в случае опасности обязательно вспархивают. Молодые и непуганные тут же и усаживаются на куст или ветку ближайшего дерева: им сперва хочется посмотреть, кто это припёрся, так ли уж страшен? Настороженно переступает по сучку, встопорив хохолок, вытягивает шею, покурному ныряет его, случается, и фырчит недовольно. Но продолжает-

ся это представление секунды, они быстро соображают: эге, с ружьём — надо удирать! Срывается и стремительно мчится в ближайшую спасительную хвою. Стрельба рябков простая, главное его найти и вспугнуть. Но для этого надо собственным чутьём выбирать уголки, в которых они сейчас держатся.

Мои любимые места — не горная тайга с крутыми склонами и распадками, по которым струятся чистые ручьи, я нашёл себе угодыя плавно всхолмлённые, покрытые смешанным древостоем. Лет двадцать назад здесь хозяйничал леспромхоз, визжали в делянках бензопилы, рычали тракторы-трелёвочки, но теперь лесосеки заросли подростом, а что тогда было мелкорослым и осталось несрубленным, превратилось во взрослые ели и пихты, которые гривами темнеют посреди белоствольных берёзовых разливов. Нравится мне эта местность, бродишь себе, как в опустевшем осеннем парке, понизу ни косматого крупнотравья, ни цепкого назойливого кустарника бодоложки. Надо лишь бродить с умом, не бесцельно, куда ноги понесут, а всё время соображая: где могут сейчас сидеть мои петушки и курочки? Совершенно так же, как ищешь грибы.

А я знаю, где именно они могут сидеть: по кромкам пихтовых куртин, в вершинах таёжных излохин, заросших черёмухой — в них земля усыпана опавшей ягодой. И конечно же, где издали на пасмурном фоне увидишь коралловые кроны рябин. Вообще мир рябчика тесен и сумрачен, поэтому его иногда манят разнообразие светлинки, разбросанные в глуши. Так и бродишь-петляешь от одной приметной кулж-

ки к другой, пока не раздастся лёгкий порх взлёта. Короткий — значит, где-то тут же и сел. И даже если сразу не увидел, сворачивай на звук, непременно где-нибудь здесь он обнаружится. Вся эта охота — на слуху. А если он тебя перехитрит и услышишь звук второго невидимого взлёта, уже с дерева, — иди к ближайшим ёлкам или пихтам, наверняка он спрятался в них и пережидает в густой хвое, пока ты удалишься. Тогда начинается у нас с ним игра в прятки: мне достаётся «водить»,

ему — таиться и соображать, как бы меня обмануть.

Я конечно увлёкся рассказом о технических подробностях, но это нужно именно для того, чтобы убедиться: действительно все события происходят **на слуху**. И стало быть, успешной такая охота может оказаться лишь при соответствующей рябиной погоде. А это дни serene, волглые и тихие. Пальный лист тогда закидает и наполняет воздух грустными ароматами, под ногами мягко и бесшумно, даже нервы в тебе расслабленно провисают. Иногда хмарь вовсе сгустится, и начинается нудно шептаться неторопливая осенняя морось. И вот уж все голые прутьки на берёзах унизаны ясным бисером капели, и на мохнатых лапах кедрушки дымчатая жемчужная осыпь — не дай бог эту красоту невзначай затронуть: так и обрушится на тебя целым дождём. Охотиться и в такую погоду можно, только того удовольствия уже нет.

А вот совсем плохая погода случается иногда в первых числах октября, которые я называю днями “последней неги”. Тогда на рассвете чай в котелке твёрдо застывает, на кусту калины рядом со станом ягоды превращаются в гроздя алых льдинок, а жухлая листва и трава на полу покрываются сухой изморозью. Солнце встаёт, разгоняет лёгкие дымки, небо расхмыливается до прозрачной голубизны. Иней тает, листва под ногами быстро высыхает и начинает громко шуршать на ходу, день устанавливается тёплый, солнечный, чудо синенёбое! На вырубках красуются ивы-бредины, нарядившиеся в подвенечные одежды из белого пуха, стволы берёз светятся, пальный лист на земле аж слепит бликами, словно начищенная корабельная медь. И принимается разговаривать под сапогами всё громче (прямо будто жильцы на дворовой сходке!). Красота-то вокруг, красота неопишуемая, да только моя охота “на порх” становится совершенно невозможной. Иду по гремящей листве и навожу на рябок такой ужас, будто я сам Зевс-Громовержец! Они поднимаются далеко и пулей летят без присада, скрываясь из глаз, так что не найти и перемещённого. Бесполезной становится моя ходьба.

А ещё, отогрившись на солнце, тучами поднимается самый злой осенний таёжный гнус, бич божий, окающая безмозглая тварь, которая просто дышать не даёт. Убийственным становится благолепие окружающего мира, ужасная, ужасная погода! Лучше б налетел разгуляй-ветер — тоже охотиться на слуху нельзя, так хоть казни этой гнусной, египетской не стало бы. Вот чем оборачивается для меня красота “последней неги” октября.

М-да... Возвращался однажды с охоты в такой прекрасный день без добычи и подумал: любят у нас повторять слова Достоевского о том, что “красоту мир спасётся”. Не знаю, как насчёт мира, а паре-другой рябчиков она сегодня точно жизнь подарила.

Двое и выстрел

О вертолётных рейдах охотинспекторов промысловики рассказывали, как о настоящих стихийных бедствиях. Подсыдут — обязательно что-нибудь найдут для протокола. Сколько насочиняли правил и запретов — они же от них кормятся! — как ни старайся всё равно ты браконьер. Потому никто и не старается, раз оно бесполезно. Даже орех кедровый бить — тоже выправь документ в районе, просто смех. Правду сказать, об этих авианалётах таёжный люд чаще всего каким-то образом узнаёт заранее. Каким именно? Это дело таинственное, скорее всего по радио. Но всё равно неприятностей не оберёшься. Однако такой, как случилась со Степаном Велижаниным, даже в худом сне не привидится, спаси и оборони! Вот что он рассказал.

— Однако, в марте уже, слушай, вдруг садится у меня на поляне вертушка, прыгает из кабины охотвед Тесля, фамилия у него такая была. С ходу спрашивает: “Я у тебя с недельку поживу? Буду проводить послепромысловые учётные работы.” Я, конечно: “Да, в чём вопрос, живи.” Он рукой помахал, выбросили ему из вертушки рюкзак с припасом, ружьё в чехле. И улетели, остались мы вдвоём. Я сперва-то, признаюсь, обрадовался: глядишь, знакомый в охотнадзоре заведётся. А повернулось всё по-иначе.

Среди этих охотнадзоров тоже мужики разные, охоты попадают — любой вопрос с ними можно решить. Раз также подсели, всё обрыскали, надыбали четыре невыделанных норки. По их правилам шкурки надо было сдать к такому-то сроку, а срок прошёл. Забрали. Но без протокола. Если б по протоколу, то шкурки бы государству, а мне штраф. А так — им хорошо и мне лучше, их с пилотами как раз было четверо, ага. Да, ребята попались нормальные: я попросил — прихватили и подбросили меня в посёлок, всё по-людски.

А который поселился, Тесля-то, такой, слушай, оказался выжига! С утра уходил на маршруты, разные следы писал в книжечку, а по вечерам всё расспрашивал, что да где, да как. Про зверя, про кормовую базу. А после незаметно свернёт на соседней, выпытывал, понимаешь. Ну, пустили тебя пожить, дак ты имей совесть! А этот вроде вербовать начал, дескать, в помощники государственной службе. Да только на хрена попу гармонь? Не поддавался я: мол, к этому делу не приучен. И тогда он, видно, решил как-то меня попробить, что-нибудь такое отыскать, чтобы всё же вынудить. Рыскает и рыскает вокруг зимовья. И ведь нашёл! Себе на горе.

Март, сезон закончился, а ружьишко у меня имелось, тулка раздолбанная, но всё как-то с ней в тайге надёжнее. Я, когда услышал вертушку, срочно сунул её в поленицу дров. Да полно укрыл, Тесля её и высмотрел. Ага! Хватя

за стволы и стал выдёргивать... Охотвед ведь, чему-то его учили, как с оружием обращаться. А простого не знал: разве можно ружьё тянуть на себя за ствол? Курок зацепился за сучок и... Я впопыхах-то не успел эту тулку разрядить. «Ба-бах!» И весь заряд дробы Тесле в живот. Что его спасло — не прямо в самую болонь, а малость краем, обочь. Но печенка задела. Я услышал, выскочил из избушки и аж побелел, всё вмиг дошло. И главное — что тюрьма мне теперь! Если этот придурок померёт, не просто тюрьма — большой срок! Браконьер убил инспектора — дело строгое, а доказать ведь ничо нельзя: двое нас было, кто же мне поверит. Одно спасенье — дотащить живого до больницы.

Соорудил я из широких лыж вроде волокуша, положил своего раненого, привязал, впрягся в постромку и пошёл.

Это лишь сказать просто — 17 километров по снегу. В марте снег — самая мощь, страсть как убродисто, ход — тяжелее не придумаешь. Да кабы не торопясь, с перекурами, ещё б куда ни шло, но мне отдыхать было некогда, одно спасенье — дотащить живого. Не дурня этого жаль — сам себя наказал! — а за собственную жизнь страшно: вдруг умрёт по дороге? Остановлюсь, посмотрю назад, кажись, на нём и снег уже не тает! Смахну снег — нет, ещё живой, только сам уж белеет. Ещё пуще налегаю в постромку, из последних сил, холодный пот со лба шапкой утираю...

В посёлки быстро нашли машину и отвезли этого Теслю в райбольницу. Хирург сказал: “Ещё бы пару часов и прости-прощай! Перитонит, необратимый процесс...”

Да, ещё, слушай, в районной газетке написали, что охотник Велижанин героически спас инспектора!

По своему опыту я понял, что в подробности местные газетчики, как обычно, вникать не стали.

Василек пошутил

Мне с детства нравились полевые цветы васильки. Ну, такие жизнерадостные, такие ясные-голубенькие, и по устройству лепестков — само совершенство! И не только мне нравились, как-то считалось, что они жизнь украшают, недаром же — помните? — “Толпа без красных девушек, что рожь без васильков...” А потом оказалось, что они злостные сорняки. Тысячу лет голодом народу не угрожали, а тут вдруг оказалось, что они-то во всём и виноваты. Рьяно взялись за голубенькие цветы и — выгнали. Лет двадцать я их не видел.

И вот однажды забрался в самый дальний подтаёжный район, иду полевым просёлком, и вдруг — верить себе или не верить? — василёк голубеет на обочине! А чуть дальше во ржи — второй, третий. Я, как увидел, до того растрогался — это ведь детство голубог-

лазо глянуло на меня! — что опустился перед цветком, рассмотрел хорошенько и даже с ним поговорил. Мол, василёк-василёк, подари мне счастье! Сами понимаете, в шутку, душу пронзило, вот и повело на сантименты, с каждым может случиться.

И что вы думаете? Охота (я по хлебным полосам, по околкам и костяничникам в редких берёзах искал молодых тетеревов) сложилась на редкость удачно. Ай, да василёк! Правда, я довольно быстро сообразил, в чём может состоять истинная причина успеха и какая тут связь с васильками: видимо, не травили эти поля разной химией, вот и сохранились голубые цветки — вместе с дичью. Нет тут никакой мистики, всё вполне реалистично. И всё же, когда ещё раз попался одинокий цветок, я, вспомнив ту охоту, опять его попросил, и он снова меня наградил! Совсем, понимаете ли, стал язычником — травам да пеньям-кореньям молюсь. А что, мне трудно что ли, — вдруг опять пофартит? Так и образуются всякие охотничьи приметы-традиции.

Но однажды эффект получился несколько неожиданный. Также побеседовал с васильком, затем обошёл поле, ничего на нём не поднял, пересёк лесной отъём, выхожу на другое поле. И вижу поодаль, в его тупике — кто-то медленно бредёт по меже. Сначала подумал: лошадь... Нет, ростом заметно ниже, и голова на короткой шее опущена вниз, мотается на каждом шагу из стороны в сторону. И масть какая-то необычная, тёмно-бурая. Ба, да ведь это медведь! Метров сто до него было, но всё равно стало слегка не по себе. Я задом, задом, спятился в кусты, торопливо выбросил из стволов патроны с дробью и сунул пулевые. Мне эта встреча вовсе ни к чему, постою в кустиках, пока он не скроется, а пули — так, на всякий случай. Идти мне как раз в ту сторону, и не настолько я робок, чтобы из-за этой встречи менять маршрут — себя бы уважать перестал. Но... всё-таки как-то оно того, всё-таки медведь, хозяин.

Минут десяток я в своей ухоронке покурил, дал ему скрыться, и пошёл дальше по намеченному направлению, оставляя опасную межу несколько в стороне. Иду, громко покашливаю, даже подумал: может, запеть вслух? Но как-то оно было не под настроение... И тут взрывается из овса прямо перед моим носом старый чёрный косач! Даже удивительно, как он подпустил

настолько близко, великая это редкость, очень острожны такие старики, да ещё и пошумливал я. А тут — рядом, на чистом!

Я, разумеется, мгновенно вскинул ружьё, но тут же и сообразил: в стволах-то пули, какая же стрельба?! А петух — вот он, летит поперёк по совершенно открытому пространству...

Позже, снова и снова возвращаясь к этому эпизоду, я понял так, что василёк мой просто пошутил. Просил, дескать, удачи? Вот тебе, пожалуйста, на выбор и зверь, и дичина. Конечно, он пошутил! Мало ли чего на охоте случается.

Заодно надо пояснить и про медведей. В этих таёжных районах они никакая не редкость, всё время попадают, особенно в тупичках мелких овсяных поляшек, затерянных в лесах. Их следы, кучи помёта, целые вымятые площадки и разрытые мышинные норы то и дело на глазах. Но сытной осенней порой звери сами встреч с людьми стараются избегать. И очень правильно делают, к обоюдному удовлетворению.

А вот я всё рассказываю о разных охотничьих похождениях, да только про медведей и слова нет. Как же так, про сибирскую охоту и без медведей? Непорядок... Теперь можно считать, что отметил.

Уходя, оставь песню

Три рассвета я провёл на току, но удача упорно отворачивалась от меня — никак не мог подойти к глухарю. В первую зорю подвела неосторожность: треснул под ногой сучок, как раз когда мой певец замолчал и прислушивался. На следующее утро я решил прийти пораньше, чтобы скакать под песню по тёмной, спокойно и расчётливо. Но перестарался, появился на токовище, когда они ещё не пели. Брёл в темноте, спотыкаясь о колодины и ломая сучья — как слон в посудной лавке. И, естественно, распугал всё на свете.

Только на третье утро я всё-таки взял своего глухаря. Скольких переживаний

мне это стоило! Азартно прыгал, когда он начинал "точить", и вдруг передо мною открылась чистая поляна в соснах. Глухарь сидел на её кромке, но с противоположной стороны, далеко. А уж стало рассветать. Пересекать голое место нельзя, обходить — долго, совсем развиднеется. Я был в отчаянии. И в это время петух полетел... Всё, пропало последнее утро! А он, оказывается, просто решил продолжить игры на полу. Тоже надежды мало, за ним ведь не набегаешься. На земле глухарь высоко подпрыгнул, громко хлопая крыльями, потом распустил веером хвост и, задрал голову, с жарким шипением направился прямо ко мне...

Весеннее солнце торжественно поднималось, утро вокруг ликовало — или это душа моя, исстрадавшаяся за три зари, ликовала больше всех? Выйдя с токовища, я присел на пенёк, решил немного остыть, послушать мир на восходе, успокоить расхопившиеся нервы. Вокруг — праздник, всяк выражал радость, как мог: свистели, барабанили, наяривали на разных дудочках и сопелочках. И вдруг...

Нет, я не ослышался — сквозь гомон лесного праздника снова донеслось отдалённое тихое шипение последнего колена глухарини песни. Да, вот снова: "капает"... заскрежетал. Ага! Значит, жив, жив ещё мой ток! Я ухожу со своим глухарём, а песня — остаётся!

Эта радость, как ни странно мне сперва показалось, даже затмила, пересилила первую радость утра, которую рождало чувство охотничьей победы. (До чего же толстая шея у моего глухаря, еле обхватываешь ладонью!) Пока кипятил на стане чай, собирался и уже когда шагал на станцию по заполненному водой колеям лесовозной дороги, всё повторял про себя одну и ту же фразу: "Уходя с тока, оставь песню..." Господи, какое, оказывается, прекрасное состояние чувствовать себя добрым! Взял одного, а на остальных не позарился, пусть живут и поют. Уходя, оставь после себя на земле песню... В то утро я понял великую простоту этой извечной мудрости.

КОСОГОР

Не знаю, что мы, охотники степной части Кубани, делали бы без фазана. Без этой пришлой птицы, о которой в наших местах лет двадцать назад почти не знали.

Когда фазана в угодьях не было, и нужды в нем не ощущалось. Не то чтобы наша местная охота была в те времена богатой или очень разнообразной, но жаловаться все же было грех. Даже если не говорить о плавневой зоне, где водоплавающей птицы было много и была она самых разных пород — от чирков и крякв до пеганок и гусей, — то и в центральной части края охота на птицу тоже радовала охотничье сердце. На многочисленных степных речках и ставках, балках и запрудах всегда можно было найти выводки уток, пострелять с подвезда на лодке или успешно отстоять зорю. Охота на кормовых полях была одной из самых добычливых и легких, не требуя никакого охотничьего снаряжения, кроме ружья и патронов. По водоемам было много лысухи, на нее не каждый и охотился, считая дичью второго или третьего сорта. И всюду, где была вода, можно было увидеть вездесущее кулициное племя.

В полях традиционно было много перепела. Он начинал «бить» в полях люцерны и озимых с апреля, а к охотничьему августу в вечернее и утреннее время перепелиные крики сливались в таких местах в сплошной булькающий свист. Коростели скрипели в ночи вблизи балок и днем иногда подставляли под выстрел свое висюдастое тело. Этим птиц удавалось поднять и без собаки, которая в то время была далеко не у каждого охотника. Да и вообще охотников по перепелу было немного.

Обыкновенная горлица встречалась повсеместно. Птицы летали над полями стайками, кормились на огромных подсолнечниках, сотнями унизывали провода электропередач, перепархивали в тенистых посадках вблизи тихих речек. Там же всякий раз можно было увидеть крупных, пугливых вяхирей, подстеречь на месте кормежки и добыть несколько увесистых трофеев. Время от времени через полевые просторы начинали тянуть широкой лентой кулики-просяники — тысячи легкорылых птиц, обликом напоминающих небольшую чайку, летели из одного края горизонта до другого. Играя крыльями в волнах жаркого солнечного марева над стерней и пашнями, кувырвались стаи черно-белых чибисов.

В полях вообще было очень много птиц. Колхозные огороды к концу лета превращались в чересполосицу выкор-

чеванного бурьяна и перепаханной земли, усыпанной всевозможными семенами, с торчащими рядами стеблей кукурузы и подсолнуха, с желтеющими тушами тыков и дынь, зелеными валунами перезревших арбузов. Их облюбовывали огромные стаи скворцов и воробьев, среди которых перепархивали трясогузки, жаворонки, щеглы и всякая иная птичья мелочь.

Если уж говорить о неохотничьих птицах, то ворон в наших краях была неизбывная сила. Тысячные стаи тянули на закате с полей на ночлег в лесополосу нескончаемой широкой лентой. Они никого не радовали, эти черные птицы, я просто помню, насколько много их было. В лесных насаждениях, обрамлявших поля, без умолку стрекотали яркие сороки-белобоки и резко вскрикивали драчливые сойки. Повсюду вхохотали дрозды, которых никто и не думал считать за дичь. Много было различных сов, сидевших днем в посадках и тарачивших свои желтые глаза. Над полями неспешно плавали канюки и луны, им на подмогу в полях вышагивали серые и белые цапли, время от времени разнообразившие свое меню мышами.

Каждую зиму, начиная с января, я встречал в полях дроф. Редко — одиночек, чаще табунками от трех до восьми птиц. А однажды, в последний день охотничьего сезона, когда я шел вдоль лесополосы по старой бурьянистой пашне, из-за деревьев вылетела стая огромных птиц и плавно, величественно пересекла мой путь впереди шагах в ста. Когда они скрылись за деревьями противоположной лесополосы, я бегом пересек пашню и осторожно выглянул на соседнее поле зеленой. Примерно в его середине расположился табун дроф числом в двадцать пять птиц. Что казалось удивительным — невооруженным глазом их практически не было заметно. Но когда я оглядел зеленое поле, усеянное остатками желтых кукурузных стеблей и корневищ, в свой 12-кратный бинокль, то поразился. Птицы были как на ладони. Некоторые сидели, прижавшись к земле, видимо, просто отдыхая, какая-то часть была на ногах. Самки были заметно меньше, изящнее, а дрофичи — словно страусы, неспешно вышагивали рядом. Я видел даже их усы — длинные перья у основания клюва. Отнял от глаз оптику — и стая словно растворилась на поле, я с трудом мог различить очертания нескольких птиц. Если бы не знал, что они там — ни за что не заметил бы. Маскировка дроф просто удивительна. Прикладываю бинокль к

глазам — вот они, отнимаю — птицы исчезают. Я несколько раз сосчитал птиц. Их было двадцать пять. Ни до, ни после этого случая такого количества дроф в одной стае я не видел.

Случалось встречать в наших полях и стрепета, и куропатку. Но это все же были единичные случаи — настоящий дикарь стрепет не приспособился жить в окультуренной степи, а для куропатки в ней не осталось подходящих укрытий. Этой птице в степных условиях нужны большие заросли терна, или других кустарников. А с их исчезновением в наших местах исчезла и прежде многочисленная куропатка. На моей памяти в центральной части Кубани ее уже практически не было.

И вдруг как-то неожиданно в степной зоне Краснодарского края стало катастрофически уменьшаться количество утки. Еще раньше напрочь исчезла обыкновенная горлица. Примерно тогда же стало заметно меньше и других птиц — скворцов, дроздов, всякой птичьей «мелочевки», включая воробьев! Сорока практически исчезла, чуть чаще встречается сойка... Много меньше стало даже ворон! Они-то куда деваются, эти легко приспособляющиеся к человеку птицы? Если исчезновение или уменьшение перелетных птиц еще как-то можно объяснить, с горечью и сожалением, но понять, то эти-то, много лет благополучно живущие бок о бок с человеком птицы, откуда не улетающие на зиму — куда и почему исчезают они?! Почему их стало так мало вокруг, почему затихают поля и лесополосы, где уже почти не слышно птичьего щебета? Я не знаю, не знают и мои знакомые охотники, не знают, похоже, и современные охотоведы-биологи.

И что остается нам, охотникам степной части Краснодарского края, от бывшей птичьей потехи, радовавшей сердце и душу? Неужели все хорошее в безвозвратном прошлом? Неужели не вернуть те утиные перелеты, те гусиные присады и шорох стаи вяхирей над головой?..

Пожалуй, да. Не вернуть, если не терять себя безосновательными надеждами и верой в то, что охота по «западному» образцу на вольерную дичь может считаться охотой...

Но что-то изменилось к лучшему, если только таким изменением можно назвать замену выбитого окна другим, размером с форточку...

У нас появился фазан. Красивая, роскошная, классическая дичь, которая раньше могла казаться только мечтой. Появился лет двадцать назад, когда

уменьшения местной, привычной дичинки замечалось не так остро. Но по началу никакой погоды фазан не делал, так как встречался довольно редко и был чем-то вроде экзотики. Потом постепенно заселил камышовые балки, благо их у нас даже в засушливые годы хватает, заросшие тростником берега речек и плавневые заросли. И стал чаще радовать охотничью душу грохотом стремительного взлета.

Не совсем понятно, почему фазан не освоил наши камыши гораздо раньше, когда и охотников было меньше, и собак охотничьих не в пример нынешнему числу, и снаряжение, и ружья были далеки от нынешнего уровня... Скорее всего решающую роль сыграла деятельность охотничьих обществ по расселению этой птицы в некоторых районах. А в остальных, как, например, в моем родном, центральном по географическому положению районе края, фазан расселился самостоятельно, так как до последнего времени никаких действий с этой дичью родное общество не проводило. Но когда фазана стало настолько много, что не понимать перспективность разрешения охоты на него стало просто невозможно, у нас тоже провели пробный выпуск сотни птиц... С официальным разрешением фазаньей охоты все складывалось не сразу, и как часто бывает у нас в подобных случаях — с чрезмерной осторожностью. Пока начальники от охоты всех рангов медлили, оглядываясь на более высокое начальство, охотничий люд в «низах» фазанчика постреливал довольно стабильно и с немалым усердием. Птицу эту с большой страстью гоняют и делают на нее стойки собаки всех пород — от гончих до легавых. Редкая дворняжка не сунется в камыш, едва причуяв фазаний запах — такой уж он, видимо, сильный и волнующий для собачьего носа. И без собаки птицу поднять порой тоже можно без особого труда. Взлетает глупый фазан, только если не напуган, охотно, правда летит недалеко и, переметившись от полсотни до двух сотен метров, садится в спасительные заросли. После чего без собаки его поднять на крыло много труднее, чем в первый раз.

Итак, фазана стреляли без всякого разрешения, хотя и был он под особым запретом, ведь сбраконьерничать у нас (чего греха таить) особым злодеянием не считается. Тем более когда народ видит, что у тех, кто по закону морали закон должен соблюдать прежде всех и любого, рыльце-то тоже в пушку. И часто в очень густом.

Я смотрел на эту обыденную ситуацию философски. И удивлялся, почему за официальное разрешение охоты на фазана никак не додумаются брать деньги. Пусть небольшие, но верные деньги, которые буквально валяются под ногами. Ведь все равно фазана стреляют все поголовно. Если этого не признать — значит покривить душой. Об этической и нравственной сторонах этого действия говорить не будем, а только о самом действе. И если это

действие все же происходит, а обществам не хватает ни сил, ни желания, ни законодательной базы для его пресечения — не проще ли разрешить охоту на фазана официально и брать за это деньги?

Разумеется, не только я об этом думал, и вскорости появилось решение, — признав фазана лицензионной дичью, разрешить на него охоту. Отстреливать разрешалось только петухов, то есть особой мужского пола, а цена устанавливалась в первый сезон двести рублей за птицу, а во второй поднялась до трехсот за голову. Лицензии стали раскупать с готовностью и охотой, хотя за этим, зная менталитет большинства населения и неспособность охотничьих обществ, да и кого бы то ни было, осуществлять действенный контроль за охотой, можно было усмотреть нечистый умысел. Нечистый умысел — это когда, взяв лицензию на добычу одной птицы, охотятся весь сезон, а отметку об отстреле каждый раз сделать «забывают».

Вот о чем я думал, когда, прислонившись головой к боковому стеклу легкового «Шевроле», в полудреме отметил отметки на километровых столбах, убежавших назад в черноту ночи. Мои спутники, двое молодых людей из краевого центра, вели оживленную беседу. Смысл ее я понимал, но бодрого тона ее мне разделить не удавалось. Автомобильные дворники полчасика назад начали смахивать с ветрового стекла частые капли воды, и даже через обивку было слышно, как дождь барабанит по крыше машины.

Мне совсем не нравился дождь. Что хорошего в дожде, который начался ранним декабрьским утром? Он холодный, резкий, противный и никчемный. Декабрьский дождь нужен лишь для того, чтобы портить настроение. Особенно в таком вот случае, когда выбиравешься на охоту с ночевкой, надеясь посидеть у костра, коротая долгий вечер за беседой и рюмочкой под хорошую закуску. В дождь возле костра не посидишь, соорудить какой-то объемный табор с навесом и стенами от ветра на одну ночь в наши планы не входило, и при таком раскладе в перспективе нас ожидала длинная сырая ночь в тесноте автомобильного салона. А так как нас на самом деле было не трое, а пятеро, считая сеттершу-ирландку преклонного возраста и моего девятимесячного дратхаара, превосходившего островную легавую и ростом и весом, то проблема возрастала еще более. Выгонять собак из машины на ночь никто из нас не стал бы.

В целом ситуацию я оценивал как довольно тревожную. Некоторую надежду внушало русское «авось», надежду на то, что мы сможем заночевать в каком-либо пристанище, годилось любое строение с крышей и стенами. Как-нибудь полуразрушенная водочка, сарай или брошенная ферма. Это в любом случае — укрытие от дождя и ветра, а дрова для костра найти скорее всего можно будет в какой-нибудь

лесополосе. Главное — найти пристанище на ночь. Ночевать в машине уж больно тоскливо.

Самая главная моя надежда была на знакомую ферму в полутора-двух километрах от предполагаемого места охоты. Беда была в том, что ферма эта, во-первых, являлась последним уголком цивилизации, после которого нас в пути ожидали только раскисшие поля, мокрые заросли лимана и голая лесополоса, разделявшая их вереницей облетевших деревьев. И главное, ферма была действующей, а это значит на ней имели силу всякие санитарно-эпидемиологические запреты, ввиду которых нас запросто могли к ней и близко не подпустить.

Не будь этого отвратительного дождя, все решилось бы просто. В лесополосе натянули бы меж деревьев имевшийся полог, внутри разожгли бы костер и неплохо бы устроились под защитой этого экрана на спальниках. У нас ведь не Сибирь, в декабре плюс десять — обычное дело. Очень уютный мог бы получиться бивуачок.

Меж тем в полях серело, и когда подъехали к станции, с лужами, вздрагивающими от моросящего дождя, мне стало совсем тоскливо. Горизонт — в плотной темно-серой завесе без единого разрыва, и это было полной гарантией того, что дождь надолго.

— Дождь, начавшийся с утра, будет идти весь день, — пробормотал я, вглядываясь в улицы с редкими прохожими.

— Что? — оторвавшись от руля, обернулся с улыбкой, которая показалась мне неуместной, Алексей.

— Да то, хлопцы, что надо выходить и попытаться здесь найти ночлег.

— Здесь? — удивленно обернулся с переднего сиденья Сашка. — А охотиться? Если мы тут заночуем, то сегодня ведь охоты не будет?!

Боже мой! Молодость! Им нужна охота. Погода не в счет. Причем здесь погода? Да и я, кажется, в их возрасте считал так же...

— Ребята! — как мог убедительнее сказал я. — Знаете, что будет, если мы, как вам хочется, пойдём в такую погоду охотиться — в камыши, в мокрую траву, в дождь?! Через два часа мы будем мокрыми насквозь, холодными и замерзшими. И наступит момент, когда мы поймем, что надо сушиться, надо согреться — а где мы сможем это сделать, скажите мне? В машине? Поверьте — именно сейчас, утром, в первую очередь надо определиться с ночлегом. Сейчас, а не потом, на ночь глядя, промокшими и замерзшими, искать его неизвестно где. Или давайте второй вариант — сразу поедом охотиться, но потом сразу домой. Возьмем по паре мокрых петухов, сами будем, как мокрые курицы, — и домой.

— Сегодня? — изумленно воскликнули они хором. — Не-ет, охотиться надо два дня! У нас по две лицензии! Домой сегодня мы не хотим!

— Ну тогда, чтобы мы не простыли,

не заболели и вообще, чтобы охота была удовольствием, а не мучением, ищем вначале ночлег. Ферма — наша последняя надежда. Если нас на нее не пустят (а это очень может быть), давайте попробуем найти что-нибудь здесь, чтобы потом не возвращаться. Хотя здесь, в станице, найти что-то подходящее тоже будет очень трудно. Не знаю. Вряд ли. Зброшенных домов здесь я не вижу, а так — кому мы нужны, с собаками и ружьями? Эх, если бы не было дождя...

Мы зашли на местный рынок, поспрашивали у торговцев, заглянули в магазин, поговорили с продавщицей, сунулись в пару домов попроще, ближе к окраине — ничего обнадеживающего. Я бы продолжал поиски жилья еще, но дождь быстро пропитывал одежду, попал за воротник, и было мало шансов найти в станице то, что нам нужно. Кроме того, еще оставалась надежда на ферму. Последняя надежда, хотя и довольно призрачная.

— Все, едем! — скомандовал я, махнув рукой. — Зажиточная кубанская станица — не совсем подходящее место для поисков ночлега охотников с собаками. Попробуем устроиться на ферме. Лишь бы пустили. Нам бы в какой-нибудь пустой баз — и то дело. Главное — крыша и стены. А там, может, и костерок удастся развести. Где-нибудь в дальнем углу.

Когда подъехали к воротам фермы, стоявшей в чистом поле, я ткнул пальцем в сторону окантованного досками «дизбарьера» на въезде. Шлагбаум был поднят. Неподдалеку стояла «Волга». Может, местное начальство...

— Видите? — сказал я. — Все как положено. Вот эта пропитанная какой-то дезинфицирующей дрянью солома на въезде говорит о том, что скорее всего нас сейчас отсюда вытурят со всей возможной скоростью. Очень даже может быть, что здесь выращивают племенной скот, поэтому оцениваю наши шансы на ночлег как весьма мизерные.

— Так что, вы пойдете узнавать, или как? — слишком бодро, как мне показалось, спросил Алексей. — Или нам идти? Вы мне кажется лучше умеете разговаривать...

Я махнул рукой и вылез из машины. Дратхаар дернулся было за мной, но я запихнул его обратно.

— Сидите уж... Я пошел в разведку и принесу вам весть — плохую, или... На «или», честно говоря, надежды мало.

Я миновал ворота, чавкнув сапогами по мокрой соломе «дизбарьера», оглядел ряды длинных строений фермы и центральную дорогу между ними. В конце виднелся трактор и две человеческие фигуры возле него. Ну, надо идти...

Слева, в окружении невысоких редких деревьев, с палисадником и крыльцом у входа, стояло одноэтажное здание под шифером. К нему вела асфальтированная дорожка. «Контора, очевидно...» — подумал я.

В это время из дверей здания вышел человек. Он что-то сказал другому, семенившему рядом, и тот куда-то ушел. Я направился к человеку в костюме. Если пошлют, то хотя бы — вежливо.

— Здрасьте, — сказал я, подходя. Он поднял на меня глаза и остановился. Остановился — это уже кое-что. Мог бы просто заорать: «Кто вам разрешил заходить на территорию фермы?!»

— Здравствуйте! — ответил мужчина довольно приветливо. И я заговорил, опасаясь, что он сразу перебьет меня, отказом обрушив на меня все будущие несчастья этого дня.

— Мы охотники, попали видите в какую ситуацию... Дождь все планы рушит... Нам бы переночевать в каком-нибудь куточке. В машине тесно. Ну, прямо не знаем, что делать... Нам бы хоть с краю где-нибудь, лишь бы крыша... Ехали, думали без дождя, а оно вон как получилось...

Мужчина не стал думать, он похоже понял все сразу.

— Та ясно, сам охотник. Идите за мной.

И повел меня в контору. Не совсем веря в наше счастье, я вошел за ним в помещение. В нем было сухо, и были деревянные полы. Почему-то это сразу бросилось мне в глаза. Наверное, от ожидания бетона, соломы, кирпича и сырой штукатурки коровьего база, где кисло и тонко пахнет силосом и наво-

зом. А тут были чистые, сухие крашенные деревянные полы, гулко отдававшие под шагами. Большой коридор, несколько дверей. Мужчина открыл одну из них.

Боже мой. Кабинет, наверное. Большой кожаный диван, пара стульев, стол, телефон, канцпринадлежность... Зачем мы пришли сюда? Поговорить? Так можно было и на крыльце... На улице сыро, идет дождь, там, в машине, в неведении сидят мои товарищи...

— Тут вот вас устроит? — спросил мужчина.

Я не сразу понял, а потом пробормотал:

— Здесь?! А вы...

— Я заведующий фермой. Вот тут, в моем кабинете, устройтесь. Я сейчас со стола уберу ненужное, принесу печку, и будет вам неплохо... В соседней комнате есть кровати, если что...

— Заведующий фермой? — тупо спросил я. — Какую печку?!

— Электрическую, — улыбнулся он. — Располагайтесь. Машину только оставьте перед воротами, хорошо?

К машине я шел не спеша. Дождь? Это ерунда. Дождь, а хотя бы и снег, теперь — не отвратительные, тупые, ненужные осадки, превращающие ожидаемую сказку охоты в унылое скитание в мокрой одежде по мокрым плавням в поисках мокрых фазанов, а просто временное несоответствие погоды настроению. А настроение мы сейчас мигом... Я вспомнил, сколь значительны и разнообразны запасы продовольствия в багажнике нашей машины.

— Ну что, хлопцы, будем делать? — спросил я, как мог более печально, у четырех пар глаз, смотревших на меня из салона.

— Что, Игорь Иванович, не пускают? — грустно и растерянно сказал Алексей. Я выдержал паузу и разрешил ружьям:

— Просил хотя бы в старый базок пустить, на соломке устроиться. Пологом отгородились бы — и жить можно, верно?

— Да, конечно... — кивнул Алексей. Остальные молчали. — Неужели не могли пустить в такой дождь?..

— Хотел хоть в базок какой, пусть холодный, со сквозняками — лишь бы с крышей, — продолжил я. — А заведующий фермой выделил нам свой кабинет в конторе. Там свет, диван, стол большой, и кровати в другой комнате есть...

— Чего?! — правая дверь авто распахнулась, и Сашка, высунув круглое удивленное лицо, уставился на меня, не мигая. Он, наверное, не верил своим ушам, а если верил, то считал, что это слишком жестокая шутка. — Я не понял...

— Пошли, ребятки, в контору — нам уготованы царские апартаменты! Машину оставим здесь.

Чтобы переселиться в сказочный уют и покой кабинета, пришлось сделать по две ходки с вещами. Появился за-

ведующий, принес большой длинный самодельный электрообогреватель на ножках, закрытый сверху решеткой.

— Вот, — сказал он. — На нем одежду, носки там, шапки сушить можете.

В общей суете вселения в номер класса люкс я едва успевал говорить слова благодарности. Пригласил отужинать с нами.

— Отобедать? — спросил заведующий несколько смущенно. — Еще ж даже часа нет... Та не знаю...

«А ведь верно, — подумал я, — еще только обеденное время, день далеко не закончен».

— Нет-нет, как же! У нас тут с собой столько припасов! Как специально для такого случая. Вы нас просто спасли. Мы уже и не надеялись. И мечтать не могли о такой роскоши. Кстати, как вас...

— Сергей, — просто сказал заведующий. На вид ему было, как и мне, за пятьдесят. — Вы собак только сюда не пускайте.

Во время доброго, хорошего застолья выяснилось, что заведующий охотник, хотя, как он сам сказал, и не слишком заядлый, а дальше начались совпадения, которые были настолько закономерны, настолько и удивительны. «Не такой уж заядлый охотник» Сергей, однако, выписывал журнал «Охота и охотничье хозяйство», знал меня по публикациям. Кроме того выяснилось, что мы с ним в один и тот же год призывались и даже проходили службу в одном учебном отряде военно-морского флота в городе Пинске, в Белоруссии. Тридцать шесть лет назад мы бегали по одним и тем же лестницам учебных корпусов в одинаковых холщовых робах и кирзовых ботинках, не зная друг друга, потом нас раскидало по разным флотам, и вот мы встретились в этот дождливый декабрьский день и наконец познакомились. Удивительная все-таки штука эта жизнь...

— Так вы на фазана, не на утку? — спросил Сергей. — А то наши на утку больше в лиман ездят.

— Нет, мы на фазана, — кивнул я. — Утки сейчас что-то мало стало. Где она? В такое время — и ноль!

— Та есть еще... — пожал он плечами. — Когда как. Но, конечно, уже совсем не то. Совсем плохо, по сравнению с прошлым.

— Мы тут у вас гуся раньше постоянно стреляли, за утку и говорить нечего, — махнул я рукой. — А теперь?

— Теперь гуся почти нет, да и не садится она на лиман, проходит дальше куда-то... — согласился Сергей.

— Ото ж, — я налил в стопки избранный коньяк. — Так что мы за фазанчиком пройдемся... Лицензии у нас, как положено.

— Фазана вы от здесь, за фермой, по балке пошукайте, — показал за окно пальцем заведующий. — Тут он есть. Я постоянно петухов вижу, возле балки, на зеленях. Пасутся вечером. Сегодня тут пройдитесь, шоб, если промокнете, вам близко было в тепло бе-

жать... А завтра тоди уж к лиману по-давайтесь. Може, завтра и дождь перестанет.

— Так и сделаем, — согласно кивнул я. — Да, хлопцы? Сегодня тут балку пройдем, а завтра на основную охоту отправимся. Так разумно будет.

— Мы, как вы скажете, — хором откликнулись мои напарники, уверовавшие в мою везучесть в связи с этим кабинетом. — А балка длинная?

— Та хватит вам до вечера протысь, — добродушно засмеялся Сергей. — Ще и за ней камыши есть. Хватит вам вымокнуть до трусов. А лучше б не ходили в такой дождь, а? Чего ото мокнуть...

— Та вы что! — замахали ребятки руками. — Мы ж столько об этой охоте мечтали... А теперь, благодаря вашему гостеприимству, охота вообще... прелесть.

— Охота! — разревал я руками, обращаясь к Сергею. — Да и собаки ее не меньше их, молодых, ждуть...

Собаки, было слышно, гулко топали лапами в пустом коридоре, стучали по дереву когтями и иногда поскуливали.

Основательно отобедав, заторопился на охоту. Заведующий уехал домой, обещав быть завтра, а мы, надев охотничьи куртки, к великой радости собак вышли под продолжающийся дождь. Но он теперь не казался мне таким тоскливым и бесконечным. Теплый, сухой и комфортный ночлег был нашим надежным тылом.

Темно-желтые влажные камыши балки были совсем рядом — их от фермы отделял лишь узкий клин озимого поля. Я хорошо представлял себе, как на вечерней заре на сочные зеленя выходят кормиться длиннохвостые петухи-фазаны, словно обычные куры. Но до зари пока далеко, да и не будет сегодня никакой зари — горизонт затянут сплошной серой мглой.

Я хорошо знал, что будет, стоит лишь зайти в эти мокрые заросли и пройтись по ним в такой дождь хотя бы сотню шагов, поэтому вызвался идти вдоль балки, по краю озими. Остальные четверо дружно полезли в камыши. По-моему, ради охоты они полезли бы даже через колючую проволоку. На моего полугодовалого дратха надежды было немного, однако он весело вломился в стенку вслед за компанией, через несколько секунд выскочил назад, убедился, что я никуда не пропал, и вновь, треща стеблями, как маленький танк, исчез в камышах. Старая опытная ирландка пробиралась в гущине намного тише и незаметней. Парни, обозначая свой путь качающимися верхушками стеблей, двинулись по балке. Она длинной тускло-желтой гривой изгибалась вправо и исчезала за бугром.

Первый петух поднялся почти сразу, но вне выстрела, так что шум взлета я почти не слышал, и темной ракетой понесся вдоль камышовой гривы. Минут через пять, наполненных только шорохом дождя и недалеким треском

тростника, взлетели одна за другой две курицы. В наших бумагах черным по белому было написано «фазан-петух», поэтому глупые фазанки улетели без выстрела.

Мой Джек, молодой, большой, сильный, ломал камыш и бурьян, но далеко в глубь зарослей не заходил и часто выбирался ко мне на поле. Больше от него я пока желать не мог, все-таки это было первое его поле.

Потом впереди, тоже за выстрелом, взлетел кряковой селезень. «Значит, там вода...» — подумал я. Полевые балки в последние, очень засушливые годы редко набирали воды даже по шиколотку, но, может, этот долгий зимний дождь изменил ситуацию... Я машинально отметил, что не слышу рядом треска от ломающегося по камышам дратхаара, а затем в глубине балки раздался шумный всплеск. Там, где шли ребята с ирландкой. Этот грохочущий всплеск мог означать только одно: мой щеночек весом около тридцати килограммов со всего разбега прыгнул в воду. Он очень любил воду и на первой охоте, в возрасте четырех месяцев, не раздумывая, сиганул в речку с небольшого обрывчика. Так что ничего удивительного вроде бы нет. Однако откуда в этой полевой балке глубокая вода? Даже трехдневный дождь не сможет налить столько, чтобы большая собака могла прыгнуть в нее с таким шумом... И тут меня пронзила мысль: канава! Конечно же, канава, долбанная траншея, какие рюют долбаным экскаватором долбаные мелиораторы в балках с целью их осушения. Небольшой канал тянется по центру балки, собирая с нее воду. У него крутые стенки, как у траншеи, и глубины в нем бывает вполне достаточно, чтобы... Еще не до конца осознав возможные последствия, я ринулся сквозь камыш. Мокрые стебли били по лицу, один резко чиркнул по запястью, сапоги путались в густой траве...

Но вот и чертов бугор, конечно — канава! Я выскочил на поросший густым бурьяном вперемежку с тростником вал и сразу у своих ног в воде увидел барахтающегося Джека. Он умел плавать, но выбраться на крутой берег не мог. Обрывчик всего полметра высотой, но пес не доставал передними лапами до его края, беспомощно молотил ими по воде и не мог встать на задние — мешала глубина. Ему не стоило тратить силы в этом месте, а надо было попытаться выбраться на берег где угодно. Но дратху шел седьмой месяц, и он был собакой. Он просто отчаянно старался зацепиться за берег лапами, и это ему не удавалось. Я отчетливо увидел ужас в желтых собачьих глазах, смотревших в мои. Отчаянье и ужас. И тоже перестал соображать.

Мне можно было лечь на мокрую траву, протянуть руку, схватить пса за загривок или лапу и вытащить его из канавы. Просто помочь ему. Вместо этого я отбросил ружье, сделал шаг вперед и погрузился в воду рядом с Дже-

ком. Там было мне по грудь. Обхватив тяжелого кобеля, я вытолкнул его вверх, на берег. Подоспели мои спутники и помогли мне выбраться из этого окопа, залитого водой. Со стороны за нами с интересом наблюдала многоопытная Адель. Наверно, она не могла понять, зачем вообще надо было лезть в декабрьскую воду без видимых причин. Джек, очевидно, в знак благодарности мне отряхнулся, когда я попытался его обнять, и устремился в камыши — охотиться.

Я с шумом вылил на землю два потока мутной воды из длинных сапог и, вспомнив, что всякий подвиг — это следствие чьей-то глупости, предложил своим компаньонам продолжить охоту на фазана.

Балку дотянули до конца, но с нулевым результатом. Фазаны поднимались, несмотря на дождь, далеко и как-то уж очень стремительно. Ребята стреляли по двум, почти на безнадежном расстоянии. Я подумал, что балочку, конечно, местные охотнички вниманием не обделяют. Пуганые птички-то... Ладно, это разминка, основная охота будет завтра.

Под дождем, обмениваясь впечатлениями, выбрались по раскисшей полевой дороге, с которой видны были тростниковые разливы и серые плеса лимана, к ферме. В кабинете долго пристраивали намокшую одежду над огромной электрической печкой, а потом сидели за столом, наслаждаясь покоем, теплом, вкусной едой и беседой...

Я проснулся рано, поднялся со скрипящей пружиной койки, застеленной всевозможной одеждой, и понял, что прекрасно выспался. Это было уже хорошо. Оставалось выяснить, какая нас ждет погода.

Открыл дверь в освещенный лампочкой коридор. Там на деревянном полу ночевали наши собаки. Адель подняла умную тонкую морду, и электрический свет блестящими брызнул по мягкой шерсти цвета красной меди. Джек вскочил, потянулся, припав грудью к полу и подняв свой кучехвостый зад вверх. Он был в красивых завитках светло-седого волоса, с кофейными крапом по серебру, очень сухой и чистый, словно выстиранный. Еще бы, после такой мокрой охоты... Я вышел на крыльцо, в еще совсем ночную темень, и задохнулся от влажной свежести и россыпи звезд над головой. Так и есть — впереди нас ждет золотой день. Очень логично, наверное. После этого нудного, нескончаемого дождя, после мытарств с поисками ночлега, после мокрых камышей степной балки, после долгого возвращения по скользкой полевой дороге мы заслужили, наверное, хорошую охоту...

Я разбудил ребят. Узнав, что за погода на улице, они вскочили мгновенно и, весело переговариваясь, стали готовить завтрак. Полностью просохшая над мощной печкой одежда добавила нам оптимизма.

— Я сегодня все-таки добуду фазана,

на, — расплылся в улыбке Александр.

— Что, ни разу не приходилось? — я посмотрел на него с удивлением. Фазан в наших местах давно стал обычной дичью. — И не стрелял?

Сашка почесал затылок и махнул рукой:

— Та стрелять стрелял, только все мимо. Как вылетает — перестаю соображать. Жму на спуск, пока патроны есть... А опомнюсь, когда он уже улетел...

— А ты возьми за правило перед выстрелом говорить что-нибудь, например: «Ах, какой красавец!»

— Попробую! — весело, но не совсем уверенно ответил парень. — А то я обычно говорю после того, как отстреляюсь: «Ах ты, зараза такая!»

— Нельзя на дичь ругаться, оскорблять ее. Она ж не враг нам, а как бы... наоборот...

Мы шли по полевой дороге к Куцеватому, когда солнце выглянуло из-за края земли и превратило поле озимых справа в зелено-бриллиантовую шубу, а черную пашню слева подернуло серебристым туманом. В темных колеях блестели оранжевые лужи. Собаки, забегая в них, наскоро хватили ртами апельсиновую воду и мчались дальше, выдыхая легкий, прозрачный парок, словно сказочные драконы.

Впереди попереки нашего пути встала лесная полоса. Она целиком состояла из старых, уже почти не плодоносящих жерделовых деревьев с корявыми, узловатыми ветвями без единого листочка и понизу заросла густой серо-желтой травой. Посадка отделяла поля от лимана. Поля подходили к ней и просто заканчивались. От другого края лесополосы начинался косогор, он скатывался вниз пологим склоном и там заканчивался, упираясь в лиманные тростники. На нем кое-где росли деревья и кустарник, а в двух местах косогор прорезали небольшие овраги, заросшие терном.

Это было подходящее место для фазанов, но, когда мы подошли к краю посадки, я предложил не спешить. Птицам было еще слишком рано выходить из плавневых камышей на кормежку, тем более что в траве было очень мокро от вчерашнего дождя.

Пока мы, организовав на поваленном дереве завтрак, не без удовольствия перекусывали, собаки наши успели обыскать ближайшие заросли и вылезли из них мокрые и неудовлетворенные.

Наконец решили начинать. Двигаться надо было вдоль косогора, по его склону, вокруг лимана, но так как идти втроем там особой необходимости не было, я пошел верхом, вдоль лесополосы. В ней тоже могли быть фазаны, хотя скорее всего в более позднее время. Мой дратх энергично, но довольно бесполоково то метался среди деревьев, то выскакивал на край косогора и удивленно смотрел вниз, где продвигались молодые охотники — Леша по самому низу, вдоль камышей, а Сашка

прямо по склону, впереди их ныряла в траве медно-красная Адель.

Мы прошли так довольно много, но дичи не было. Скорее всего еще действительно слишком рано. И слишком мокро.

Мне сверху хорошо был виден Кушеватый — разливы тростников, блестящие в лучах поднимающегося солнца плесы. Я с горечью отметил, что ни уток, ни вообще какой-либо дичи над лиманом видно не было. Вода есть, камыши есть, а дичи нет как нет. Странно и непривычно. Когда такое было? Да никогда! Но теперь бездичье становится обыденностью. Грустной, непонятной обыденностью. Подумалось: не так жаль нас, старых охотников, успевших вдоволь насмотреться на изобилие водоплавающих и наохотиться от души, не так жаль и совсем молодых, только-только начинающих свою охоту — они не знали и, наверное, уже не увидят того, прошлого изобилия. Искренне жаль тех, кто успел застать последние богатые на дичь годы, успел ухватить за краешек крыла хорошую, веселую охоту, и она тут же исчезла, словно видение, словно сказка о другой жизни. Вот их, раз-другой вкусивших от обильного стола прежней охоты на водоплавающих и понимающих теперь, что больше этого не удастся сделать никогда, — их по-настоящему жаль...

Я задумался, отвлекся, перестал замечать вокруг многое, и вдруг слева, снизу, приглушенным травянистым склоном ударили два выстрела! Мимо меня, с шумом ломая бурьян, метнулся на звук Джек. Я тоже выскочил на край косогора и увидел внизу над камышовыми зарослями трепетание крыльев. Красавец-фазан, руля в воздухе длинным хвостом, летел над серебристыми бунчуками телелок и, миновав массив высокого тростника, опустился в низкорослое густосплетение куги. Непривычно и удивительно было наблюдать полет птицы сверху, с высоты склона.

Леша, жестикулируя, что-то говорил напарнику. Далеко, наверное. Подшумели осторожную птицу.

— Далеко не стреляйте! — крикнул я им. — Подранка даже собаки не возьмут! Если ноги целы — не догоняй! Далеко не стреляйте! Зачем?!

Косогор потянулся дальше, вдоль лимана, и я знал, что когда мы дойдем до конца этого высокого лиманного берега и повернем обратно, наши шансы поднять тут дичь только увеличатся. К тому времени трава просохнет, птицы успеют выйти из своих ночных укрытий собирать семена густого разнотравья. А сейчас стрелять скорее всего придется только Алексею, который идет вдоль кромки камышей. Ирландка старательно челночила по склону и иногда, вытягиваясь струной, тянула в заросли камыша, проверяя дорожки только ей ведомого запаха. Мой юный дратхаар, с сделавший в жизни еще ни одной стойки, тоже старался,

компенсируя отсутствие опыта энергией и силой. Он бросил меня и теперь сновал внизу, впереди Алексея, сооразив, наверное, где перспективнее искать волнующий запах дичи. Я не обижался на него. Мне главное, чтобы он был доволен, чтобы охотничья страсть забушевала в нем, как во мне самом во времена юности. Больше, чем на Джека, кажется, мои надежды возлагать не на кого... Возможно, я и охочусь теперь больше не для себя, а для этого молодого, большого, лохматого и простодушного пса со смешной бородатой мордой и наивными желтыми глазами. Если все будет хорошо, то мы с ним постареем вместе, и неизвестно, кто первым оставит охоту...

Но вот опять выстрел! На этот раз ближе. Сашка! Он стоял с дымящимся ружьем на склоне и показывал вперед, где над плавней своим характерным полетом с замиранием крыльев летели две фазанки. Я показал стрелку кулак и крикнул: «Куры!» Он в ответ растянул в улыбке рот и развел руками — обознался, мол. Самцов фазана, как правило, в угодьях находишь отдельно от куриц. Очевидно, в жизни они сторонятся своих подруг. Живут отдельно, кормятся порознь, наверное, и на ночлег устраиваются так же. Не могу сказать, почему у них так заведено, но, когда ты охотишься только на особой одного пола, это удобно.

Так или иначе, но мы сегодня прошли большую часть косогора, покрытого снизу доверху густым умершим разнотравьем, а добычи все не было. Я и не стрелял вовсе. Однако совсем не расстраивался по этому поводу.

И вот когда я подумал об этом, впереди стал виден овраг, разломивший бурьянистый склон извилистой впадиной. По краям его росли несколько деревьев — не то алычи, не то дикой сливы, а по дну кустился непролазными клубами колючих веток терен. Заросли его были усыпаны крупными, словно круглые охотничьи пули, ярко-синими ягодами.

Я подошел к краю косогора, чтобы увидеть своих напарников, глянул вниз, и в это время недалеко от Леши, пробиравшегося самым подножием склона, из куста шиповника вылетел петух. Он поднялся свечой и с разворотом стал уходить в плавню. Бронзово-фиолетовая птица летела над массивом высокого и густого тростника, и стрелять ее в общем-то, наверное, не стоило — настолько непролазными были в том месте заросли. В том, что нам помогут собаки, упади птица метрах в двадцати в этот тростниковый материк, я был уверен не на все сто. Джек молод, а Адель уж слишком аристократична, да и стара.

Но Алексей выстрелил, промазал, выстрелил снова, и фазан, став вертикально на хвост, свалился в гущу толстых желтых стеблей. Мне сверху очень хорошо было видно, как и в какое крепкое место он упал. Очень далеко от стрелка. Собаки, не видя падения птицы — им

мешал высоченный тростник, — суетились возле перезаряжавшего ружья охотника, потом, видимо, ухватили запах набродов и начали энергично ломать бурьян в месте взлета.

Саша поднялся ко мне наверх, и мы стали смотреть на Алексея, который там, внизу, стоя на месте, показывал рукой, где упала птица.

— Вот смотрите, — донеслось снизу. — Видите тот заломленный куст? Там лежит тот фазан! Вон там, где темнеется! Видите? Это он! Наводите меня, я полезу!

Я совершенно не был уверен в том, что с его позиции вообще можно что-либо увидеть в камышах на таком расстоянии, тем более упавшего петуха. Не завис же он на тростнике, в самом деле... Более того, я полагал, что птицу мы загубили напрасно — падал петух не «тряпкой» и не «камнем», а как явный подранок. Кроме того, до этого места было метров тридцать. Шанс найти птицу мне представлялся близким к нулю.

Я знал, конечно, случаи, когда дичь находилась, несмотря ни на какие самые грустные прогнозы. Явный подранок оказывался на месте падения без признаков жизни, и безнадежные, казалось, поиски заканчивались удачей, благодаря удивительному стечению обстоятельств. За сорок пять охотничьих сезонов что только не случилось!

Но в этот раз лезть в эти заросли мне казалось совершенно бессмысленным. Как умеют бегать фазаны, я тоже знал. Поэтому крикнул:

— Да нет, Леша! Не надо! И далеко, и подранок, и вообще! Только зря промучаешься! Ну, что сделаешь? Попробуй собак послать, но тоже вряд ли!

Но Алексей полез. Медленно, треща стеблями, выпутываясь из густых за-

ломов и высоко поднимаемая ноги. Собаки полезли за ним, и их тут же не стало видно. Только вздрагивали светлые тростниковые метелки.

Мы с Сашкой стояли и смотрели на все это сверху.

— Ох, зря это... — сказал я и покачал головой. — Промучается только.

— Дичь бросать нельзя, — весело сообщил мне Сашка и улыбнулся. — Ну пусть попытается, если хочет человек.

— Да я понимаю... Но если бы хотя с первого! А так он его сбил очень далеко. Шансов практически нет, тем более подранок, скорее всего... Убежал, конечно.

Меж тем Алексей упрямо ломился в тростниковом массиве, оставляя после себя хорошо видимую сверху тропу из поваленных стеблей. Иногда возле него мелькали выпрыгивающие собаки.

Я все же позавидовал им, там, внизу. Они охотились и вели себя как положено. А мы, как два благоразумных умника, стояли на очень чистом и удобном месте и рассуждали о вероятности и случайностях. Прошло минут десять.

— Ну, что? — донеслось снизу. — Где я? Правильно?

Алексей стоял посреди выломанной им в тростнике полянки и оглядывался. Заломленный куст был рядом с ним.

— Да! Правильно! — крикнул я ему. — Три шага вправо — как раз то место, где ты говорил. Собак позови!

Черт его знает, у петуха крылья после выстрелов все же были целы — иначе он свалился бы в тростники кубарем. А он опустился с расправленными крыльями, и, если все же упал, значит ему попало по корпусу. Возможно, он уже мертв. Но это совсем не значит, что его удастся найти. Умереть он мог совсем не в том месте, где упал.

Алексей сделал в сторону куста пару шагов, резко нагнулся и выпрямился во весь рост, держа в поднятой руке фазана.

— Вот он! — торжествующе кричал он. — Я же говорил!

Собаки, высоко подпрыгивая в залом тростника, ринулись к нему...

— Вот так бывает... — сказал я. — Повезло Лешке. Молодец. Что скажешь? Целиком его заслуга.

— Я бы не полез, — ответил Сашка. — Какой шанс там его найти? Никакого! Леха герой дня.

Солнце поднялось еще выше. Поднялся ветерок. Я шел по высокому краю косогора, откуда начинали стекать в лиман серо-желтые потоки разнотравья, и увидел, что сапоги мои перестали блестеть от воды. Травы подсохли.

Идти мне было легко, чего нельзя было сказать о ребятам. Довольно крутой угол, я знал, выворачивал ступни при ходьбе, цеплялся за ноги путаницей бурьяна, заставляя даже обходить отдельные места выше или ниже по склону. Но спутники мои молодцы, и нагрузка скажется лишь в конце охоты.

Мы подошли к оврагу. Он наполовину зарос терном, и заросли были покрыты фиолетовой россыпью ягод. Сашка, закинув длинный и тяжелый тульский полуавтомат за плечо, подошел к густой путанице колючих ветвей и начал срывать крупную терновую карточку, горстями отправляя ее в рот. Я тоже чуть спустился, стараясь сохранить равновесие на крутом склоне, протянул руку за терпким, сладко-кислым угощением, сорвал сразу несколько ягод, и в это время справа, из того места, где овраг выползал наверх косогора и упирался в лесную полосу, сливаясь с нею сплетением кустов, раздался грохот крыльев.

Несколько длиннохвостых бронзовых птиц повисли в воздухе прямо передо мной. Я, словно во сне, стал сдергивать с плеча ружье. Ощувив, что в правой ладони у меня несколько ягод, бросил их в траву под ногами и вновь стал стаскивать ружейный ремень с плеча.

Вот именно для таких моментов, наверное, и нужен полуавтомат. Ты можешь промахнуться и раз, и другой, но на всю подствольную трубку, набитую тяжелыми скользкими патронами, нетрудно, кажется, взять два-три петуха, летящих прямо перед тобой, как на стенде. Что мешает?

Я выпалил в сторону висящих, казалось, а на самом деле несущихся в воздухе фазанов три раза со скоростью, на которую только был способен мой палец, нажимающий спусковой крючок, одновременно понимая, что стопроцентно пуделяю. После третьего выстрела сознание начало возвращаться ко мне, и я, выцелив заднюю птицу, надавил спуск еще раз, но за долю секунды до этого петух мгновенно свернулся в воздухе и нырнул вниз. Тут же откуда-то снизу грохнул близкий выстрел, а мой прозвучал только дублирующим салютом. Я это очень хорошо увидел и осознал.

— Леша, ты? — спросил я довольно обескуражено. Все-таки таких промахов я не должен был делать. — Ты попал? Стреляли одного, но по-моему я промазал... Не успел.

— Я, Игорь Иванович... — чуть смущенно, но твердо ответил Алексей.

Из зарослей терна показалось широкое улыбающееся лицо Александра. Он жевал ягоды и выплевывал косточки.

— А ты, Саш, стрелял? — мне показалось, что с его стороны выстрелов не было.

— Я терен ел, — засмеялся он. — Так сладкого захотелось! В машине двухлитровая бутылка «Пепси» осталась и овсяное печенье, целый кулек. А вы куда стреляли?

— Как куда? — удивился Алексей. — Пять петухов сразу вылетело! Но так быстро все, что я только раз и успел выстрелить...

— А я четыре, — махнул я рукой. — А толку еще меньше! Стрелял в белый свет как в копеечку. Растерялся... Да еще терен этот... Хотя надо было предвидеть, надо было... Ну да Бог с ним.

Петуха нашли на дне оврага сразу, опять без помощи собак. Вокруг в густой траве было, очевидно, столько фазаньего запаха, что Адель и Джек суматошно метались в разные стороны, не сумев сразу определить, что к чему.

Потом удача улыбнулась Сашке. Однако «материализовать» ее он не сумел. С косогора в плавню уползала натоптанная охотниками тропка, по ней мы тростниковым тоннелем вышли в сильно обсохший лиман и, нешироко растянувшись цепочкой, решили прочесать участок куги высотой по колону. Пара петухов поднялась недалеко от Александра, и он чисто, красиво промазал ближнего, уверяя потом, что все-таки выбил у фазана несколько перьев.

— Перья — это уже хорошо, — сказал ему в утешение Алексей. — Значит, скоро будет и мясо.

— Я пристреливаюсь, — с неизменной улыбкой на круглом лице ответил Саша. — Если б они еще крыльями потише хлопали. Вылетает — ничего не соображаю.

Он все же взял своего петуха в этот день.

На обратном пути, когда мы все вместе шли по верху косогора, Адель, рыскающая по склону в густой траве, повела вниз, к камышам, и тут же стала, превратившись в отполированную солнцем медную статуэтку ирландского сеттера. Ветерок играл роскошным пером ее хвоста.

— Стоит! — обернул ко мне возбужденное лицо Александр и побежал вниз по склону к собаке.

Едва он успел приблизиться к Адели, как впереди из травы вырвался золотой фазан и, свесив конец длинного хвоста, полетел в сторону спасительных камышей. После выстрела комом упал совсем недалеко от высокой желтой стены с серебристо-прозрачной гривой метелок, и стрелок наперегонки с собакой, что, конечно, было не по правилам, бросился туда, где еще качались стебли дикой травы, перевитой черными витками ежевики...

А потом случилось то, ради чего я, собственно, и ехал на эту охоту.

Нет, мой юный дратхаар не сделал своей первой стойки, и винить его за это вряд ли стоило. Это была фактически его первая охота по пернатой дичи. Но порадовать меня он все же смог.

Мы шли обратным путем верхом косогора, и до поворота на полевую дорогу, которая через пару километров приведет нас к гостеприимной ферме, где стояла наша машина, оставалось совсем немного. Мы шли и разговаривали, потому что было о чем. Мои спутники делились своими впечатлениями и строили планы на следующий сезон. Этот через неделю заканчивался, оставалось тешить себя заячьей охотой.

Алексей говорил, что обязательно заведет себе собаку. Сашка мечтал добраться до машины с бутылкой «Пеп-

си» и печеньем. Он был очень крупным парнем и, наверное, в абсолютном исчислении отдал косогору сил и энергии больше любого из нас. И, кроме того, любил поест.

Солнце начинало клониться к лиману, и приближающийся вечер напоминал о себе густеющей синью небес. Серых красок в травяных реках, стекающих по косогору в лиман, стало больше, только тростники недалекого лимана в обрамлении блестящих разливов воды еще больше стали отливать золотом.

Уставшая Адель — все-таки ей было больше десяти лет! — все чаще выбиралась на дорогу, выходящую вдоль лесополосы, по которой мы шли, и заметно прихрамывала. Неутомимый Джек гремел упавшими сучьими в посадке слева от нас.

В какой-то момент ирландка, подняв морду, тоже сунулась в кусты, и тут же впереди, шагах в пятидесяти, из гряды акаций и жердел вылетел длиннохвостый силуэт. Я сдернул с плеча ружье, но, увидев, что шедший немного впереди Алексей уже целится, даже не вскинул его.

Громкий быстрый дуплет не прервал полет петуха. Он, словно ракета, пролетел над дорогой и, снизив свой полет над косогором, полого утянул в плавню. Я подумал, что расстояние для стрельбы было все-таки немалое, винить стрелка за промах вряд ли стоило, и в это время тоже впереди, но гораздо ближе, из посадки с лопотаньем крыльев вырвался еще один фазан.

Ружье было у меня в руках, и шансов у этого петуха было немного. Я ударил его, когда он только миновал дорогу. Фазан перевернулся в воздухе и комком улетел по дуге вниз, скрывшись за склоном.

— Ты чего не стрелял? — почему-то спросил я Сашу. — Даже ружье не снял.

— Так ведь вы с Лехой палите — мне и некогда, — развел руками он. — Кроме того, я яблоко ел. Последнее.

— А я и перезарядить не успел, — сказал Алексей. — После моего... Его можно было взять, да?

Я пожал плечами:

— Ну, в принципе можно было...

Мы разговаривали, забыв о сбитой мною птице, как вдруг Сашка, показав пальцем, громко и радостно крикнул:

— Смотрите! Несет!

Недалеко впереди, справа, по косогору вышел на дорогу Джек. В пасти он держал фазана. Хвост птицы свисал до земли, одно крыло болталось безвольно. Джек шел медленно, осторожно, даже будто испуганно. Конечно, он делал такое впервые в жизни. Никто не просил его принести птицу. Я вообще как-то даже забыл об этом. Ну надо же...

— Джек, мой хороший! — воскликнул я и бросился к собаке. — Ах ты, моя умница! Давай сюда, молодец ты мой...

Дратх осторожно положил петуха на дорогу, я подошел и стал гладить большую, бородастую, усатую собачью голову с длинными кустистыми бровями. А

он глядел то на меня, то на лежащего фазана своими желтыми добрыми глазами, не совсем понимая, кажется, что же только что произошло...

Я обнял его за могучую шею и поцеловал густую и жесткую шерсть, пахнущую разнотравьем. Мне нравилось, что вот так, по-настоящему, можно обнять только большую, рослую собаку, какой и был мой Джек.

Когда свернули на полевую дорогу, ведущую к ферме, идущий впереди Сашка прибавил шаг, да так, что мы с Алексеем никак не могли его догнать. Казалось странным, что я, ростом не намного ниже Александра, никак не мог догнать парня, хотя изо всех сил ускорила шаг. Более того, маячившая впереди фигура с ружейным стволом, торчащим из-за плеча, стала заметно удаляться, уменьшаясь в размерах. Бежит он, что ли? Так нет же, хорошо видно — просто идет... Что за черт? Мы ведь тоже идем быстро.

— Это он к «Пепси-Коле» с овсяным печеньем рванул, — улыбнулся на мой вопрос Леша. — Это для него очень большой стимул в данный момент...

На полпути к ферме, с дороги, я оглянулся. Лиман виден был хорошо — блестили в лучах вечернего солнца плесы, и рыжели извивы камышовых займищ.

Косогор был скрыт от глаза, и только в одном месте, в разрыве лесной полосы, виднелась полоска серо-желтой травы, взобравшаяся на самую вершину склона.

Зенон Сватосш. Путешественник, зоолог, директор первого в России заповедника. Африка, Арктика, Байкал / Сост. А.Г. Янкус. — М.: «БизнесИнформ», ИЦ «Постскриптум», 2011. — 160 с., ил.

Зоолог Зенон Францевич Сватосш после поездок в Бухару, Африку и Арктику в составе научной экспедиции Г.Г. Допельмайера прибыл на Байкал для обследования территории Подлеморья с целью организации первого в России охотничьего соболенного заповедника — Баргузинского. Около 30 лет он руководил этим заповедником, занимался изучением соболя и клеточным звероводством.

В книгу «Африка, Арктика, Байкал» собраны архивные, художественные и другие материалы об этом легендарном человеке.

Технология добычи зверей и птиц: учебное пособие / М.Д. Перовский. — М: ФГОУ ВПО РГАЗУ, 2011. — 192 с.

Необходимость подобного издания назрела давно. Имеющиеся разрозненные сведения различных литературных источников по вопросам технологии добычи охотничьих зверей и птиц создавали трудности о едином представлении ведущей охотоведческой дисциплины. Издание ВНИИОЗом 40 лет назад двухтомника «Охотоведение» в какой-то мере компенсировало этот недостаток. Однако за прошедшие десятилетия произошли заметные изменения в технологии добычи охотничьих животных.

Настоящее учебное пособие предназначено в основном для студентов-охотоведов.

**Внимание! Наш новый адрес:
101990, Москва, Милютинский переулок, д. 18А, 3 этаж, 35 офис
Тел. 8(495) 641-02-28**

Сурикаты - веселый малехький народец

ВАСИЛИЙ КЛИМОВ. Фото автора

Ночная пустыня выворачивает наизнанку душу своим монотонным стелением и забивающим все мелким песком... К утру, вместе с уходом тьмы, прекращаются завывания ветра и движение массивных дюн. Буря утихает, и красные пески пустыни Намиб успокаиваются на какое-то время. Сначала приходит серый рассвет, а затем красный диск солнца, поднимаясь над далеким горизонтом, освещает косыми лучами фиолетовые дюны, полузанесенное песком старое дерево, остатки жалких кустарников, притаившихся в ложине, и сухие стебли, чертящие своими концами какие-то фигуры на песке... Неожиданно у корней поваленного дерева я вижу шевеление и вот показывается остренькая усатая мордочка. Она сразу прячется, но потом опять выползает наружу, ее как магнитом тянет вверх, к солнцу и теплу. За мордочкой показывается

грудка, лапки и, наконец, все полосатое тельце, опирающееся на длинный и прочный, как прут, хвост. Судя по всему, это «предводитель командчей», который осмотревшись, дает команду и остальным выйти на поверхность. Один за другим маленькие зверюшки появляются наверху и тут же замирают, стоя на задних лапках, начиная свой день с солнечной ванны. Они еще видимо не совсем проснулись и, зажмурив глазки, дремлют под солнечными лучами, заряжаясь на весь день теплом и весельем...

Именно здесь, в далекой Африке, в пустынях Намиба и Калахари живет самый маленький, симпатичный и обаятельный из мангуст — суриката. Их еще называют «часовые пустынь» или «маленький народец». Подобно волшебным гномам, живут они огромными семьями глубоко под землей, в норах, которые

роют передними лапками, отбрасывая землю задними. А иногда занимают чужие норы, расширяя их и углубляя.

Сурикаты — маленькие изящные зверьки серебристого цвета, с желтым брюшком, полосатой спинкой и остренькой мордочкой. Черные быстрые глазки окружены темными «очками», маленькие ушки закрываются специальными складками, когда зверек под землей. Чтобы стать больше и дальше видеть в пустыне, они постоянно встают на задние лапки, поддерживая себя для устойчивости мускулистыми хвостами. У этих малышей превосходное зрение и острое обоняние, помогающее отыскивать насекомых, сидящих на большой глубине. Длинные вибриссы на морде помогают ориентироваться в темноте, а округлые ушки слышат как под землей, так и вне ее. Они могут быстро бегать, далеко прыгать и лихо карабкаться по деревьям и скалам!

Сурикаты принадлежат к группе виверровых, пришедших когда-то из Азии, и образуют отдельный род в мире мангуст, который возник в неозойской эре в пустынях Южной Африки. Они пошли дальше своих хищных предков и для того, чтобы выжить в жестоких южных ландшафтах континента, кардинально изменились. Во-первых, перешли на питание насекомыми (в пустыне это не только белок, но и маленький резервуар с влагой), в связи с чем у них появились жевательные поверхности на зубах (которых нет у хищных), позволившие им перемалывать прочные хитиновые панцири пустынных насекомых. Это еще и отказ от регулярных водоемов и переход на экономный водный режим, уход под землю и оригинальная социальная организация групп зверьков, типа братства, обеспечивающая всем защиту, питание и размножение. Этот симпатяга стал очень популярен среди людей, которые с удовольствием его разводят. Естественно, в дикой природе, кроме как на своей родине — Африке, они нигде в мире больше не живут.

Этот самый обаятельный и симпатичный из мангустов живет крупными стаями, в которых несколько семей не только совместно роют норы, живут, кормятся, но и воспитывают своих деток. Их всех объединяет крепкая взаимная привязанность, невзирая на «лица» и родовую принадлежность! Они крепко дружат и несколько раз в день «целуются». Да, да, регулярные массовые обнюхивания и ласковые прикосновения к мордочкам им нужны для поддержания сплоченности стаи. А у нас, людей, известие, что где-то существуют братские единения и «коммунистические» сообщества, вызывает умиление и восторг...

На огромной территории пустыни — от 7 до 12 квадратных километров, у стаи из 25–30 особей есть

несколько подземных убежищ, в которых зверьки спасаются от жары, хищников и ночного холода. Одна такая нора с десятками отнорков и спальных камер может занимать до 800 квадратных метров площади, иметь глубину более двух метров и до сотни (!) выходов наружу. Это уже не нора, а настоящий неприступный бастион, который к тому же постоянно перестраивается и увеличивается. Там всегда постоянная температура, тишина и спокойствие. Пока условия позволяют благоденствовать, зверьки могут жить здесь несколько недель или даже лет. Когда же жизненная ситуация меняется (истощение ресурсов пищи, засилие паразитов и т.д.), они сплоченно перебираются в другую нору и начинают обустривать ее. Каждая семья роет внутри свою систему отнорков, спален и туалетов. Подрастающий малыш продолжает начатое родителями дело.

Утро сурикаты начинают с совместного приема солнечных ванн, согреваясь на солнышке и прогоняя остатки ночной дремы. При этом они все стоят рядками на задних лапках, как солдатики, а некоторые еще скрещивают «ручки» на животике. Согревшись, начинают целоваться и ласкаться друг с другом. После этого «народ» под охраной «часовых» растекается по округе, желая «заморить червячка», а молодежь приступает к играм и потасовкам. Взрослые зверьки деятельно снуют по пустыне, переворачивая камни, заглядывая под коряги, забираясь на деревья и скалы. Везде, где это только возможно, сурикаты разыскивают скорпионов, жуков, кузнечиков, ящериц, личинок насекомых и даже змей! Не пройдут они, конечно же, мимо норы пустынной мышки, птичьего гнезда с яйцами или птенцами.

Поймав скорпиона, зверек сильно ударяет его о землю или лапкой по

голове, чтобы защититься от ядовитого жала. В пустыне они могут обходиться совсем без воды, поедая жирных насекомых, пустынные дыни, арбузы и луковичные растений. Тем временем «часовой», забравшись повыше – на большой камень или дерево, тщательно следит за обстановкой, оповещая друзей о появлении орла или шакала.

С появлением небольшого хищника все они выскакивают из нор и окружают его, оскалив острые зубки, выгнув спинки и задрвав хвосты. Увидев перед собою десятки оскаленных злобных ртов, шакал убегает

прочь. Если же им встречается кобра, то они небольшими стайками преследуют и изводят ее наскаками, заставляя подниматься и оглядываться. Кобра быстро устает и тогда один из сильных самцов хватает ее за загривок и убивает укусом в позвоночник!

За сезон самки успевают принести два или даже три помета. При уходе живании зверьки ласково покусывают друг друга в щеки, мордочки. Через 11 месяцев беременности в одной из гнездовых камер – в спальне, рождаются три детеныша, каждый по 30 граммов. Теперь, когда их мама уходит наружу кормиться, за ними присматривает кто-то из ее взрослых приятелей. Это позволяет матери спокойно искать корм, не беспокоясь о малышах. Она регулярно возвращается и кормит их молоком, при этом тщательно вылизывая. В возрасте трех недель малыши начинают пробовать взрослую пищу, а еще через два месяца уже питаются вместе со взрослыми. Пока зверьки маленькие, родители приносят им корм в нору! Потом они выходят на поверхность, но, встречая кого-то из взрослых, по привычке просят корм, и те отдают его им, хотя по сути это – чужие дети.

Мать учит их всему – охотиться, прятаться, слушать сигналы пустыни. Дети во всем слушаются взрослых, при криках опасности со всех ног бросаются к матери или же в нору. Малышами могут заниматься и чужие матери, образуя «детские сады». Во время дневного отдыха молодые подражают битвам взрослых и устраивают понарошечные потасовки, пытаются рыть норы и вообще подражают во всем, ибо это помогает выжить. Об особой и неистовой любви сурикат к своим деткам говорят случаи, когда при нападении орла мать закрывала малышей своим телом, обрекая себя на гибель...

ФОТОКОНКУРС «Охота и природа, 2012»

**Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»
объявляет очередной фотоконкурс «Охота и природа, 2012»**

Условия конкурса

Принимаются цветные и черно-белые фотографии размером 15х21 см, а также слайды. Фотоочерки - из любого количества фотографий.

Нас интересует любая тема, связанная с охотой и охотничьим хозяйством: звери и птицы, виды и способы охоты, работа охотоведов, егерей, охотинспекторов, обществ охотников и охотничьих управлений, биотехнические мероприятия в охотничьих хозяйствах, спасение попавших в беду животных, борьба с браконьерством, охотничьи угодья и жанровые фотографии.

За лучшие фотоочерки и фотографии установлены премии:

1 первая - 10000 рублей,

3 вторых - по 5000 рублей,

4 третьих - по 2000 рублей.

Присланные фотографии по почте не возвращаются, они могут быть использованы для иллюстрирования журнала. Прием фотографий заканчивается 10 декабря 2012 года.

В письме или на оборотной стороне каждого снимка укажите, пожалуйста, фамилию, имя и отчество (полностью) автора, день, месяц и год рождения, паспортные данные, адрес, ИНН, номер страхового пенсионного свидетельства, а также название фото (или серии) и место съемки. На конверте напишите: на фотоконкурс.

Фото Л. Ременюк

Удобно устроился

Год дракона

Ольга МЕЖУЕВА

23 января 2012 года наступит год Черного Водяного дракона — год, в котором могут происходить не только интересные события, но и драматические. Китайцы считают, что людям, родившимся в этом году, несказанно повезло, так как дракон — это олицетворение удачи, счастья и высокого положения в обществе. Сам же дракон олицетворяется мудрым и решительным существом, который любит праздники и парады. Поэтому 2012 год

обещает череду новых ощущений, событий и дает огромный потенциал возможностей. А в конце года он наградит самых активных и трудолюбивых, не забывая наказать злых и ленивых людей. В Год дракона повезет людям трудолюбивым и творческим.

В отличие от всех других животных восточного календарного года, драконы — животные мифические, правда, драконами называют и некоторых земноводных и ящериц.

История открытия «драконов»

Уникальный национальный парк Комодо известен на весь мир, охраняется ЮНЕСКО и включает в себя группу островов с прилегающими теплыми водами и коралловыми рифами площадью более 170 тыс. га. Острова Комодо и Ринча — самые крупные в составе заповедника. Но главная их достопримечательность — комодоские «драконы», гигантские вараны нигде более не встречающиеся. Взрослые особи достигают 3–4 метра в длину, а весят 100 кг и более.

В 1912 году голландский летчик совершил вынужденную посадку на острове Комодо в Яванском море. Вернувшись на родину, он стал рассказывать истории о каких-то кровавожадных многометровых монстрах, пожирающих свиней, коз, оленей, быков и лошадей. Излишне говорить, что никто не поверил ни единому его слову.

Однако, время спустя, майор П.А. Оуэне, директор Бутензоргского ботанического сада, вступил в переписку с управляющим острова Флоренс Штейном Хенсбруком. Жители острова рассказали этому чиновнику, что на их землях и близлежащем острове Комодо обитает «буяндарат», то есть «земляной крокодил».

Ван Штейн заинтересовался их сообщением и твердо решил разузнать как можно больше об этом любопытном звере, а если повезет, то и достать его особь. Когда дела службы привели его на Комодо, он встретился с местными ловцами жемчуга, которые стали уверять его, что видели гигантских ящериц шести, а то и семи метров.

Штейну удалось добыть особь длиной 2 м 20 см, шкуру и фотографию которой он отправил майору Оуэнсу. Он обещал поймать экземпляр покрупнее, хотя сделать это было не просто, так как местное население до смерти боялось зубов этих ужасных чудовищ, равно как и ударов их ужасных хвостов. В этом чудовище, свидетельствующем о минувшей эпохе,

Оуэне без труда распознал варанов крупной разновидности. Он описал этот вид в Бюллетене Бутензоргского ботанического сада, назвав его *komodensis*.

Лишь летом 1926 г. на остров прибыла экспедиция зоологов, которые своими глазами увидели гигантских реликтовых ящеров, названных ими «драконами острова Комодо».

Познакомившись в ними поближе, ученые поняли, что для человека они не представляют никакой опасности, а на лошадей и быков нападают в самых редких случаях. Тем не менее в зубы этого хищника попадают свиньи, бараны и маленькие лани.

Позднее выяснилось, что об этом звере упоминалось еще в Бимских архивах, относящихся примерно к 1840 году.

По всем законам логики эти животные должны были исчезнуть с лица земли еще миллионы лет назад. По непонятной причине этого не произошло. Но вот причина, по которой они уцелели в XX веке, смешна и банальна. Их кожа оказалась непригодной для изготовления сапог и сумочек.

Вараны Комодо, живущие своей жизнью в маленьком уголке нашей планеты, удивительны — они часть той загадки, которая заставляла средневековых картографов помечать неисследованные территории на своих картах волнующей надписью: «Здесь живут драконы»...

Итак, встречаем год Дракона. За несколько минут до боя часов оставьте суету и попрощайтесь с годом Кота и Зайца. Когда часы извещают о начале нового года, с первых же секунд постарайтесь думать только о хорошем. Если вы оденетесь во что-нибудь черное с золотым — это будет замечательно. Кстати, драконы любят драгоценности, во всех древних легендах и сказках они выступают в качестве стражей кладов и сокровищ. Если есть драгоценности, наденьте их.

На новогодний стол можно поставить все, что угодно — от банальных куриных окорочков до изысканных восточных блюд. Главное — хорошо приправить их душистым перцем и базиликом, кардамоном и мускатным орехом, имбирем и корицей, гвоздичкой и перцем «чили».

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Уже несколько лет в журнале публикуется ряд статей, посвященных русскому охотничьему языку, описанию его основных разделов, перспективам создания специального словаря. Составление словаря русской охотничьей лексики, как и составление любого другого терминологического словаря, началось с разработки словника, включающего в себя отбор специальной лексики по тематическим и лингвистическим признакам методом сплошной выборки из фундаментальных работ, посвященных русской охоте. Для этого привлекались как произведения классической русской прозы и поэзии, так и значительный массив специальной дореволюционной, советской и современной охотничьей литературы, что способствует наглядной демонстрации преемственности поколений и исторической изменчивости рассматриваемой системы слов. Большое значение для актуализации результатов исследования имело привлечение сети Интернет и материалов специальных охотничьих сайтов и форумов, как наиболее доступных мест сегодняшнего реального и живого функционирования русского охотничьего языка. Лексемы, по отношению к которым возникали сомнения относительно их значения и актуальности, были проверены с

помощью проведения анкетных опросов.

На сегодняшний день словарь, над которым автор работал на протяжении всех этих лет, почти полностью готов к выходу в свет. В нем более 1900 словарных статей, описывающих лексику русского охотничьего языка как с точки зрения ее современного состояния, так и с точки зрения происхождения (этимологии). При этом этимологической стороне вопроса уделяется особое внимание (конечно же лишь в тех случаях, когда детальный анализ необходим и значение не лежит «на поверхности»). Зачастую именно экскурс в прошлое помогает установить не только истинное значение слова, но и восстановить правильность его написания. К примеру: для употребляемых среди гончатников слова «атрыщ» и «паратость» правильным является написание не через «а», а через «о». «Отрыщ» происходит от глагола «рыскать, отрыскать» и форма с «а» представляет собой нечто вроде «атайди», что с точки зрения правописания совершенно безграмотно. Аналогично и «поратость»: следует отталкиваться от варианта написания через «о» — поратый (кстати, именно эту форму употребляет барон Г. Д. Розен в своей «Истории гончих собак», 1896 г.). У В. И. Даля в ста-

тье «пора» находим: поратый — северное «бойкий, сильный, дюжий, усердный, ражий»: это поратый конь, поратая борзая, сильная, бойкая и прыткая; порато — сильно, очень, весьма, крепко, больно, много: он порато убился (сильно ударился). Вероятно, происходит от слова «пора» в значении «расцвет» (в самой поре — в самом расцвете), а «а» — следствие пресловутого «аканья» средней полосы и юга России. В списки слов сознательно включены также ряд архаизмов (устаревших слов), которые имеют помету «устар.». Хотя в современном охотничьем языке они и не употребляются, но до конца устаревшими их все же считать нельзя, поскольку они то и дело появляются вновь благодаря работе, ведущейся по переизданию старопечатных охотничьих книг. К сожалению, в рамках представляемого цикла публикаций отсутствует возможность опубликовать весь словарь полностью с приведенными для каждого слова литературными примерами. Так, только часть «а», одна из наименее объемных, содержит более 20 слов. На страницах журнала мы ограничимся лишь наиболее интересными и яркими статьями, но, смею надеяться, что даже эта выборка будет познавательна и интересна для читателей.

Е. А. Тихменев (1869—1934). Псовая охота

Анонс — (о легавой) доклад о найденной дичи — когда собака возвращается к вешущему и ведет его туда, где обнаружила дичь; заимствовано из французской традиции охоты с легавой.

Арапник — охотничий кнут; название никакого отношения к арабам и арабской культуре не имеет; из польского «Нагаршк» — то же; от «Нагар!» — окрик охотника, отгоняющего собак от добычи. В польский язык слово попало, очевидно, из немецкого языка, где имеет то же значение. То же происхождение имеет и **арап** — команда собаке; подается, если борзые или гончие рвут заловленного ими зверя; первое письменное упоминание слова **арапник** в русском языке мы находим уже в книге «Охотничий регул принадлежащий да псовой охоты» (вторая половина 17-го века): «Похвальный охотник — кобель резов, сам на коне бодр, арапник на руке, нож на бедре, едет — не робеет...» Это может служить косвенным подтверждением его происхождения, если вспомнить, что «Регул...» был составлен рижским немцем стольником Христианом Ольгердовичем сыном фон Лессиным и переведенный на русский язык смоленским шляхтичем Аркадием Станкевичем. Арапник часто использовался для подачи сигналов на охоте: поднятый вверх в правой руке (при травле лисиц по пороше) — сигнал о том, что обнаружен след лисы; поднятый с надетым на него головным убором (при охоте на волков с борзыми на псовой охоте) — знак того, что обнаружен волк или волки.

Арлекин — 1) порода рослых гончих светло-серой масти с мелким черным крапом и одним или обоими синевато-белыми глазами; исчезли в середине XX века; существует мнение, что белоглазость и характерный окрас арлекина являются следствием генетической мутации; между прочим: в Реестре собак 1739 года два арлекина указаны как **чистопсовые** борзые; 2) мраморный окрас собаки; 3) разноглазка, т. е. всякое животное с глазами разного цвета, название дано по сходству на основании признака «яркий, пестрый» («Arlecchino» «красочный персонаж итальянской комедии»).

Атукать — кричать: «Ату его», «О-ту его» («Ату его!»), «Ату!» при охоте с борзыми, показывая замеченного зайца; две версии происхождения: звукоподражательная или искаженное заимствование из французского языка — tout; однако более вероятна первая: **атуканье** — искаженное темпом произнесения порсканье «вот он — вот он — вот он», «ото-ото-ото» с аканьем превратившееся в «ату».

Багряная — (о гончей) ярко-рыжего, почти красного окраса, который всегда заметно светлее низу; от имевшегося только в старославянском «багръ» «пурпур, пурпурная раковина»; в современном стандарте гончих под определением **багряная** попадают и собаки желтого цвета.

Байбак — сурок; происходит из караимского или татарского и в некоторых языках имеет значение «лентяй» (например, в польском «bajibak»), которое, вероятнее всего, первично и перенесено на животное по сходству поведения в результате табуизации (так же, как и общеевропейское исконное название медведя было заменено на «ведающего мед»).

Барабанить — **токовать** (о белой куропатке), однако, возможно, и «токовать»; название по сходству звуков; заимствование из древне-персидского, через крымских татар «balaban» «большой барабан».

Барловая шкура — осенняя, лучшая шкура косули; в восточно-сибирских диалектах имеется и противоположное значение «барлой» — весенний, выцветавший, низкосортный мех (Фасмер, Даль), что позволяет предположить происхождение от диалектального «борла» — косуля.

Башур — 1) большой охотничий рог низкого (басового); причина номинации не ясна, сходное по форме слово встречается в немецком языке: «Beschir, Baschyr», но означает «туркменский ковер», в самом туркменском языке basyr — прикрытый сверж; в Удмуртской республике существуют топоним Башур; 2) низкий бас охотничьего рога; 3) низкого тембра голос выжлеца; 4) кличка **выжлеца** — данное значение лучше всего подходит для объяснения происхождения понятия, поскольку ближе всего стыкуется с татарским «баш» — голова, а «Словарь русских фамилий» в словарной статье «Башуров» толкует слово башур как «новгородско-череповецкое» — «крупноголовый», что делает возможным установление следующей последовательности: «крупноголовый — крупный, мощный — обладающий низким голосом».

Бегаться — спариваться (о соболе и других мелких хищниках, о волке); возможно также **гоньба, беганье**.

Бегунки — (Верхневолжск.) первые прилетевшие дупеля.

Беднокостная — собака со слабым костяком.

Безножить — (о ловчих птицах) не мочь встать из-за развивающегося рхита.

Белковье — (Вост. Сиб.) промысел белки; существительное, образованное от глагола «белковать», точно так же, как «зимовье» от глагола «зимовать»; в языке восточносибирских промысловых охотников существовало несколько специальных слов, образованных таким способом: в здешнем краю (Восточная Сибирь — Е. Ц.) в большом употреблении в простонародии, например: ... лиса — **лисовать**, белка — **белковать**, коза — **козовать**, зверь — **зверовать**, вьюк — **вьюковать**, ... ружье — **ружейник**, а не говорят охотник, ... утка — **утятничать**, тарбаган (сурок) — **тарбаганничать**... И множество других производных слов (Черкасов, 1990: 288); **белковщик** — 1) охотник, промысляющий белку; 2) ястреб-тетеревятник (Прибайкалье).

Бельтон — окрас сеттера («**Бельтон**» есть признанный термин, обозначающий мелкий, хорошо выраженный крап английского сеттера. Бельтон — деревня в Нортумберленде, Англия. Выражение было впервые употреблено и впоследствии распространилось благодаря книге об английском сеттере Эдуарда Лаверака, первом заводчике и авторе породы. (3)); возможно также **блю-бельтон** и **лемон-бельтон**; заимствовано из французской традиции охоты с легавой.

Береги! — команда на охоте, означающая «Будь особенно внимателен!»; **Береги шалаш!** — предупреждение охотнику на тетеревах с чучелами о том, что к его шалашу приближается добыча; возможно также «Береги поле!»; **беречь поле** — стоять с борзыми на лазу, ожидать зверя.

Беречь (о собаках) — (устар.) (о собаках) вязать; **бережка, сбережка** (устар.) — вязка... разведение собак; один из древнейших славянских эвфемизмов, связанных со сферой продолжения рода — слово беречь в том же значении обнаружено и в тексте народного лечебника «Аще муж не учнет беретчи жены, то помажь его салом медвежим всего или михерь его, и не будет ему похоти на иную жену...»; аналогично «бережая» — жеребая кобыла (Даль).

Беркутчи (буркутчи) — охотник, владеющий искусством охоты с беркутом.

Берлога — зимнее логово медведя; название включает в себя общеевропейский корень «бер-» медведь; русское название этого зверя является результатом табуизации.

Бить — 1) эвфемистическая замена глаголов «стрелять, убивать»; **бить вальдшнепов** на перелетах, **бить в меру, битая** (птица); **бит(а) чисто** (о звере, птице) — убит сразу, наповал; 2) (о ружье) стрелять; 3) манера нападения сокола на добычу; 4) издавать призывный крик (о перепеле); 5) **бить на угонках** (о борзой) — делать зверю непрерывные угонки, не давая ему уйти.

Блюсти (поблюсти) — (устар.) **вязать** (повязать) собаку; очевидно от старославянского «блюд, блюсти» «хранить, соблюдать», отсюда и устаревшее «ублюдистая собака» — породистая.

Бой (скирканье, стрекотание, точение) — 1) центральная часть «песни», токования, игры глухаря; 2) жесткий грунт (в засуху или заморозки), о который борзые быстро разбивают ноги; 3) крик токующего перепела; 4) **технические характеристики последовательных процессов, происходящих при выстреле в рамках внутренней и внешней баллистики, т. е. качество выстрела, степень способности ружья поражать объект (Реймерс, 1985:8).**

Борзоватость — наличие в экстерьере собаки черт, присущих борзой: узкая грудная клетка, высоконоготь, сильно подтянутый живот; возможно также: **борзоватый вид, череп, морда.**

КУЗЯКИН В. Зимний маршрутный учет необходим	1
МОРОЗОВ П. На паданке	4
ВЕХОВ Н. Песцовый рай	6
ШВАРЦ С. Экология человека	12
Нашему фотокорреспонденту А. Ф. Дигилевичу — 70 лет	18
РУБИН В. К вопросу о стандарте восточносибирской лайки	22
XVI съезд республиканского государственного общественного объединения «Белорусское общество охотников и рыболовов»	25
САМСОНОВ А. Дальнобойное помповое оружие	26
ШКАРЕВ Н. Давнишнему и преданному автору журнала «Охота и охотничье хозяйство» Б. М. Петрову — 80 лет	30
ПЕТРОВ Б. Оставь после себя песню	31
АЛЁХИН И. Косогор	34
КЛИМОВ В. Сурикат	42
Фотоконкурс «Охота и природа, 2012»	44
МЕЖУЕВА О. Год дракона	45
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	46
ШИШКИН В. Куриные	48

На первой и четвертой страницах обложки:

Лани в охотничьем хозяйстве «Озерное»
 Фото А. Дигилевича

Внимание! В № 11, на стр. 14 (3-я колонка 2-ой абзац) в статье Н. Тимофеева-Ресовского «Биосфера и человек» допущена ошибка. Нужно читать: «общая биомасса нашей планеты 10^{14} и 10^{15} т».

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

А.М. Блюм, М.В. Булгаков, Г.В. Висящев, Т.А. Волжина (ответственный секретарь), **Л.А. Гибет, И. А. Домский, А. А. Данилкин, А.М. Лаврова, В.Г. Сафонов, К.П. Севастьянов, А.А. Севастьянов, А.А. Улитин, В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин**

Главный бухгалтер **Н.М. Видулина**
 Зав. отделом писем **И.И. Полосухина**
 Художественный редактор **М.Л. Кнерцер**
 Оператор компьютера **Н.В. Дервиз**
 Корректор **З.М. Данилова**
 Фотокорреспондент **А.Ф. Дигилевич**

Сдано в набор 01.11.2011 г. Подписано к печати 05.12.2011 г.
 Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28000 экз. Заказ 2918.
 Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 101990, Москва, Милютинский пер., д. 18а
Тел.: 8 (495) 641-02-28.
Электронная почта ohota.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
 142300 г. Чехов, Московской обл.
 Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
 Факс 8(496)726-54-10, тел. 8(495) 988-63-87
 В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
 Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

Куриные, или курообразные, наряду с гусеобразными имеют большое значение в хозяйстве человека, в том числе охотничьем. Представители отряда куриных (свыше 260 видов) расселились по всем континентам за исключением Антарктиды — от тундр до тропиков, от жарких песчаных пустынь до высокогорий. Среди них такие крупные птицы, как глухарь, павлин, дикий индюк (6—10 кг), есть и совсем мелкие виды, например, перепел (около 100 г). Общие черты строения этих птиц связаны преимущественно с наземным образом жизни, встречаются и виды, живущие в основном на деревьях (краксы). Телосложение у куриных, как правило, плотное, ноги сильные, четырехпалые, хорошо приспособленные для разрывания грунта, лесной подстилки. Крылья относительно короткие, закругленные, для большинства видов характерен короткий «взрывной» полет. Типична оседлость, мигранты — исключение (перепел). Клюв сравнительно короткий, с загнутым концом и режущими краями, вздутый, удобный для отрывания растительных кормов — основы питания. В диете ряда видов обычны и животные корма. Для многих куриных характерен половой диморфизм. Самцы крупнее покровительственно окрашенных самок. В брачном наряде самцов появляются удлиненные и другие украшающие перья. Разнообразно токовое поведение куриных, с демонстрационными позами, специфической вокализацией: достаточно вспомнить глухаря, тетерева, павлина. Традиционно полигамия, но есть и моногамные виды (например, серая и белая куропатки). Кладки могут быть довольно крупные, в среднем 9—15 яиц. Птенцы появляются на свет хорошо опушенными. Развитие идет по выводковому типу, но в первые дни птенцы еще часто обогреваются самкой.

Отряд куриных подразделяется на два надсемейства: краксовых и фазановых. Собственно краксы или древесные куры — эндемики Центральной и Южной Америки. К надсемейству краксов относят также большеногов, или сорных кур, обитающих в Австралии, Новой Гвинее и соседних островах. Надсемейство фазановых включает три семейства: собственно фазановых, индюковых и тетеревиных. В крупнейшем семействе отряда — фазановые представлены более 180 видами. Здесь и многообразные фазаны из Азии, и африканские цесарки, и американские зубчатоклювые куропатки, эффектные павлины и скромно окрашенные перепела. Два вида диких индюков — обитатели центральной и южной части Сев. Америки. Около 20 видов тетеревиных встречаются в основном в умеренных и высоких широтах Евразии и Сев. Америки.

Фауна куриных России и стран ближнего зарубежья насчитывает 21 вид: 8 тетеревиных и 13 фазановых. Тетеревиные (рябчик, тетерев, глухарь, белая и тундряная куропатки) и фазановые (фазан, серая куропатка, перепел, кеклик) — традиционные объекты промысловой и спортивной охоты. Но целый ряд видов куриных находится под угрозой исчезновения. В Красную книгу России включены кавказский тетерев, дикуша, алтайский улар. В ближнем зарубежье неблагоприятная ситуация складывается с турачом. Куриные гибнут не только от прямого преследования, но и от разрушения привычных местообитаний, неоднократно отмечалось отрицательное воздействие на диких куриных химикатов, применяемых в сельском и лесном хозяйстве. Куриные — классический пример успешного одомашнивания диких птиц (куры, индейки, цесарки). Широко применявшиеся акклиматизационные мероприятия (например, расселение фазана) теперь все чаще сопоставляют с возможностями восстановления местной фауны диких куриных, чтобы благополучие интродуцентов не строилось за счет исчезновения аборигенных видов. В последующих повидовых очерках куриных нашей фауны мы подробно остановимся не только на определенных чертах, образе жизни этих птиц, но и рассмотрим формы хозяйственного (преимущественно охотничьего) использования, а также необходимые меры охраны отдельных видов.

В. ШИШКИН

Охотничий
фазан
самец

Глухарь
самец

Алтайский
улар
самец

Тундряная куропатка
самец

Перепел
самец

Индексы: 70673 — на полгода, 72376 — на год

USSN 0131—2596. Охота и охотничье хозяйство. 2012. № 1. 1—48.